

ВНЕ ИГРЫ

Сойер Беннетт

«Я не уверен в том, что именно подвигло меня совершить это. Может быть, причиной тому послужили невыполнимые ожидания, с которыми я столкнулся, или моя ненависть к себе сыграла роль в произошедшем. Но я знал, что нуждаюсь в чем-то новом. Мне нужен был кто-то... что-то... чтобы сбить меня с выбранного мной пути. В противном случае, я бы стал потерянным, опустошенным подобием человека. Так я и поступил. Я приблизился к ней, потом преследовал, а затем сделал ее только своей. Я обрел надежду, и моя жизнь была спасена...» Райан Бёрнэм — привилегированный сын американского конгрессмена и капитан университетской команды по хоккею. В тот момент, когда он стоит на пороге осуществления своей мечты играть за НХЛ, его родители планируют для него другой сценарий жизни. Тот, который все ждут, что он примет, чтобы поддержать репутацию образцовой семьи. Вынужденная прекратить свою музыкальную карьеру после ужасной трагедии, которая унесла жизни ее родителей, Данни Кросс выживает в совершенно иных условиях, чем Райан. Она борется изо всех сил, чтобы найти свой собственный путь в водовороте жизненных перипетий, работая на двух работах, обучаясь на очно-заочном отделении в колледже и ведя активную волонтерскую работу в приюте для бездомных. Она стремится сама добиться успехов в жизни. Благодаря их случайной встрече сталкиваются два разных мира, предоставляя им возможность, оценить находятся ли они на правильном пути к счастью и к реализации своих возможностей. Смогут ли их отношения выжить, столкнувшись с преградами, которые для них приготовила жизнь? Особенно, когда на каждом шагу все окружающие люди против них. Многие может случиться за эти десять дней, которые им подарила судьба. Современный роман, предназначенный для читателей 18+

РАЗМЫШЛЕНИЯ

«Я не уверен в том, что именно подвигло меня совершить это. Может быть, причиной тому послужили невыполнимые ожидания, с которыми я столкнулся, или моя ненависть к себе сыграла роль в произошедшем. Но я знал, что нуждаюсь в чем-то новом. Мне нужен был кто-то... что-то... чтобы сбить меня с выбранного мной пути. В противном случае, я бы стал потерянным, опустошенным подобием человека.

Так я и поступил. Я приблизился к ней, потом преследовал, а затем сделал ее только своей. Я обрел надежду, и моя жизнь была спасена...».

Райан

Эй, эй, эй, эй...

Я ненавижу этих гребаных зеленых мерзавцев, насмехающихся надо мной. Ударяя по кнопке «начать сначала», я провожу пальцем по экрану, оттягивая назад маленькую синюю птичку. Затем позволяю ей взлететь, а после быстро нажимаю на нее, отчего ее нечеткий образ разлетается на три части, обрушивая на моих обидчиков всю яростную силу атаки. Лед разлетается, и я уничтожаю зеленых свиней. Победа за мной.

— Двигай задницей, Райан. Мы сваливаем.

Я бросаю быстрый взгляд на группу, которая идет впереди меня. Они все смеются, двигаясь рука об руку, мы похожи на гребаную новую версию «Друзей». Все одеты с иголки в дизайнерскую одежду, демонстрирующую неприличное богатство наших семей. У нас идеальные прически, и мы ведем идеальную жизнь в колледже. Иногда я ненавижу все это.

Но сегодня мы делаем исключение из правил. После вечеринки в общежитии, мы направляемся в ближайшую круглосуточную закусочную, чтобы немного перекусить. Оу, черт, как же низко мы пали, позор.

Между охренительно большим количеством алкоголя и косяками с травкой всех одолевает животный голод. Ну, а я голоден, потому что просто хочу есть. Я, к большому сожалению, не могу покурить травку вместе с друзьями, потому что департамент спорта в Северо-Восточном неожиданно принял решение проводить контрольные тесты на наркотики у своих спортсменов. А я не собираюсь ставить под угрозу наш хоккейный сезон ради небольшого косяка с марихуаной. Я очень надеюсь, что Майк и Картер сегодня тоже держались подальше от этого дерьма. Судя по тому, как девушки хихикали, они-то точно покурили.

Сейчас 03:00 утра, и я не чувствую себя достаточно пьяным, чтобы игнорировать тот факт, что хотел бы надрать задницу всем в компании и вернуться в общежитие, чтобы немного вздремнуть. Ох, мать вашу, это была очень долгая ночь, и она собирается стать еще более долгой.

Большая часть парней из нашей пьяной компании состоит в главном составе Северо-Восточной хоккейной команды. У нас отличное телосложение, мы довольно крепкие парни. Мой правый крайний нападающий и лучший друг, Майк Яналас, выкрикивает ругательства компании молодых уличных бандитов, которые прислонились к старому «Додж Чарджеру» и расслабленно курят сигареты, непринужденно болтают. Он обнимает свою девушку — Кэмерон.

— На что вы, бл*дь, пялитесь? — кричит на них Майк. Он пьян, как свинья, и я раздраженно вздыхаю про себя. Я так не хочу сегодня прикрывать его пьяную задницу в драке.

К счастью, убогие придурки ничего не ответили и просто скрылись в темноте. На самом деле я не удивлен. Мы все крупные ребята, и любой, решившийся на конфликт с нами, должен быть сумасшедшим.

Мы заворачиваем на Хей-стрит и оказываемся на знакомой мне территории. Тренажерный зал, где я работаю, располагается всего в нескольких кварталах отсюда, вниз

по улице, а общежитие находится в противоположном направлении. Ресторанчик «Салли» расположен между двумя этими точками, поэтому служит главным пристанищем после каждой вечеринки в течение трех лет, пока я являюсь студентом Северо-Восточного.

Я бегу вперед, чтобы догнать остальных.

Когда мы все вваливаемся в «Салли», я полной грудью вдыхаю аромат жареного бекона и картофеля фри. В закуской достаточно многолюдно, учитывая то, что сейчас предзакатное время. Несколько столиков заняты пьяными студентами, а у стойки сидит старик, зависший над чашкой кофе.

Сдвигая несколько столов вместе, мы садимся и хватаем липкие меню. Я пинаю один из стульев, тем самым выбивая его из-под стола. Сажусь и откидываюсь назад, вытягивая ноги. Затем скрещиваю их, чтобы комфортнее устроиться, и продолжаю по-прежнему игнорировать группу, предпочитая вместо их компании резаться в «Энгри Бёрдс».

Мне плевать на меню. Я уже знаю, что закажу «Хаски Спешл»: чизбургер с жареным яйцом сверху, плюс большая порция картошки фри. Я вкалываю, как сумасшедший для того, чтобы подготовиться к началу хоккейного сезона, который стартует через несколько недель, поэтому могу позволить себе пару-тройку лишних калорий.

— Arrr... этот стол такой липкий и грязный. Я не понимаю, почему мы всегда приходим сюда.

Я полностью сосредоточен на своей миссии по уничтожению как можно большего количества свиней, и мысленно закатываю глаза на реплику Энджелин. Меня ужасно раздражает, что она с нами; ее избалованное нытье уже достало.

Я был удивлен тем, что она вообще появилась сегодня на вечеринке, ведь мы изо всех сил пытались избегать друг друга с того момента, как расстались несколько недель назад. Но, предполагаю, наша встреча все-таки была неизбежна, потому что у нас узкий круг общения. К тому же Майк — мой лучший друг, а Кэмерон — ее лучшая подруга.

Я украдкой смотрю на Энджелин и качаю головой. Она пытается протереть стол дезинфицирующим средством для рук и салфетками, кривясь в отвращении. Наблюдая за ее мучениями со столешницей, я не упускаю возможность напомнить себе, что решение порвать с ней — было правильным. На мой вкус, Энджелин слишком чопорная. Черт, она даже не обнимала меня после моих игр, пока я не принимал душ. Оглядываясь назад, я удивляюсь, что она не протирала меня этим антисептическим средством прежде, чем мы начинали заниматься сексом. Или не заставляла меня надевать на член два презерватива.

В ужасе я прикусываю нижнюю губу. Увидеть сегодня Энджелин было чем-то нереальным. Я ожидал, что она по-прежнему будет в ярости из-за нашего расставания. Вместо этого, она подошла ко мне, крепко обняв, при этом болтая без умолку о том, как она рада меня видеть. Я сделал вид, что отвечаю ей взаимностью, хотя не ощущал того же. Я просто был вежлив с ней.

Когда время уже приближалось к ночи, Энджелин перешла от дружеских подколов к откровенному флирту. От меня не ускользнуло, как много раз она умудрилась положить руку мне на плечо, как она заводила разговор со мной, как вставала на носочки, чтобы прошептать мне какую-нибудь чепуху на ухо.

Не поймите меня неправильно. Сегодня Энджелин натянула на себя кожаные обтягивающие джинсы, топ, который едва прикрывал ее прелести, и головокружительно высокие каблуки. Она просто излучала секс, и не концентрируй она понапрасну все свои силы на мне, какой-нибудь парень был бы счастлив, заполучить ее внимание.

К концу ночи, когда приглашенная группа играла одну из своих последних песен, она попыталась утешить меня танцевать. Я вежливо отказался, сказав ей, что это, вероятно, не самая лучшая идея. Казалось, она с достоинством приняла отказ, но затем моментально решила пойти с нами, когда мы отправились к «Салли». Мне просто стоило пойти домой, но я действительно был голоден и думал, что смогу выдержать еще полчаса в компании Энджелин.

И вот, наконец, мы сидим здесь, я пытаюсь сосредоточиться на метании птиц в свиней, лишь наполовину уделяя внимание разговорам, которые ведутся за столом. Проходит всего секунд пять, пока какой-то умник не упоминает Декарта, и тут начинается.

Я считаю забавным, когда студенты пьяны или обдолбаны до такой степени, что начинают обсуждать философию. Никому нет никакого дела до философии вплоть до того момента, пока в дело не вступает алкоголь, и неожиданно каждый горит желанием вставить пару умных словечек.

Мы все проходим курс философии, на котором изучаем философов семнадцатого и восемнадцатого веков. В кампусе активно обсуждают, что доктор Андерсон, в свои сто двадцать лет, в основном спит во время занятий и говорит студентам весь материал, который будет использоваться на итоговом экзамене. Весь курс надеется, что его экзамен будет сдать проще простого. Я очень рассчитываю, что так и есть, потому как у меня чертовски хорошие оценки для перевода на четвертый курс, и я хочу иметь больше свободного времени в расписании, чтобы тратить его на хоккей.

— Ну, я думаю, что дуализм — это полная чушь, — говорит Майк с воодушевлением. Его произношение слегка невнятное, он почти еле ворочает языком. — Если разум может существовать независимо от мозга, тогда каким образом существует физическая память? Скажите мне, какой в этом смысл?

— Ничто из этого не имеет долбанного смысла, — бормочу я, не отрывая взгляда от Айфона. Никто даже не обращает на меня внимания, что меня вполне устраивает. Моя игра гораздо интереснее, нежели обсуждение Декарта.

— У тебя узкое мышление, — насмехается Энджелин. — Я считаю концепцию «Я мыслю, следовательно, существую» (прим. пер. — философское утверждение Рене Декарта, фундаментальный элемент западного рационализма Нового времени) более увлекательной. Это довольно глубокий уровень, о котором я не задумывалась прежде.

Я уверен, что она никогда не размышляла ни над чем больше, кроме выбора дизайнерских джинсов, которые она наденет утром. Но я впечатлен тем, в каком направлении она интерпретирует философию дуализма.

Краем глаза я замечаю приближающуюся официантку, но не смотрю на нее, потому что я в шаге от того, чтобы побить свой же рекорд. Она стоит рядом в течение нескольких секунд, пока за столом бушует дискуссия, и терпеливо ожидает, когда мы прервем свою мозговую активность и обратим, наконец, на нее внимание. Но никто не прерывается, чтобы даже перевести дыхание, поэтому она тихонько кашляет, будто пытается прочистить горло.

Когда все сидящие за столом погружаются в тишину, Энджелин произносит глубоко оскорбленным голосом:

— Извините. Но у нас самый разгар важной дискуссии. Как вы думаете, уместно ли прерывать нас, ошибочно предполагая, что мы закончили?

Все начинают истерически смеяться, кроме меня. Я мысленно усмехаюсь и просто качаю головой. Энджелин способна унижить кого-либо и заставить их чувствовать себя

никчемными буквально в считанные секунды. Это истинное умение, которое присуще безумно богатым и ужасно самовлюбленным.

Но Энджелин еще закончила с ней. Она поворачивается к остальным и говорит:

— Я думаю, мы не можем винить ее за невежество. Ведь она работает всего лишь официанткой. Вероятно, этот разговор немного не ее уровня, — затем она начинает громко смеяться, что заставляет меня крепко стиснуть зубы.

Ладно, даже я признаю, что это довольно подло, но ничего не говорю. Я продолжаю держать голову опущенной, избегая любых взаимодействий с Энджелин. Она пьяна и груба. Не лучшая комбинация, а у меня нет подходящего настроения, чтобы играть в ее игры и противостоять ей. Черт, да это одна из причин, почему я расстался с ней. Между нами всегда была борьба.

До того, как Энджелин успеет добавить еще что-то, я слышу ответ официантки:

— Оу, мне так жаль. Просто... Я заметила, что вы все сидите здесь, и простите мне мою невоспитанность, но я уверена, что принцип «Бритва Оккама» гласит, что среди конкурирующих теорий при равных условиях, самая простейшая из них, вероятно, является верной. Я видела, как вы уже просмотрели меню, а после положили обратно. Таким образом, простейшая теория заключается в том, что вы готовы сделать заказ. Подумайте об этом в данном направлении... Думаю, я точно видела, что вы ознакомились с меню, поэтому сейчас нахожусь здесь, чтобы принять ваш заказ. И я знаю, что Оккам выдвинул свое утверждение раньше, чем Декарт, но все равно это продолжает оставаться довольно логичным принципом, вы так не находите?

За столом воцаряется полная тишина, все в оцепенении, тогда я поднимаю глаза на официантку. Это самое интересное, что произошло за сегодняшнюю ночь... Вся злоба Энджелин застревает у нее в горле. Остальные за столом взрываются в припадке смеха от дерзкого ответа официантки, и я уверен, что Энджелин вот-вот задохнется от злости. Но я не смотрю на нее, потому что уже перевел взгляд на нашу философствующую официантку. Мои глаза расширяются, и я резко делаю глубокий вдох. Она потрясающая. Нет, уникальная. Нет... это не то. Уникально-потрясающая... вот такая она.

У нее русые волосы, стянутые в высокий хвост. Она натуральная блондинка. Это можно определить по цвету бровей, и я уверен, что стоит мне стянуть с нее трусики, я найду подтверждение своей догадке. Десять сантиметров от кончиков волос окрашены в бледно-лиловый цвет. У нее серебряное колечко в левой ноздре и серебряная штанга в правой брови. На ней нет макияжа, но она наделена таким типом природной красоты, которая не нуждается в каких-либо дополнениях. Безупречный цвет лица с сексуальными крохотными веснушками на носу. Ее глаза восхитительного карего цвета, и я ставлю на то, что они приобретают оттенок зеленого, когда она злится или возбуждена. Прямо сейчас они наполнены озорством, и на ее полных розовых губках играет легкая ухмылочка, обращенная к Энджелин.

Я понятия не имею, что особенного в этой девушке, но, черт возьми, она горячая. И определенно чертовски умная.

Я никогда не обращал внимания на девушек с пирсингом или тех, у кого окрашены волосы. Тип девушек, с которыми мои родители ожидают видеть меня на сегодняшний день, носят жемчуг и кашемир, и имеют родословную длиной в милю. Как там говорит моя мать? «Твой отец всегда на глазах у общественности, поэтому мы должны все время соблюдать правила приличия».

Я скользну взглядом по телу официантки и знаю, что не буду пойман, потому что у них с Энджелин продолжается война «кто кого пересмотрит». На ней футболка Северо-Восточного и очень коротенькие шорты, которые показывают ее длинные, изящные, загорелые ножки. На ней надета пара кроссовок, вокруг талии повязан фартук. Чуть выше ее правой груди, которая выглядит так же соблазнительно, как и левая, прикреплен бейджик с именем — «Данни».

Чудо из всех чудес, Энджелин, похоже, поражена. Из ее рта не вылетает ни звука, но ее глаза, словно метают кинжалы.

Вытащив карандаш из-за уха, Данни кладет одну руку на свое бедро.

— Когда вы будете готовы сделать заказ, как насчет... — она делает паузу, чтобы обвести взглядом стол, и останавливается на Картере, — ...тебя. Просто подними руку, когда вы решите что-то заказать, я вернусь. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, она подмигивает Картеру и поворачивается к нам спиной. Я не могу удержаться от громкого смеха, на что Энджелин реагирует яростным взглядом в мою сторону. Я игнорирую ее, продолжая усмехаться.

— Подожди, Данни, — зову я. Она оборачивается и смотрит на меня с удивлением, не ожидая, что ее позовут по имени. — Мы готовы сделать заказ. И я считаю, что ты привела отличный философский аргумент.

Неторопливо повернувшись к столу, Данни удерживает пристальный взгляд, оценивая меня. Я не уклоняюсь и не отвожу глаз, а лишь возвращаю ей такой же пронизательный взгляд. Она целенаправленно подходит ко мне настолько близко, что я могу почувствовать ее запах... и она пахнет летним дождем.

— Итак, что вы будете заказывать?

Вблизи она выглядит даже лучше, и я надеюсь, что мой язык не болтается от удовольствия. Мне хочется сказать, что я желаю получить ее, и на десерт тоже... ее. Вместо этого, я заказываю «Хаски Спешл».

Она подмигивает мне.

— Правильный выбор, приятель.

Майк фыркает, но меня это мало волнует.

Она обходит весь стол, принимая заказ у каждого. После того как она поставила на место Энджелин, все ведут себя соответствующе тихо и вежливо. Не думаю, что кому-нибудь захочется столкнуться лбами с этой девушкой.

Я рассматриваю ее еще ближе. Независимо от того, что она была названа невеждой всего несколько минут назад, кажется, она уверена в себе. Улыбается каждому из нас, пока принимает заказы, даже Энджелин, которая ведет себя заметно уступчивее и просит принести фруктовое ассорти и стакан холодной воды. Я впечатлен и крайне заинтересован этой девушкой.

Почему кто-то, настолько умный, работает в закусочной? И что подталкивает кого-либо красить свои волосы в лиловый или прокалывать нос? У меня нет ответов на эти вопросы, но я хотел бы узнать их.

Как только Данни заканчивает с принятием заказов, разговор возобновляется, только теперь мы обсуждаем хоккей, вместо философии. Думаю, мы начинаем трезветь. Майк, Картер и я размышляем о нашем сезонном матче против Бостонского колледжа. Во время разговора, я наблюдаю за Данни, которая двигается по закусочной и разговаривает с клиентами. Она много смеется, и у нее неотразимая улыбка, от которой появляется по милой

ямочке на каждой щеке. Еще я замечу, что у нее потрясающая задница. Ну, я же все-таки парень.

Видимо, я не делаю это не настолько скрытно, как мне казалось, потому что Картер наклоняется и шепчет мне:

— А она довольно сексуальная цыпочка, да? Думаешь подцепить ее?

Я смеюсь над этим.

— Не, чувак. Она не мой тип.

— Ну что ж, с таким телом она точно мой тип. Интересно, имеется ли у нее пирсинг в интимном местечке?

Не могу утверждать, что не думал о том же. Тем не менее, у меня нет шансов выяснить это. Она не из тех девушек, что предпочитают интрижки на одну ночь. Может, она и создала жесткий образ с этими крашеными волосами и пирсингом, но, глядя на нее, можно с уверенностью заявить, что она больше ангел, чем дьявол. И это слишком плохо для меня. Как и для нее.

Одна ночь могла бы ответить на все мои вопросы. Безусловно, она не подходящая кандидатура для отношений, потому что мои родители закатили бы грандиозный скандал, предстань я перед журналистами с ней под руку. Для меня эта мысль совсем неутешительна. Давно никто не заинтересовывал меня так сильно, и теперь я крайне разозлен из-за того, что должен жить по правилам, которые устанавливают для меня мои родители.

Я тихо вздыхаю и, шутливо толкая Картера, бросаю ему:

— Давай, мужик. У тебя, придурок, есть все шансы с ней.

Данни

Я покидаю душ, испытывая неудержимую дрожь. Наш водонагреватель сломан второй день подряд, и это безумно выводит меня из себя. Не будь я и моя сожительница Паула чертовски бедными, то отыскали бы квартиру получше. Но реальность такова, что мы вынуждены жить впроголодь, и просто не можем позволить себе что-то большее, чем проживание на этой убогой свалке.

— Данни, там была горячая вода?

Я открываю дверь ванной, и со стороны кухни до меня доносятся звуки грохочущих кастрюль. Похоже, Паула решила приготовить лапшу рамен нам на ужин.

— Неа. Все еще холодная как лед, — отвечаю я.

— Черт побери. Бл*дь.

— Следи за языком! У меня кровь из ушей от твоей манеры вульгарно выражаться. И ты должна мне три сигареты.

Паула топает вниз по коридору. Просунув голову в дверной проем, она протягивает мне обещанные сигареты и бросает на меня язвительный взгляд. Я тут же смываю их в унитаз.

— Какая же ты сучка, Данни.

— Я тоже тебя люблю, — отвечаю я, послав ей воздушный поцелуй.

И я действительно люблю Паулу. Она для меня лучший друг и мать в одном лице. Мы живем вместе уже почти два года, и она на пятнадцать лет старше меня. Мы встретились в Салли, где вместе работали, но с тех пор она предпочла двигаться дальше, поэтому сейчас трудится в магазине винтажных пластинок.

Паула профи в сфере ругательств. С самого первого мгновения нашей встречи, я безуспешно пыталась отучить ее от этого. Не то чтобы я сама не выражаюсь, но словарный запас Паулы практически весь состоит из мата. Однажды я поспорила с ней на то, что она не сумеет прекратить использование слова на букву «Б», на что она просто усмехнулась и сказала: «Проще простого». Тогда мы договорились, что за каждое произнесенное слово на эту букву, она должна будет отказываться от одной из своих драгоценных сигарет, которые я с величайшей радостью буду уничтожать у нее на глазах. Полагаю, я избавлю ее от никотиновой зависимости раньше, чем станет слишком поздно.

Покинув ванную, Паула следует за мной в мою спальню. Я сбрасываю свое полотенце на пол, и начинаю одеваться.

— У тебя поздняя смена в «Салли»? — спрашивает она.

— Да. Я заканчиваю в семь утра.

Пока я занята сборами, она прислоняется к дверному косяку.

— Детка, у тебя просто сумасшедшие рабочие часы. Почему бы тебе не бросить эту бл...

Моя бровь высоко поднимается в ожидании того, посмеет ли она продолжить свою фразу.

— ...я имею в виду, эту гребаную работу?

— Хорошая девочка, — хвалю я. — И куда я потом устроюсь? Я двадцатиоднолетняя студентка колледжа, не имеющая никакого опыта работы, кроме как в забегаловке «Салли». К тому же... там довольно приличные чаевые.

Я вспоминаю великолепного парня, который несколько ночей назад оставил мне

пятьдесят долларов чаевых. Он определенно студент колледжа, вероятно, Северо-Восточного, как и я. Очевидно, он при деньгах, если разбрасывается пятидесятидолларовыми купюрами в качестве чаевых. У меня вырывается смешок, стоит вспомнить эту компанию. В минуту, когда та нахальная брюнеточка стрельнула в меня взглядом, я распознала ее намерение испробовать на мне свою лучшую тактику унижения. К счастью, она выбрала тот предмет обсуждения, в котором ничего не смыслила, но в котором я довольно хороша.

Когда я собиралась уйти, парень, играющий в «Энгри Бердс», назвал мое имя — и это было лучшим моментом. Стоило мне развернуться, чтобы посмотреть на него, я тут же вздрогнула от его взгляда. Это было чувственно... словно он хотел поглотить меня. Одни только мысли об этом заставляют меня краснеть. Пока они ели, я успела еще несколько раз бросить взгляд в его сторону, и он, казалось, всегда смотрел на меня в ответ. Я подумывала о том, чтобы немного пофлиртовать, но какой был смысл, ведь ничего не зашло бы дальше этого, потому что мы находимся по разные стороны баррикад. Однажды я предприняла попытку встретаться с тем, кто буквально являлся воплощением «Жизни богатых и знаменитых»^[1], и это было настоящей катастрофой. Кроме того, в данный промежуток моей жизни у меня нет времени и энергии для возни с мальчишками. Может, в один прекрасный день.

После того, как буйная компания удалилась, я принялась инспектировать столики и обнаружила, что они не оставили чаевых, хотя это обычно было больше характерно для пьяных студентов. Полагаю, единственное вознаграждение от них, выудить которое мне удалось — это возможность унижить достоинство той высокомерной студенточки. Я снова издала смешок, думая обо всем этом.

Когда я взяла последнюю тарелку и направилась обратно на кухню, открылась дверь, и в нее зашел тот самый красавчик. Я наблюдала за ним, пока он приближался ко мне. И мы просто уставились друг на друга.

— Это твои чаевые. Я забыл их оставить, — сказал он, скользнув рукой в карман моего фартука.

Я расценила это действие умышленной попыткой препятствовать моему личному пространству, но в то же время это было невероятно сексуально.

— Спасибо, — ответила я тихо.

Он смотрел на меня в течение нескольких секунд, затем произнес:

— Спасибо за сегодняшнее хорошее обслуживание. Ты уверенно поставила Энджелин на место, и я извиняюсь за то, что она сказала.

— Почему ты извиняешься? — поинтересовалась я, склонив к нему голову. — Ты не должен просить прощения за нее.

— Полагаю, так и есть, — ответил он с улыбкой.

Мы еще некоторое время продолжали смотреть друг на друга, и я думала, что он скажет что-то еще. Но он просто развернулся, чтобы уйти, бросив через плечо: «Хорошей ночи».

— Тебе тоже, — ответила я, когда он был уже за дверью.

Только когда мое временное помешательство закончилось, и я взялась за пересчет чаевых, я заметила, что он оставил мне пятьдесят баксов. Да на эти деньги можно было купить целую тонну лапши рамен для нас с Паулой.

— Я уверена, что могла бы устроить тебя в музыкальный магазин.

А? Мое внимание моментально переключается с горячих мужчин, оставляющих мне

большие чаевые, на Паулу. Я улыбаюсь, глядя на нее.

— Нет, если мне придется одеваться вот так, — язвлю я.

У Паулы начальная стадия кризиса среднего возраста. Ее смолянисто-черные волосы теперь разбавлены окрашенными в красный цвет прядями. И она коротко состригла челку. Сегодня на ней шмотки в стиле гота: чертовски короткая облегающая юбка в темно-красных и черных тонах и сексуальный топ с открытыми плечами. Черепа, колготки, с изображенными на них переkreщенными костями, и военные ботинки — довершают ее образ.

— Ой-ой, подруга. Ты вообще придерживаешься какого-то собственного странного стиля с этими волосами и металлом на лице.

Я смеюсь, в процессе этого надевая серьги, и качаю головой. Стряхиваю свои лавандовые волосы на лицо, затем откидываю их назад. Мой образ — чистое искусство. Осматриваю Паулу с ног до головы, демонстрируя свое отвращение, и ухмыляюсь.

— Однако, ты — катастрофа для модного мира.

— Сучка.

— Распутница.

— Шлюшка.

— Мученица.

— Клубничный тортик.

Мы обе раздражаемся смехом. Во время подобных перебранок каждая из нас старается первой рассмешить оппонента. Эта фраза потрясающая.

Присев на край кровати, я надеваю кроссовки. Паула подходит и садится рядом со мной.

— Итак, какие планы на завтра?

С моих губ слетает непреднамеренный вздох.

— Завтрашний день довольно загруженный. У меня две пары утром и репетиторство в обеденное время. Потом я пообещала заменить Энн на несколько часов в закуской, пока она будет встречать своего ребенка из школы. И, наконец, пара часов в приюте.

Боже, моя жизнь безумна.

Паула поднимается и кладет руки на бедра. Она просто смотрит на меня, не говоря ни слова.

— К чему этот взгляд?

— Ни к чему.

— О, нет, даже не смей. Не превращайся в мамочку.

— Да ладно тебе, Данни. Ты гробишь себя. Я беспокоюсь за тебя.

Я встаю с кровати и обвиваю Паулу руками.

— Я знаю, что ты переживаешь обо мне, но я сама могу о себе позаботиться.

Она крепко сжимает меня.

— Я знаю, что можешь, милая. Но это все равно не удержит меня от беспокойства о тебе.

Сильно стиснув ее в ответ, я отстраняюсь прежде, чем начать распускать нюни, как идиотка.

— Я в порядке, — уверяю ее. — Кроме того, это ненадолго, верно?

— Конечно, малышка. Ненадолго, — она произносит те слова, которые уместны в данный момент, но я прекрасно улавливаю в ее тоне убежденность, что я в вечном рабстве.

Сейчас три часа дня, а я чертовски уставшая. Я вернулась домой в семь утра, и у меня было достаточно времени в запасе, чтобы быстро принять душ, после чего рвануть на утренние пары. После мучительного часа занятий с футболистом из Вестерн Сив, который был больше заинтересован в попытке поладить со мной, нежели в учебе, я пришла в «Салли», чтобы подменить Энн. Хватило двух чашек кофе, и я чувствую себя немного лучше. К счастью для меня, заведение сейчас практически пусто.

Склонившись над объявлениями с вакансиями, я ищу какую-нибудь работу выходного дня. Если у меня получится найти несколько домов, где я смогу прибраться, то это очень сильно выручит меня в оплате моих долгов.

Звук колокольчика сигнализирует о новом клиенте. Я поднимаю взгляд, попутно складывая бумаги пополам, и замираю. Это же мистер Пятьдесят Долларов Чаевых. И я ловлю себя на мысли, что еще не создавала его образ у себя в голове. Он по-прежнему такой же горячий, как я и запомнила. Одет в серую футболку, на которой проступают пятна пота и в спортивные шорты. Он кажется слегка запыхавшимся, и я предполагаю, он только что завершил пробежку.

— Садись в любом месте, — говорю ему.

Он подходит к стойке, удерживая взгляд на мне. Нет никаких сомнений, что он явился сюда, чтобы увидеть меня. Об этом откровенно говорят его глаза цвета виски, в которых читаются определенные цели и намерения.

Я смотрю, словно загипнотизированная, как он проводит рукой по своим влажным волосам, чтобы убрать их со лба. Они темно-коричневые и волнистые и выглядят практически по-мальчишески. Для меня это идеально. Жаль, у меня нет ни времени, ни желания на игры с ним.

Усевшись на стул напротив меня, он широко улыбается.

— Кого-нибудь сразила сегодня наповал своими знаниями в философии?

Я искренне смеюсь и качаю головой.

— Нет. По крайней мере, не сегодня.

— Я тут пробежал мимо, и увидел, что ты стоишь здесь. Подумал, надо бы зайти и поблагодарить тебя.

Мои брови поднимаются вверх.

— Поблагодарить меня?

— Ага. Те двадцать секунд твоих противостояний Энджелин с помощью философских познаний — было самым забавным моментом, который мне довелось наблюдать за долгое время.

Это претит поведению леди, но я не могу не фыркнуть.

— Должно быть, у тебя довольно скучная жизнь.

— Я Райан Бёрнэм, кстати, — он протягивает мне руку, и я ее пожимаю. Его рука теплая и гораздо больше моей. Я ощущаю шероховатость его ладони и пальцев.

— Данни Кросс. Приятно познакомиться... официально.

— Взаимно, — отвечает он, отпуская мою руку.

Я ощущаю покалывание на коже в том месте, где он касался меня, и сразу же пытаюсь подавить эти чувства. Мне нет дела до парня из совсем иной социальной стратосферы. В моей жизни сейчас происходит большое количество других более важных вещей, о которых я напомним себе чуть позже.

— Что ж, Данни, — начинает он, и смотрит на меня с забавой и чем-то похожим на

любопытство, — ты явно очень умная девушка. Ты учишься в Северо-Восточном? В ту ночь на тебе была футболка университета.

Он заметил и запомнил, в какой футболке я была той ночью? Даже я сама не могу вспомнить, что на мне было надето, и осознание того, что он удержал такую деталь у себя в голове, по какой-то причине радует меня.

— Я поступила только осенью этого года, и пока что посещаю всего лишь два класса.

— Два класса, и уже такие знания о Декарте и Оккаме? — кажется, он настроен скептически.

— Я посещала другое учебное заведение до Северо-Восточного. Технически, я на младшем курсе.

— И какое же учебное заведение ты посещала?

— Не такое важное, — я не была готова к такому вопросу, поэтому предпочла ответить уклончиво. Не знаю, почему, но я хочу выяснить, насколько он заинтересован во мне. Я веду безумную игру сама с собой, потому что это ни к чему не приведет.

— Почему ты не озвучиваешь название? — он растягивает губы в улыбке, словно Чеширский кот.

— Почему ты такой любопытный?

— Почему ты такая скрытная?

Я решаю, что немедленная смена темы будет как нельзя кстати.

— Ты хочешь заказать что-нибудь? Мне нужно возвращаться к работе.

Райан оглядывается на абсолютно пустую закусочную, а затем разворачивается обратно ко мне. Он выгибает бровь. Это самый очаровательный способ потянуть время. Я терпеливо жду его ответа.

Когда он понимает, что теперь слово за ним, то переводит взгляд на часы, и поднимается со стула.

— Мне действительно нужно идти. Я встречаюсь с несколькими ребятами в тренажерном зале.

Я ничего не отвечаю, просто одариваю его вежливой улыбкой, но я немного разочарована тем, что он так быстро уходит. Похоже, он хочет сказать еще что-то, но колеблется. И как только до меня начинает доходить, почему он тянет, он чуть ближе наклоняется ко мне через стойку.

— Данни... могу я пригласить тебя на ужин сегодня вечером? Я бы очень хотел узнать тебя поближе.

Ах, черт. Почему этот восхитительно горячий и абсолютно очаровательный парень обязательно должен был меня куда-то позвать? Я наслаждалась нашим взаимным стебом и флиртом, но я никогда бы не подумала, что он примется за серьезные действия. В смысле, он как Дом Периньон^[2]... а я Кока-Кола. И если примера нашего различия недостаточно, могу добавить, что у меня действительно нет времени осложнять себе жизнь чем-то подобным.

— Данни, я вижу, как ты начинаешь что-то себе накручивать. Я не прошу тебя выйти за меня замуж... только ужин.

— Не думаю, что получится, — я отрицательно качаю головой. — У меня сейчас слишком много неотложных дел.

Рационализовав свой отказ, я начинаю верить в то, что приняла правильное решение, отшив его. Той ночью я видела, с какими людьми он водится, и не могла не заметить их дорогую одежду и ювелирные изделия. Мой здравый смысл буквально витал в воздухе. Это

все просто не мое, и незачем ввязываться, даже если это всего лишь ужин, потому что, в конечном итоге, все равно окажется, что я не вписываюсь в их стандарты. Это то же самое, что взять Золушку на бал, а потом заявить, что на следующий день ей вновь предстоит стать служанкой.

Прежде, чем я успеваю снова сказать: «Нет», он перегибается через стойку и берет меня за руку.

— Я ни к чему тебя не обязываю, — бормочет он, поглаживая мою ладонь большим пальцем. — Ну же... всего лишь ужин сегодня вечером, и мы пойдем в любое место, в какое ты захочешь.

В любое место? А это может быть интересно. Думаю, я смогу выделить сегодня немного времени, чтобы провести его с ним. На моей территории. И тогда он поймет, насколько неудачной была эта идея.

Его поглаживания пальцем по моей руке заставляют пульс трепетать. Я высвобождаю свое запястье.

— Куда я захочу, да?

Он блистательно улыбается, осознавая, что я практически сдалась.

— Да, в любое место, куда захочешь.

— Ладно. Встретимся здесь в шесть.

Он снова тянется к моей руке и хватает ее. Прежде чем я успеваю понять, что происходит, он подносит мое запястье к своим губам, оставляя на костяшках пальцев нежный поцелуй.

— Увидимся через несколько часов.

Отпустив мою руку, он разворачивается и идет к выходу. Он переходит на бег, затем исчезает из поля зрения. Кожа на моей руке слегка горит от прикосновения его губ.

Райан

— С чего это ты так прихорашиваешься?

Я смотрю на Майка, который лежит на кровати, заложив руки за голову.

— У меня свидание сегодня вечером, — отвечаю я.

— Нет, дерьмо? С кем?

Я сомневаюсь секунду, прежде чем ответить, и затем мысленно даю себе пинок за это.

Я не стыжусь того, что встречаюсь с Данни, поэтому не должно быть никаких колебаний. Я все еще не уверен, когда отвечаю:

— Ее зовут Данни. Она на младшем курсе.

Майк ничего не отвечает. Я так понял, он не заинтересован в дальнейшем разговоре. Я лезу в шкаф и достаю коричневую спортивную куртку. Не уверен, куда мы собираемся вечером, но поскольку я сказал Данни, что свожу ее в любое место, то хочу быть готовым к хорошему ужину, если она этого захочет. Я спорил по поводу галстука и решил не надевать его. Мои родители столько раз заставляли меня надевать его, что в любой момент, когда появляется возможность не делать этого, я пользуюсь ею.

— Так, где ты познакомился с этой девушкой?

Видимо, Майк заинтересован больше, чем я думал. Но он был моим лучшим другом с самого начала старшей школы, и мы были в братстве с тех пор, как поступили в Северо-Восточный. Тут действительно нет ничего, чем я не могу с ним поделиться.

— Она та самая официантка, которая была в «Салли».

— Красотка с фиолетовыми волосами, которая заткнула Энджелин?

Я смеюсь.

— Ага. Это она.

Майк со свистом выдыхает и медленно качает головой, будто он жалеет меня.

— Что? — требовательно спрашиваю я.

— Да ладно, чувак. Она совсем не нашего круга.

Это просто меня бесит, хоть в глубине души я знаю, что Майк на самом деле не имел в виду ничего плохого.

— Почему, черт побери, какое это имеет значение? — мои слова звучат более резко, чем я собирался произнести, но я не извиняюсь.

Поднимая руки, он удерживает их в извиняющемся жесте, затем спокойно отвечает:

— Мне это неважно, приятель. Я просто думаю о том, что скажут твои родители. Я уже представляю, как твоя мать говорит: *«Ах, дорооогооой... у нее же фиолетовые волосы. Она что, только вышла из тюрьмы?»*.

Я хохочу, потому что это именно то, что сказала бы моя мама, и Майк идеально ей подражает. Это заставляет меня нахмуриться. Майк прав, Данни будет сторониться моей семьи и друзей только из-за того, как она выглядит. И меня бесит все заново. Меня бесит даже то, что я разозлился. Я не знаю эту девушку. Я просто нахожу ее интересной и хочу потусоваться с ней немного. Я не могу злиться на то, что мои друзья смогут или не смогут сделать в ее присутствии, когда они, вероятно, даже никогда не встретятся с ней.

— Расслабься. Это просто ужин. Я не собираюсь приводить ее к себе домой, чтобы жить вместе.

— Вот, что я думаю. Ты просто хочешь переспать с ней?

Я бросаю на Майка хмурый взгляд, и он широко ухмыляется.

— Нет, это не то, что я пытаюсь сделать. Вытащи свои мозги из сточной канавы, чувак.

Я хватаю свои ключи и бумажник, уточняя:

— Но если она решит наброситься на меня, я не собираюсь говорить ей: «Нет».

Смех Майка слышится за моей спиной, когда я направляюсь к двери.

Заходя в «Салли» я понимаю, что слегка нервничаю. Закусочная забита толпой людей, которые пришли перекусить, и я вижу ее за прилавком, отдающую кому-то чек.

Она одета, так же как и раньше... джинсы, футболка и сникеры. Волосы снова стянуты в хвост, и мне интересно, как она будет выглядеть, если распустит их. Я считаю лиловый цвет на концах ее волос достаточно милым, и я бы солгал, если бы не признался, что пирсинг в носу и брови не выглядит горячо. И вдруг я понимаю, почему нахожусь в ее власти. Это потому, что она выглядит невинной, чертовски невинной, но ее окрашенные кончики волос и металлический пирсинг придают пикантности ее потрясающей внешности.

Данни поднимает глаза и видит меня. Она показывает мне жестом, чтобы дал ей минутку, и я киваю ей в ответ. Я счастлив просто наблюдать за ней на протяжении пары минут.

Я поражен ее легким изяществом. Она шутит с клиентом, который расплачивается прямо сейчас, и ее улыбка буквально озаряет комнату. Повар за прилавком, что-то говорит ей, и она морщится, бросая в него полотенце, которое попадает ему прямо в лицо. Он смеется над ней, и все покупатели у стойки ее поддерживают. Здесь она в своей стихии, потому что она, без сомнения — личность.

Данни снимает фартук и бросает его под прилавок. Взяв сумочку, она поворачивает голову в мою сторону, и я чувствую, как мое сердце начинает биться быстрее. Как может кто-то в мире, кто только что закончил работу в засаленной забегаловке, выглядеть так чертовски хорошо?

— Эй, — говорит она. — Прости, но в итоге мне пришлось работать дольше, чем я планировала. У меня не было времени, чтобы принять душ или переодеться.

— Не проблема. Ты действительно хочешь вернуться домой, или у тебя другие планы?

Она качает головой.

— Мы что-нибудь придумаем. Так даже лучше. Хотя, наверное, прямо сейчас, я пахну жирной картошкой фри.

Я не знаю, что меня толкнуло, но я делаю шаг ближе и склоняю голову так, что мой нос касается чувствительного местечка за ее ушком. Я делаю глубокий вдох, резко вдыхая таким образом, что она может почувствовать меня. И в этот момент, я шепчу ей на ухо:

— От тебя потрясающе пахнет. — И это правда. Ее шампунь пахнет смесью ароматов эвкалипта и апельсина. Я вижу, как она дрожит от моих слов, и бл*дь, чувствую себя как Тарзан, прямо сейчас.

Делая шаг назад, я поворачиваюсь, чтобы открыть дверь и позволить ей выйти первой. Вытаскиваю ключи и иду по направлению к пассажирской двери моего черного «Рендж Ровера». Оглядываясь через плечо, я вижу, что она пошла в противоположном направлении. Я кладу ключи обратно в карман и бегу трусцой, чтобы догнать ее.

— Хорошая ночь для прогулок, — подмечаю я.

Она смеется, и этот звук согревает мою кровь. Ее смех грудной и хриплый, и ох, это так

чертовски сексуально.

— Мы просто идем к автобусной остановке. Сегодня ты увидишь Бостон «в стиле Данни». Хотя ты слишком хорошо одет, чтобы ездить на общественном транспорте.

Я дарю ей беспечную улыбку.

— Нет проблем. Я в игре.

Она улыбается в ответ.

— Хорошо. Я была бы разочарована, если бы ты не был.

Ее слова звучат как вызов, и она понятия не имеет, каким азартным я могу быть.

«Ох, Данни, Данни. Я знаю, что ты пытаешься сделать, и ты должна стараться немного усерднее, чтобы стать менее предсказуемой для меня». Нет никаких сомнений, что Данни пытается таким образом оттолкнуть меня, заставив испугаться ее предпочтений. Если она думает, что поездка на общественном транспорте — это страшно, тогда она явно никогда не пыталась увернуться от двухсотфунтовых защитников (прим. ред. около 90 кг), чтобы удержать их подальше от себя и удара о борт хоккейного поля.

— Так, куда мы едем? Ты сказала, что я слишком хорошо одет, но ты должна дать мне более точный ответ, чем просто пара слов.

Она посылает мне уклончивую улыбку и говорит:

— Ты увидишь.

Я должен признать, что сейчас заинтересован в ней даже больше, чем раньше. Я действительно ожидал, что она захочет, чтобы я сводил ее в дорогой ресторан. Я имею в виду, что обычно девушки хотят именно этого. И тот факт, что она решила воспользоваться общественным транспортом, а не моим шикарным и безумно дорогим автомобилем, заставляет меня чувствовать себя словно на иголках, не зная чего ожидать в следующую минуту.

В автобусе у нас нет возможности поговорить, так как он заполнен пассажирами. Моя первая поездка на автобусе, и мне это не по вкусу. Отсутствие мест означает, что мы должны стоять в узких проходах, а Данни прижимается к моей стороне. Она держится за металлический поручень перед ней, а я достаточно высокий, чтобы взяться за подвесной ремешок и еще согнуть свою руку в локте. Когда автобус поворачивает или тормозит, мягкие изгибы Данни прижимаются ко мне. Несколько раз я придерживаю ее за спину, чтобы помочь ей оставаться на месте, и она одаривает меня ухмылкой, которую я возвращаю ей.

Наконец, Данни показывает, что мы достигли нашей цели, и мы выходим с парой других пассажиров. Начинает темнеть, и мне не по себе, что мы находимся в довольно бедном районе города. На улицах повсюду мусор, и я вижу несколько разбитых окон в зданиях поблизости. Я начинаю сомневаться, но Данни переходит через дорогу, и я следую за ней. Мы идем вниз по улице, заворачиваем за угол и направляемся направо к длинной очереди людей, которая тянется от самого входа. Там, должно быть, человек двадцать, которые стоят в очереди, но я в замешательстве. Мы пришли в ночной клуб?

Данни замечает выражение моего лица и берет меня за руку. Она ведет меня мимо толпы, здороваясь с парой человек перед входной дверью. И тут я вижу табличку над дверью: «Организация помощи Церкви». Я оглядываюсь обратно на людей стоящих в очереди, и теперь я понимаю, что они... бездомные.

Они абсолютно разные... черные, белые, азиаты, молодые, старые, мужчины и женщины. Единственное, что объединяет этих несчастных людей, что они находятся за чертой бедности. Некоторые одеты в лохмотья, а другие покрыты грязью. Я знаю, что

пляжусь на этих опустившихся на самое дно людей, но не могу ничего с собой поделать. Наконец я медленно поворачиваю голову, чтобы увидеть, что Данни смотрит на меня, как будто она ждет от меня решение.

— Я волонтер, несколько раз в неделю здесь. Это мой вечер, и я подумала, что ты могла бы помочь.

Я хмурюсь.

— И это то место, где ты хочешь, чтобы я поужинал с тобой? Не очень романтично.

Она ничего не говорит, а просто внимательно смотрит на меня.

Я вздыхаю и беру ее за руку, направляясь к двери.

— Хорошо, давай займемся делом. Хватит разговоров.

Я рад, когда Данни награждает меня ослепительной улыбкой, от которой на щеках появляются милые ямочки, когда я веду ее через переднюю дверь.

Она проводит меня через вестибюль, вниз по лестнице и в подвал. Указывает мне на дверь, которая уходит в крыло здания, поясняя мне, что там проживают люди, которые работают здесь полный день. Когда я спрашиваю про людей, стоявших на улице, она говорит мне, что они здесь, чтобы просто поесть, но они живут на улицах.

Данни открывает двойные двери, и мы оказываемся в большом обеденном зале. Тут складные столики, за которыми можно разместить восемь человек, окруженные восьмью металлическими стульями. Мне кажется странным, что каждый столик имеет небольшую вазу с кучкой пластиковых цветов в каждой. Большая часть мест занята, и я вижу, как люди заканчивают есть и встают, и волонтеры запускают еще людей.

Я следую за Данни, пересекая комнату и направляясь к задней части, где есть раздаточная, за которой видна большая часть кухни. Открытая дверь, которая находится чуть поодаль сбоку, позволяет людям свободно передвигаться между кухней и обеденной зоной.

— Чертовски вовремя ты пришла сюда, Данни. Я надрываю задницу, пытаюсь приготовить еду на завтра.

— Успокойся, Мэверик. Теперь я здесь и постараюсь помочь. У нас получится приготовить отличную еду.

Данни смотрит на меня, и я произношу одними губами:

— Мэверик?

Она наклоняется и шепчет:

— «Лучший Стрелок» (прим. пер. также известен как «Топ Ган» американский культовый кинофильм режиссёра Тони Скотта) — это его любимый фильм.

Я смотрю на Мэверика. Он азиат маленького роста. Носит фартук поверх своей одежды, которая заляпана едой, и он помешивает что-то в большой кастрюле на плите. На его кепке забавная надпись: «Барсук никогда не парится!» (прим. пер. игра «The Honey Badger»)

Данни открывает ящик стола и достает два фартука, бросая один из них мне.

— Мэверик, это Райан. Он поможет мне сегодня вечером.

Ненавижу это признавать, но я не оценил упоминание «Лучшего стрелка». «Второй пилот»^[3] должен помогать другому человеку перепихнуться, и будь я проклят, если помогу Данни сделать это.

Мэверик смотрит на меня, затем говорит презрительно:

— Он одет слишком дорого. Ты уверена, что он не побоится запачкать руки?

Прежде чем Данни может ответить, я говорю:

— Я уверен, что смогу справиться со всем. Скажи мне, что делать.

Мэверик фыркает, но указывает на гору картофеля на столе. Я снимаю куртку и, повесив ее на стул, закатываю рукава рубашки. После того как надеваю фартук, беру картофелину и начинаю ее чистить. Данни подходит и останавливается рядом со мной, начиная помогать. Мы работаем в дружественной тишине, в основном потому, что Мэверик стоит рядом, и я могу поспорить на сотню баксов, что если я испорчу что-то, он сделает из меня отбивную. Когда он покидает кухню, унося большую кастрюлю, которая была на плите, Данни подается вперед и склоняется надо мной, толкая меня плечом.

— Ну, как твои дела?

— Потрясающе. Я люблю чистить картошку. Это одно из моих любимых занятий в мире.

— Ты впервые чистишь, да?

Я смеюсь.

— Ага. Но мне всегда нравится пробовать что-то новое, но это я могу смело вычеркнуть из списка.

Мы оба затихаем на минуту, а потом я говорю:

— Знаешь, Данни... проверяя меня здесь, ты ничего не докажешь.

Она смотрит на меня, и я вижу, как на ее лице проявляется состояние шока, потому что я раскусил ее. Она начинает что-то бормотать о том, что и не пыталась проверять или доказывать, но я не даю ей времени оправдываться дальше. Я вытираю руки об полотенце, и провожу пальцем по ее мягким губам, говоря тихо:

— Не отрицай этого. Это тебе не идет.

Ее глаза расширяются, и она выглядит напуганной, но только первые пару секунд, затем она взрывается смехом.

— Полагаю, что я не буду успешна в том, чтобы одурачить тебя.

— Я раскусил твой трюк, — уверяю ее я.

Мы говорим о простых вещах, пока работаем, так как нет возможности для более личного разговора. Я узнал, что Данни подрабатывает волонтером здесь несколько раз в неделю с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать, что так же подтверждает, что Бостон родной город для нее, как и для меня. Мэверик суетится между кухней и обеденной зоной, унося полные тарелки с едой и грязные кастрюли. Работники кухни и бездомные действительно ведут себя свободно, они оставляют посуду в обеденном зале, а ее мытье — это наша обязанность с Данни. После двух часов тщательной очистки картошки, мытья кастрюль и выноса мусора, я понимаю, что у меня ноет спина. Это не может не удивить меня, потому что физически я выносливый и крепкий парень. Ты не можешь играть в профессиональный хоккей и не быть в отличной форме. Не знаю, как Данни делает это два раза в неделю, но я понимаю, что уважаю девушку за то, что я действительно никогда прежде не видел в противоположном поле.

Самопожертвование.

Эта дурацкая работа на самом деле добровольная. Это в какой-то мере унижает меня.

Я вытираю последние столешницы и смотрю на Данни. Она держит в руках мою спортивную куртку.

— Ты прекрасно справился сегодня. Как насчет того, чтобы позволить мне угостить тебя пивом?

Я кладу тряпку в раковину и складываю свой фартук. Беру куртку, небрежно закидывая его на изгиб локтя. Предлагаю ей другую руку, и она принимает ее.

Я улыбаюсь, смотря вниз, она выглядит чертовски очаровательно сейчас, ее рука находится в моей.

— Я пригласил тебя на свидание, значит пиво с меня.

Данни

Я впечатлена. Райан воспринял это как боец. Я была уверена, что его хватит удар, когда сказала ему, что мы поедем на автобусе. Я была готова выслушать истерику, когда он увидел район города, в котором мы находились. И потом я ждала его отговорок, когда он понял, что мы будем работать в приюте для бездомных вместо нашего свидания. Но он не сделал ничего из этого.

Вместо этого придурок нацепил на лицо улыбку и, казалось, даже наслаждался работой, которую мы выполняли. И я говорю придурок, потому что была абсолютно уверена, что это свидание закончится, и мы пойдем каждый своей дорогой. Теперь, должна признать, я заинтригована им, и это больше, чем простое влечение. Я имею в виду, он привлек меня, когда я впервые увидела его, но только так, будто видишь действительно горячего парня и думаешь про себя: «Это действительно горячий парень» и продолжаешь двигаться дальше.

Но сейчас, я на самом деле хочу узнать о нем больше. Меня тянет к нему, но я не хочу этого.

Я никогда не просила у него пиво, но вот мы здесь, снова возле кампуса и сидим в популярном баре «Нило». Официантка принимает наш заказ. Я выбираю «Бад Лайт», а Райан заказывает «Сэм Адамс» и тарелку начос.

— Начос? Неужели ты не наелся тем прекрасным супом? — дразню я его.

— Я соглашусь, что суп, который мы ели сегодня вечером был вкусным, но этого определенно не было достаточно, чтобы утолить мой голод.

Я смотрю, как он хмурится от собственных слов и на его лбу возникают глубокие морщинки.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

Он качает головой, на секунду задерживая взгляд на столе. Затем поднимает на меня глаза, и мое сердце замирает, увидев измученное выражение его лица. Теперь я действительно беспокоюсь.

— Райан, что случилось?

— Это просто... я сделал легкомысленное замечание, что мне недостаточно тарелки супа. И я заказал тарелку с начос. Те люди, кто остался в приюте... тарелка супа — это все, что они получили сегодня. Я только что понял это...

Наша официантка подходит с пивом и ставит его на стол. Я рада небольшой передышке, потому что это позволяет мне собраться с мыслями. Нищета и бездомность — это непростая тема для обсуждения.

— Ты чувствуешь себя виноватым. — Я произношу это не как вопрос, а констатирую очевидное. — Это хорошо, Райан. Я чувствую себя так все время.

— Я просто восхищен тобой, Данни. Твое стремление — очень... вдохновляет.

Я делаю глоток пива и посылаю ему благодарную улыбку.

— Ну, дело немного личное для меня. Мой отец был бездомным, и он умер на улице.

Я не понимаю, почему рассказываю Райану информацию о себе. Я предполагаю, что не хочу, чтобы он думал, что каждый должен быть так увлечен помощью бездомным, как я. Я не хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым. И теперь он смотрит на меня... и в его карих глазах плещется... жалость? Нет, дело не в ней. Симпатия. И определенно сочувствие.

— Что произошло? — спрашивает он мягко.

Я пожимаю плечами, как будто это не грандиозное событие, но это так. Мой отец скатился по наклонной в отчаяние и безнадежность, что даже любовь семьи не смогла вытащить его со дна. Я делаю еще глоток пива и наклоняюсь вперед, облачиваясь на руки, лежащие на столе.

— Мой отец был полицейским в Бостоне. Он работал в отделе по борьбе с наркотиками и, к сожалению, у него был нечистый на руки напарник. Он уговорил моего отца красть наркотики из отдела вещественных доказательств и перепродавать их на улице. Это был только вопрос времени, прежде чем их афера была раскрыта, и они угодили за решетку, жизнь отца была закончена.

Забавно, как я могу говорить о нем сейчас, не испытывая ослепляющей боли, потому что был долгий период, когда я не могла. Но так происходит со всем, время может притупить боль.

Райан наклоняется через стол и берет меня за руку. Он нежно проводит большим пальцем сверху, пока держит ее.

— Как он стал бездомным?

— Его жизнь просто развалилась. Во-первых, он был уволен. Хотя полицейский департамент предложил ему сделку, чтобы избежать тюремного срока, если он даст показания против своего напарника и других людей, вовлеченных в преступление, затем он был разжалован и не подлежал восстановлению. Он начал пить... сильно. Впал в депрессию. В конечном счете, начал употреблять наркотики... тяжелые, как героин. В итоге моей маме пришлось попросить его покинуть дом. Он ушел, но будучи безработным и наркозависимым — это предрешило его участь на улице.

Райан сжимает мою руку.

— Мне очень жаль, Данни.

Я сжимаю его в ответ. В моих глазах нет ни слезинки, потому что больше их не осталось для моего отца, они все выплаканы. Сейчас я стараюсь помнить только хорошее о нем.

— Все в порядке. Мне потребовалось много времени, чтобы принять это.

Официантка возвращается с начос для Райана. Она предлагает тарелку каждому, а затем ставит ее на стол. Я вижу, как Райан берет горсть, и я беру один начос, чтобы откусить.

— Как он умер? — спрашивает Райан.

— Ну, он попал в «Организацию помощи церкви» и пытался пройти реабилитацию. На самом деле последнее воспоминание об отце, как я иду туда, чтобы навестить его. Он был абсолютно трезвым в течение нескольких месяцев, но затем случился рецидив. Он вернулся обратно на улицу, к распространению наркотиков, и в итоге был застрелен в ходе неудачной сделки.

Райан молчит в течение некоторого времени. И это нормально. Это не причиняет неудобства, и я наблюдаю за тем, как он берет начос. Наконец, он отодвигает тарелку в сторону и наклоняется вперед, скрестив руки на столе. Он смотрит прямо в мои глаза со всей серьезностью, что заставляет меня нервно сглотнуть.

— Мне действительно жаль.

Я останавливаю его, вскидывая руку вверх. Улыбаюсь ему искренней улыбкой.

— Ты не должен сожалеть. Я серьезно говорю: я с этим уже смирилась.

Райан качает головой, и на его лице печальное выражение.

— Нет, послушай меня. Мне жаль, потому что до сегодняшнего вечера... я ни разу не

думал об этом. Я даже не уверен, что видел бездомного за пределами телевизора. И я чувствую себя плохо, что я даже не пытался обратить на них внимания. Но я благодарен, что ты открыла мне глаза на что-то новое сегодня вечером. То, что каждый должен увидеть.

Райан делает паузу и смотрит вниз на стол. Мое сердце разрывается за него, потому что я вижу, что незнание этих вопросов приносит ему настоящую боль. Я не знаю, что ему сказать. Я чувствую себя беспомощной и внезапно понимаю, насколько неудачным грозит быть этот вечер. Потому что я начинаю испытывать какие-то чувства к человеку, который сидит напротив меня, а это последнее, что я хотела бы ощущать прямо сейчас.

И все же, я беспомощна, когда тянусь через стол и беру его за руку. Другой рукой, я глажу тыльную сторону ладони, проводя кончиками пальцев по его жестким завиткам на руке. Я поворачиваю его руки ладонями вверх, и мой указательный палец очерчивает мозоли, упиваясь тем, как они ощущаются на моей мягкой коже. Мой большой палец очерчивает с внешнего края, немного царапая кожу ногтем, почти рассеянно, пока я обдумываю сказать ему что-нибудь, что может принести ему облегчение.

Украдкой я поглядываю на него, и мое дыхание перехватывает. Он смотрит на меня с такой поразительной силой, что я отпускаю его руку.

— Не... — запинается он. Затем он прочищает горло. — Не прекращай прикасаться ко мне.

Я заморожена его взглядом и думаю, что могла бы взорваться прямо сейчас. Голод в его глазах... от моего прикосновения, от моих слов... становится гнетущим. Я хочу вернуть свою руку обратно и начать прикасаться к нему, как он просит. Я чувствую связь между нами, которую на данный момент невозможно описать словами. Я уверена, что потом потрачу много времени, анализируя это.

Я предпочитаю сменить тему, чтобы ослабить напряжение.

— Так, откуда все эти мозоли на руках? — я понимаю, как это звучит, и начинаю усмехаться. — Я имею в виду... то есть, если ты можешь ответить мне в приличном обществе.

Райан убирает руки назад и фыркает на меня. Он тянется за начос и ест его.

— Они от игры в хоккей.

— Ты занимаешься спортом или что-то в этом роде?

Его улыбка, обращенная ко мне, полна снисхождения.

— Я играю за Северо-Восточный. Я капитан нашей команды.

Я давлюсь глотком пива, которое стекает вниз по моему горлу, но теперь застревает в легких. Райан терпеливо ждет, пока я прокашляюсь, чтобы прочистить свое горло. Он улыбается мне, пока жует свою еду, терпеливо ожидая меня, когда я пытаюсь отдышаться.

— Ты капитан команды? Капитан команды Северо-Восточного университета?

Я вижу, как он наслаждается моим удивлением.

— Можешь быть уверена. А ты хоккейная болельщица?

— Эй, привет... родилась и выросла в Бостоне. Конечно, я хоккейная болельщица.

Райан ухмыляется, но вместо того чтобы дать ему пощечину, мне хочется провести пальцами по его челюсти. У него темная щетина, покрывающая подбородок, и это делает его опасно сексуальным в моих глазах.

— Ну, для девушки, которая называет себя безумной поклонницей хоккея, как ты можешь не знать, что я капитан твоей университетской хоккейной команды?

— Туше, мистер Бёрнэм... туше. — Я насмешливо салютую ему бутылкой пива.

Он отправляет еще один начос в рот, и на его губах растягивается злорадная усмешка.

— Для тебя капитан Бёрнэм.

Я просто закатываю глаза и делаю очередной глоток пива. На этот раз оно проходит гладко.

Райан провожает меня до моей квартиры, и теперь я размышляю над тем, что произошло. Я согласилась пойти с ним сегодня вечером, думая, что он испугается такой девушки вроде меня. Не то, что я думаю, что недостаточно хороша для него. Просто мы из двух совершенно разных миров. Мы, безусловно, не идеальная пара.

Однако я обнаружила, что Райан Бёрнэм намного больше, чем просто симпатичная мордашка, что первым бросилось мне в глаза. Он веселый, обаятельный, добрый и ни в коем случае не такой высокомерный придурок, как я думала в самом начале.

Я настолько не хочу, чтобы он мне нравился, но он уже мне нравится. И теперь я не знаю, что мне с этим делать.

Райан подъезжает и паркуется на улице возле моего дома. Я начинаю открывать дверь, но он кладет свою ладонь на мою, останавливая меня. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него и сразу же проигрываю битву, что шла в моей голове всего за несколько секунд до этого. Он поднимает руку и ласково проводит и поглаживает по волосам на виске, пока его ладонь не касается затылка. Он не делает больше ничего, а просто держит меня за затылок, пристально смотря мне в глаза. Я нервно облизываю губы, что сразу привлекает его внимание к ним. Он поднимает другую руку и ласково очерчивает подушечкой большого пальца мою нижнюю губу.

— Ты думаешь это хорошая идея? — шепчу я. Я хочу, чтобы он сказал: «Да». Но в тоже время я хочу, чтобы он отказался.

Райан отрывает свой взгляд от моих губ и смотрит на меня.

— Я не знаю. Я могу быть немного чокнутым временами.

Он предостерегает меня? Я должна прислушаться?

— А кто может с уверенностью сказать, что он абсолютно нормальный в наши дни? — спрашиваю я.

— Действительно, — бормочет он, склоняя голову к моей.

Наши губы мягко соприкасаются... не более чем прикосновение друг к другу. Лаская мою щеку другой рукой, Райан удерживает мою голову с двух сторон и прижимается ко мне. Его язык легко проскальзывает в мой рот и при первом соприкосновении из моей груди вырывается стон. Мои руки непроизвольно сжимают в кулак его рубашку, и я пытаюсь придвинуться еще ближе к нему. Растворившись полностью в его поцелуе, всё, что я могу сделать в данную минуту, так это просто держаться за него.

Райан отстраняется, и я издаю протестующий всхлип. Он прижимается губами к уголку моего рта и прокладывает бережные дорожки из поцелуев на моей челюсти. Он легко захватывает в кулак мой хвостик, склоняя мою голову набок и осыпая поцелуями горло. Его губы мягкие и теплые, и когда он прижимается к моей ключице, я полностью оказываюсь в его власти. Если бы он сказал мне скинуть всю одежду прямо здесь, я бы, наверное, согласилась. Вместо этого он отстраняется от меня и прижимается своим лбом к моему. Его дыхание тяжелое, как и мое, и теперь я понимаю, как запотевают стекла автомобиля.

— Пойдем. Позволь мне проводить тебя до двери.

Райан открывает дверь машины для меня и берет за руку. Мы вместе идем к двери моей

квартиры, и я ищу ключи в сумочке, неожиданно начиная нервничать. Минуту назад я была готова прыгнуть в кровать к Райану, но сейчас, при резком свете ламп в коридоре, я столкнулась с неопределенностью в отношениях с человеком, который настолько отличается от меня

Слегка приподнимая пальцем подбородок, Райан притягивает мою голову чуть ближе к своей и говорит:

— Не нужно.

Он знает, что я сомневаюсь насчет всего, что сейчас происходит, и это говорит многое о том, насколько он проницателен. Прежде чем я могу ответить, он притягивает меня к себе и целует... страстно. И каждая мысль рассеивается в моей голове.

Мои руки движутся по его груди, и я обвиваю их вокруг его шеи перед тем, как погрузить пальцы в его волосы. Они мягкие и настолько шелковистые, что мне даже тяжело это представить. Наши языки сплетаются... сталкиваются... а потом я захватываю зубами его нижнюю губу и прикусываю. Он отвечает на мои действия гортанным стоном, что отдается в мой рот.

Не разрывая наших объятий, Райан подталкивает меня назад, моя спина прижимается к входной двери. Руками он поглаживает мое тело, опускаясь все ниже, пока не достигает бедер. Его пальцы крепко впиваются в мои бедра, притягивая меня ближе к себе, и я могу почувствовать его твердую эрекцию. Я не могу понять, что происходит в данный момент, я растворяюсь в Райане, или, может, он во мне, я ощущаю его обжигающее прерывистое дыхание. Я просто знаю, что никогда до этого не целовалась так, и в ответ на его страстное желание в моей груди зарождается какое-то теплое чувство.

Райан, наконец, слегка отстраняется, тяжело дыша у моего рта.

— Господи, Данни.

Я думаю, что Господь не имеет ничего общего со вспышкой страсти, которая только что произошла между нами, но если все же Господь приложил к этому руку, то я обязательно отправлюсь в церковь в эти выходные и поблагодарю его за помощь.

— Я лучше пойду, — бормочет Райан у моего рта, его губы все еще слегка прикасаются к моим.

Я с трудом киваю головой не в состоянии вставить даже слово. Я думаю, что у него от меня снесло крышу.

Потянувшись назад, Райан лезет в карман и достает телефон.

— Какой у тебя номер?

Я диктую ему номер, и он тут же записывает его в свой телефон. Мой телефон сразу начинает звонить, и я смотрю вниз. Он перезвонил мне, я улыбаюсь.

— Вот, теперь у тебя тоже есть мой номер, — говорит он.

Райан

Будильник звонит в 6:30 утра, и я ударяю по нему. Я просыпаюсь с улыбкой на лице, так как у меня был чудесный сон о Данни, грязных подробностей которого я не стану рассказывать.

Я вспоминаю наш поцелуй вчера вечером. Никогда еще поцелуй не заставлял меня чувствовать подобное. Я был близок к тому, чтобы умолять Данни позволить мне оказаться в ней. Но в то же время я не хотел заходить дальше. Я хотел насладиться моментом. И сегодня утром... я понимаю, что хочу изменить все это. Прошлой ночью она гладила мою руку, утешая меня, после всего, что она пережила... невероятно. Я хочу потратить свое время на эту девушку, потому что она так сильно отличается от всех, кто когда-либо был рядом со мной.

Скатываюсь с кровати и вижу, что Майк еще спит. Я беру подушку и кидаю ее в него.

— Вставай, Петунья. Мы должны быть на тренировке через полчаса.

Майк стонет и медленно садится. Его светлые волосы торчат в разные стороны.

— Как ты можешь быть таким бодрым в такую рань?

— Просто радуюсь, что скоро мы будем на льду.

— Что за глупая улыбка на лице?

Он пытается достать меня, но я не ведусь.

— Увидимся там. Я собираюсь сначала что-нибудь перекусить.

— Подожди, мужик.

Я останавливаюсь и смотрю на него.

— Итак, как прошло твое свидание прошлой ночью?

— Все прошло хорошо... отлично. Хочешь, чтобы я тебя подождал?

— Да, я встаю. — Майк свешивает свои длинные ноги с кровати, встает и потягивается.

Я достаю свой Айфон, в то время как Майк одевается, и думаю отправить Данни смс. Мне следует написать его коротко и пошло? Или мне следует отправить романтическое сообщение. О боже... я превращаюсь в слабака, но потом улыбаюсь, ну и хрен с ним. Пока я размышляю, Майк ударяет меня в плечо.

— Я готов.

Я кладу телефон в карман и забираю свою сумку с формой. Напишу ей после тренировки.

Я сижу в раздевалке, готовясь к тренировке. Под амуницией у меня надеты шорты и штитки до колен. Я подтягиваю свои хоккейные гамаши и закрепляю их на липучке во вкладке на шортах, Майк подходит и садится рядом со мной на скамейку.

— Хорошо... я не могу больше терпеть. Выкладывай.

Я не смотрю на него в ответ.

— Что выкладывать?

— Не будь ослом. Просто скажи мне, как прошло свидание. Обычно ты готов мне все рассказать, но сейчас все держишь в себе. Я полагаю, это означает, что все прошло очень хорошо или действительно плохо. — Он встает и расхаживает передо мной. Затем стучит кулаком себе в грудь. — Я здесь для тебя, мужик. Что бы ни случилось.

Он меня смешит.

— Ладно... отлично. Если хочешь знать, все прошло очень-очень хорошо.

Майк снова садится, перекидывая одну ногу на другую в женской манере. Он складывает руки на коленях, пристально всматриваясь в меня.

— Рассказывай.

Я смеюсь, бросая в него моток изолянта. Встаю и натягиваю свои шорты.

— Я правда не знаю, что сказать. Она удивительная.

— Кто удивительный? — спрашивает Картер, который идет за мной.

— Никто, — говорю я в то же время, как Майк произносит:

— Его девушка со вчерашнего свидания.

Я стону. Мне так не хочется вести этот разговор при Картере. Я люблю этого парня, но у него слишком длинный язык.

— Какое свидание? Как я это пропустил?

Майк кричит во все горло:

— Он встречался с горячей официанткой из «Салли».

Я сажусь, туго затягивая шнурки на коньках.

— Чувак, — говорит Картер. — Ты говорил, что не собираешься ее заваливать.

Его голос звучит укоризненно, и я вспоминаю ту ночь. Картер вел себя так, будто хотел попробовать пригласить ее на свидание.

— Я и не завалил ее, Картер. Мы просто сходили на свидание.

— Но ты сказал, что она удивительная. Если ты ее не трахнул, чем она тебя удивила?

Я подхватываю эластичный ремень на липучке с пола и начинаю обматывать свои щитки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Картер, ты такой Неандерталец. Не все крутится вокруг секса.

— Может быть, — Картер отвечает, как само собой разумеющееся. — Я имею в виду, что все могло бы быть более удивительным, если бы ночь завершилась сексом?

Я могу сказать, что Картеру действительно любопытно, и это делает его более милым. Сейчас он может вести себя как плейбой, но держу пари, однажды Картер очень сильно влюбится.

— Парни, вы похожи на питбулей. Если хотите знать, я пошел с ней в приют для бездомных, мы были волонтерами и выполняли работу на кухне. После мы пошли и выпили пару бутылок пива.

Картер смотрит на меня так, будто у меня только что выросли на голове рога.

— Нет, серьезно... вы на самом деле занимались этим?

Я просто качаю головой и надеваю свой нагрудник, размещая его ровно.

— Забудь это, Картер. Я просто думаю, что ты не понимаешь.

Он буквально в оцепенении чешет голову, когда уходит. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Майка.

— У нас было свидание прошлой ночью, это действительно странно?

Майк встает и хлопает меня по плечу.

— Ага. Это было странно. Но это было также удивительно, и это главное. Я рад за тебя, чувак.

Я легко ударяю его в грудь.

— Спасибо, чувак.

Тренировка почти закончилась, и сейчас мы делаем легкую разминку. Я впервые в центре около линии и я, бл*дь, играю сегодня фантастически. Я разбиваю защиту, только что получив шайбу с блестящего паса Майка. Убегаю вперед по правой стороне, и Майк дублирует мои движения слева от меня. Есть только один защитник между нами и вратарем. Я быстро отдаю пас Майку. Он останавливается около защитника, пасует шайбу обратно на меня, и я делаю мощный бросок по воротам, прицеливаясь в щель между щитков вратаря. В то же время как я замахваюсь своей клюшкой надо льдом, я вижу перо другой клюшки, проходящей у меня между ног и пытающейся зацепить переднюю часть моего левого конька. Противник делает рывок назад вместе с моей ногой, и я падаю лицом на лед. В моей голове быстро мелькают картинки, пытаюсь найти оптимальное решение. К счастью, я могу придумать, как принять удар на плечо вместо головы.

Тренер дует в свисток, и я слышу, как рывкает Майк:

— Какого хрена, Мэлоун?

Мне не нужно слышать, как кричит Майк, чтобы понять, что Риз Мэлоун был тем, кто свалил меня на лед. Он неудачник, и я не понимаю, почему тренер держит его в команде. Он озлоблен, потому что его талант никогда не приведет его дальше четвертого звена, и завидует успеху кого-либо другого. Даже если это означает, что наша команда несет потери. Он развинчивает нашу дисциплину.

Я вскакиваю со льда и подлетаю к Мэлоуну, собираясь надрать ему задницу. Я слышу, что тренер неистово дует в свисток, и мои товарищи по команде, в частности Раш, пытаются удержать нас, прежде чем мы сможем начать драку.

— Если ты попробуешь сделать это дерьмо еще раз, Риз, я оторву твою башку, ты понял меня?

Я в бешенстве и если бы не трое моих товарищей по команде, которые тянут меня обратно, я, наверное, убил бы его. Риз просто ухмыляется. Он стряхивает руки, сдерживающие его, и катится по льду.

Тренер мудро призывает закончить тренировку, и мы все направляемся к раздевалкам. Я иду, двигаясь мимо Мэлоуна, который стоит перед своим шкафчиком, и стараюсь абстрагироваться от него.

— Эй, Бёрнэм. Я слышал, ты ходил на свидание с какой-то страшной шлюшкой из «Салли»?

Я смутно слышу, как Майк произносит:

— Вот бл*дь, — и следующее, что я слышу после этого — это звук моего удара кулаком в лицо Мэлоуна. Я успеваю сделать, по крайней мере, четырех хороших ударов, и все они приходятся на левую сторону виска и челюсти, прежде чем Картер и Майк оттаскивают меня. Никто не нужен, чтобы оттащить Мэлоуна, так как мои удары были полны злости, подпитываемой адской яростью. Он лежит на полу, по его лицу из открытых ран стекает кровь, и он не встанет в ближайшее время.

Майк тянет меня назад и говорит мне успокоиться. Я со злостью стряхиваю его с себя.

— Отвали от меня, Майк. Я в порядке.

Он убирает руки назад и поднимает их, будто сдается. Он смотрит на меня с опаской.

Я поворачиваюсь к нему спиной и гордо иду к своему шкафчику. Ко мне подходит тренер и устраивает разнос. Он говорит, что не станет целовать мою задницу, а также, что я могу попрощаться со своим капитанским статусом. Мое единственное утешение, что

Мэлоуну придется наложить пять швов на голове.

К тому времени, как Майк и я входим в столовую, я немного успокаиваюсь, но мой желудок стягивает узлом. Я был вне себя от ярости, когда Мэлоун назвал Данни шлюхой. Я пытаюсь представить, что бы она почувствовала, если бы услышала это. И теперь боюсь, что Данни постоянно будет сталкиваться с бесконечным потоком злобы от моего окружения просто потому, что она есть в моей жизни.

Я хватаю поднос с едой, не особо обращая внимания на то, что выбрал. Мы с Майком находим пустой столик и садимся.

— Ты в порядке, мужик? — глаза Майка полны тревоги.

— Конечно.

— Что происходит с Мэлоуном? Его отношение становится все хуже. Я не понимаю, почему тренер не выкинет его из команды.

Я качаю головой. Я тоже ничего не понимаю. Но если Мэлоун собирается разрушить нашу команду, мы можем поцеловать в задницу наш шанс на победу в этом сезоне. Я ем в тишине, обдумывая все произошедшее.

— Эй, Райан. Ты же знаешь, все, что Мэлоун сказал о Данни — это просто слова, верно? Они ничего не значат для тебя.

Он старается утешить и успокоить меня, и я это понимаю. Но нехорошее предчувствие укореняется в моем сознании. Я не уверен, что готов к этому. Я не знаю, смогу ли справиться с неминуемыми последствиями, которые будут происходить, пока я выстраиваю отношения с Данни.

— Это была плохая идея... связываться с ней, не так ли?

Майк пожимает плечами:

— Может, и нет.

— Ты сам это сказал. Мои родители никогда не примут ее, потому что она выглядит по-другому, и она не соответствует нашему социальному статусу. Все из нашей компании так глубоко засунули головы в свои чертовы задницы, что реально верят, будто если она работает в закусочной, то это делает ее шлюхой. Скажи мне, как это может сработать?

Я чувствую, что почти умоляю его дать мне правильный ответ.

Майк кладет свой бутерброд и наклоняется вперед.

— Скажи мне, Райан... тебе есть дело до того, как она выглядит?

— Нет, и я думаю, что она чертовски красивая.

— Так ее фиолетовые волосы и кольцо в носу... и что бы это ни было в ее брови... тебя это не беспокоит?

— Нисколько.

— А тот факт, что она работает в закусочной? Это меняет то, что ты чувствуешь?

— Нет! Я восхищаюсь тем, что она, работая... на двух работах... ходит в школу и занимается волонтерской деятельностью. Она удивительная.

— Тогда я не вижу в чем проблема, чувак. Важно только то, что думаешь ты.

Я вздыхаю. Я знаю это. И мне плевать, что подумают обо мне, когда я с Данни. Но мне не все равно, если Данни пострадает из-за жестокости, которой я окружен.

Данни и я встретились один раз. Мы провели вместе меньше трех часов, и все же я ловлю себя на желании защитить ее больше, чем любого другого человека, которого я когда-либо знал. Сила этих чувств пугает до чертиков. Я просто не знаю что делать.

Данни

6:00 утра. Мой будильник тревожно завывает с другого конца комнаты. Я положила его туда, так что мне придется встать с постели, чтобы выключить его. В противном случае я всегда рискую снова заснуть. Кладу подушку на голову и стараюсь не обращать внимания. Когда это не срабатывает, я бросаю подушку, и она совершает прямое попадание, сбивая часы на пол. Вот только вопль до сих пор слышится около меня. Я просто беру вторую подушку и накрываю ей голову.

Прошло пять дней с момента моего свидания с Райаном, и он не позвонил мне. У меня депрессия, я это знаю и ненавижу себя за то, что чувствую себя таким образом. У меня должно быть больше мужества, чем я демонстрирую прямо сейчас.

Весь следующий день после нашего свидания я провела, проигрывая всё произошедшее у себя в голове. Я потратила много времени, думая о нашем последнем поцелуе. Однако же я не могу представить себе, что следует после подобного поцелуя. Теоретически, у меня есть предположения. В реальности, ну... скажем так, я вынуждена полагаться на свое воображение.

Когда на следующий день после нашего свидания я ничего не услышала от Райана, то немного забеспокоилась и была слегка раздражена. На следующее утро я послала ему смс:

«Привет. Все в порядке?»

Он ответил довольно быстро.

«Ага. Кое-что произошло. Позвоню позже».

Я сразу почувствовала себя лучше после полученного от него сообщения и отправилась проводить еще один день в ожидании его звонка. Если не считать, когда я не витала в облаках, мечтая о нашем феноменальном поцелуе, я постоянно думала о том, почему он так и не позвонил. Меня терзало чувство, что что-то было не совсем правильно. Обдумывая каждую возможную причину, почему он не позвонил, я окончательно убедилась, что во второй день я тоже его не услышу.

И я не услышала.

Ни звонков, ни смс. Ничего.

Написать ему снова я не удосужилась. Я не была той, кто преследует парней.

К концу третьего дня, не услышав от него ни слова, я удалила его номер из телефона.

Будильник все еще вопит, когда Паула открывает дверь спальни.

— Что за глупости, Данни? Выключи эту хреновину.

Я игнорирую ее и будильник. Лежу здесь в кровати и игнорирую все, что запланировано на сегодня. К счастью, у меня редкостный выходной и нет обязательств перед работой или учебой, и я планирую продолжить свидание со своей подушкой.

Моя дверь открывается, и слышатся шаги по полу. Будильник выключается, и наступает гнетущая тишина. Мой матрас прогибается, и я понимаю, что Паула ложится на кровать рядом со мной. Я не двигаюсь.

— Ты так и будешь лежать здесь?

— Да, — бормочу я. — И я была бы признательна, если бы ты оставила меня в покое.

Паула молчит несколько секунд, а затем срывает подушку с моей головы и откидывает назад.

— Достаточно. Я сыта по горло. Тебе больше не разрешено дуться, чахнуть, хандрить, капризничать или сердито смотреть. Поднимай свою задницу и возвращайся к нормальной жизни.

Я переворачиваюсь и смотрю на Паулу. Она улыбается мне бесцеремонно, применяя дружественную тактику, чтобы вытащить меня из постели. Я не могу ничего поделать, но улыбаюсь ей в ответ.

— Так как ты себя чувствуешь, малыш?

Переворачиваясь в обратном направлении, я полностью отлепляюсь от кровати и встаю. Вытягивая вверх свои руки, я широко зеваю.

— Я в порядке. Кроме того ты знаешь, я не единственная такая, чтобы лежать и оплакивать что попало. Пришло время двигаться дальше.

— Полный отстой. Я никогда не встречала человека, который так усердно старается сделать что-то, чтобы впоследствии быть обиженным.

Я кривлюсь от ее слов. Они все правдивы, но для меня они звучат черство. Всякий раз, когда случается что-то плохое, я склонна горевать довольно долго, но затем я заталкиваю это подальше и стараюсь не оглядываться назад. До сих пор это отлично работало, когда дело касалось смерти обоих моих родителей. Не так хорошо, как с потерей моей музыки.

И решение еще не принято, как я позволю тому, что Райан пренебрег мной, повлиять на меня.

Черт возьми, я так хочу дать себе хорошего пинка под задницу за то, что я так легко запала на этого парня. Я должна была быть осмотрительнее! У меня есть конкретная цель для выполнения определенных вещей в моей жизни и мне нельзя отвлекаться. Это включает в себя слащавого горячего хоккеиста, который целуется как Бог.

— Я думаю, что пойду на пробежку сегодня утром. Хочешь присоединиться ко мне?

Паула фыркает на меня. Неважно сколько раз я приглашала ее пробежаться вместе со мной или потренироваться, у нее всегда один и тот же ответ.

— Давай посмотрим... бег или сигареты? Я выбираю сигареты.

Смерив ее взглядом, я направляюсь в нашу крошечную ванную, чтобы почистить зубы. Определенно настало время двигаться дальше.

Выходя из своей квартиры, я вижу, что солнце уже взошло, но на улице все еще довольно прохладно. Принимаю решение надеть легкую куртку и длинные тренировочные штаны. Я планирую сегодня пробежать пять миль, поэтому, вероятно, в то время, когда я буду возвращаться, то мне будет невероятно жарко.

Открываю входную дверь своего дома, устанавливаю таймер на часах, пока спускаюсь вниз по ступенькам. Не обращая внимания на окружающих, я испытываю небольшое удивление, когда слышу:

— Привет, Данни.

В моей голове звучит щелчок, и взгляд останавливается на Райане. Даже сейчас, когда я испытываю гнев, который струится через меня, я все равно чувствую дрожь возбуждения глядя на него. Я быстро осматриваю его. Он стоит там, засунув руки в карманы своих облегающих джинсов, выглядя невероятно горячо. Его волосы смотрятся идеально, когда он в смущении приводит по ним, и челка по-мальчишески нависает над его лбом.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

Я злюсь на него, еще как злюсь, и удивлена, что слова выходят, как простое

любопытство, но я рада этому. Я не хочу, чтобы он знал, что он повлиял на меня так, как он это сделал.

Райан хмурится на меня и по выражению его лица ясно, что на самом деле он знал, что я буду в гневе.

— Я надеялся, мы сможем поговорить.

Я осматриваю свой дом сверху вниз, учитывая, что я должна двигаться вперед на пробежку. Но любопытство пересиливает меня.

— Как давно ты здесь?

— Начиная с 5:30 утра.

Мои брови ползут вверх.

— Бессонница?

— Что-то вроде того, — бормочет он. — Я хотел поговорить с тобой, но не знал, когда ты выйдешь и собираешься ли ты на работу, поэтому просто решил разбить здесь лагерь.

Это любопытно и вроде немного лестно то, что он сделал, чтобы убедиться, что сможет увидеть меня. Но я быстро подавляю это чувство. «Я не отступлю под его чарами», — повторяю про себя снова и снова.

— Послушай, Райан... ты не обязан давать мне никаких объяснений или чего-то еще и, честно говоря, я в порядке. Ничего не было, так что и говорить не о чем.

Гнев мелькает в глазах цвета бурбона. Один ноль в мою пользу, прямое попадание.

— А другие свидания для тебя что-то значат? — требует он.

Я едва не спускаю курок у своей головы, потому что это странно, что его могло обидеть отсутствие интереса с моей стороны, поскольку он сам не перезвонил мне, хотя обещал.

— А, может, это ничего не значило для тебя? — задаю я встречный вопрос.

Он взъерошивает волосы в разочаровании. Вздохнув, он шепчет:

— Это значило для меня больше, чем я даже подозревал. Вот почему мне нужно с тобой поговорить.

Искренность в его словах растапливает лед. Он не дает мне надежду, но я чувствую, это важно для него, будто если он скажет мне, он сможет облегчить свое бремя. Почему я беру на себя смелость дать ему возможность сделать это, еще предстоит выяснить.

Я вздыхаю.

— Прекрасно. Ты хочешь немного кофе?

— Конечно. Это было бы здорово.

Я разворачиваюсь на пятках и возвращаюсь домой с Райаном. Он ничего не говорит, но это не останавливает меня от болезненного осознания его присутствия позади меня. Словно сама атмосфера колеблется в возмущении, когда я рядом с ним.

Когда я открываю дверь, и мы заходим в квартиру, я снимаю куртку и бросаю ее на спинку дивана. Он следует за мной на кухню.

Я достаю две кружки и наполняю их. Подталкиваю к нему кружку, указывая на сливки и сахар, от которых он отказывается. Когда он делает глоток, я слышу:

— Что, бл*дь, он здесь делает?

Я оглядываюсь назад на Паулу, которая метает убийственные взгляды на Райана. Не говоря ни слова, моя рука тянется к ней ладонью вверх. Она оборачивается ко мне, хватая свою сумочку, запуская руку внутрь. Паула вытаскивает одну сигарету и аккуратно кладет в мою ладонь. Я засовываю ее в раковину и смачиваю водой.

Прежде чем выбросить ее в мусор, я слышу, как Паула говорит:

— Прости меня. Могу я спросить, что этот господин делает в нашей квартире?

Я задерживаю свой взгляд на Райане, который смотрит на Паулу, словно она бородастая женщина из цирка... смесь абсурдного любопытства и юмора.

— Он здесь, чтобы поговорить пару минут. Я собираюсь выслушать его. — Я поднимаю кружку с кофе и направляюсь в гостиную. Усаживаясь на диване, я наблюдаю, как Райан устраивает поудобнее свое большое тело в старом и потрепанном плетеном кресле. Наша мебель куплена у перекупщиков, она не сочетается друг с другом. Паула идет прямо следом за ним и садится рядом со мной на диване. Она продолжает пялиться на него, и теперь он смотрит на нее в ответ.

— Паула... все нормально. Дай мне поговорить с Райаном несколько минут наедине.

Она нехотя встает и движется вдоль журнального столика, чтобы уйти. Указывая пальцем на него, она говорит:

— Я наблюдаю за тобой, парень.

Я не могу сдержаться и смеюсь. Паула не больше пяти футов (прим. ред. около 152 см) и от силы девяносто фунтов веса (прим. ред. около 41 кг), если смотреть вместе с промокшей одеждой. Но она может чертовски напугать парня, когда захочет этого. Райан ничего не делает, кроме как слабо кивает ей, затем переводит взгляд на меня.

Я откидываюсь обратно на подушки и делаю глоток кофе, наблюдая за ним поверх чашки. Он проводит рукой по волосам, я понимаю, что этот жест наверняка от нервов. Это расстраивает меня, потому что я сразу принимаю во внимание, как его волосы сползают вперед, складываясь в ласковые волны вдоль виска и шеи. Я помню, как мягко они ощущались, когда я пробежалась своими пальцами по его волосам несколько дней назад. Я вздыхаю. Мне действительно нужно отпустить Райана.

Поддаваясь вперед, Райан опирается локтями о колени и переплетает пальцы, сцепляя руки в замок. На его лице отражается печаль. Сейчас, скорее всего, в ход должны пойти извинения, и я пытаюсь набраться смелости противостоять им.

Но меня застаёт врасплох, когда он не извиняется. Вместо этого, он говорит:

— На следующее утро после нашего свидания я проснулся с мыслями о тебе. И у меня от счастья почти кружилась голова. — Он дарит мне небольшую улыбку. — А после я пошел на хоккейную тренировку и один из моих товарищей назвал тебя шлюхой.

Я дергаюсь назад от мягкости его голоса и силы озлобленности его слов. Почему кто-то воспринимает меня таким образом?

Прежде чем я успеваю что-либо сказать, Райан продолжает:

— Я бил его до тех пор, пока его кровью не окрасился весь этаж и раздевалка.

Ох, ну ничего себе. Я чувствую легкое желание защитить его.

— У тебя неприятности?

Райан качает головой, смотря в пол. Затем он поднимает глаза обратно ко мне.

— Поначалу я был в ярости, что кто-то сказал о тебе такое. Мой лучший друг, Майк... он сказал, что это не должно иметь значения. Важно только то, что о тебе думаю я.

— Кажется, Майк довольно умный малый, — размышляю я.

Райан откидывается назад в кресле и кладет ладони на свои бедра. Он начинает поспешно собирать пальцами, как мне кажется, воображаемые ворсинки, просто чтобы держать свои руки занятыми.

— Да, он такой. Но суть в том, если мы будем встречаться, есть люди моего круга, которые будут так думать. Некоторые могли бы даже сказать, что... у тебя это написано на

лице. И... я просто не хочу, чтобы тебе пришлось пройти через это.

— Поэтому ты самостоятельно решил, что отношения — это не очень хорошая идея... потому что тебе... придется защищать меня? — я злюсь и не могу быть уверена, что он может понять это по тону моего голоса.

Райан вздыхает и потирает переносицу. Кажется, он сам создает себе головную боль.

— Вот где мне нужно быть абсолютно честным с тобой, Данни. Да, сначала мои мысли были исключительно о том, как защитить тебя. Я не хочу причинять тебе боль. Но потом я начал осознавать, что тоже могу пострадать. Каждый раз, когда тебе будет больно, мне будет больно тоже. И тогда я подумал, смогу ли сделать выбор. Мне стыдно говорить... Я защищал и себя тоже. Не думаю, что я был готов к этому.

Его слова причиняют боль, но я также восхищаюсь и уважаю его честность. Он мог бы подсластить это расставание для меня, но он откровенно говорит мне, что боится и за себя.

— Я понимаю и ценю правду. Я знаю, что ты мог бы найти с десяток оправданий, чтобы облегчить свою совесть.

— Я рад, что ты понимаешь, — вставая со стула, говорит Райан.

Значит вот оно последнее прощание.

Вот только... он не направляется к двери. Он идет прямо ко мне и садится рядом на диване. Я поворачиваюсь к нему лицом, он протягивает руку и гладит кончиками пальцев мою щеку. Я дрожу от ощущения того, как его грубая кожа рук дарит мне нежные прикосновения.

— Я рад, что ты понимаешь, поскольку я надеялся на это. Я потратил два дня, чтобы осознать, что я предпочел бы страдать от боли, которую могут причинить другие, чем быть вдали от тебя. Мне потребовалось два дня, чтобы собраться с духом прийти сюда, чтобы увидеться с тобой. Единственное о чем я могу просить тебя, сможешь ли ты выдержать все это, чтобы мы могли попробовать начать сначала.

Я закрываю глаза, когда он проводит большим пальцем по моей челюсти. Я позволяю его словам проникнуть в меня и наслаждаюсь теплом, которое они дарят... на минутку. Но потом я сбрасываю с себя его обаяние. Это действительно плохая идея, чтобы даже рассматривать такое понятие, как отношения с Райаном.

До сих пор он казался напуганным и, видимо, он окружен придурками. Я же не собираюсь ввязываться в это?

Открываю глаза и смотрю на него. Прежде чем могу что-либо сказать, он наклоняется, и его губы вскользь касаются моих. Затем он прижимается ими к моему виску и оставляет там легкий поцелуй. Потом произносит шепотом:

— Пожалуйста. Дай мне шанс.

Я отстраняюсь от него. Я опасаюсь, но не могу отрицать, что чувствую сильное притяжение к Райану. Это больше, чем просто физическое влечение. Я чувствую в нем нечто, что взаимодействует со мной, хотя не могу не сомневаться в нем. Готова ли я проверить, сложится ли у нас что-нибудь, если мы дадим этому шанс?

— Ладно, — выдыхаю я.

— Ладно? — голос Райана звучит растерянно.

Я киваю и прежде, чем понимаю, он заключает меня в удушающие объятия. Райан утыкается лбом мне в шею и шепчет «спасибо» напротив моей кожи, которая заставляет мой пульс подпрыгивать.

Распрямив спину, он смотрит на меня. Держа в ладонях мои щеки, он смотрит на меня с

таким диким желанием, что это заставляет меня хотеть буквально поглотить его. Я наклоняюсь, чтобы поцеловать его, но он останавливает меня.

— Мне так жаль, что я сделал тебе больно, Данни. Я не поступлю так снова.

Райан

Должно быть, прямо сейчас я самый везучий сукин сын на планете. Данни готова дать нам еще один шанс, и я чувствую себя так, будто только что выиграл «Кубок Стэнли».

Мы сидим на ее диване, закончив потрясающий завтрак, который Паула приготовила для Данни. Она не пошла на свою пробежку, и я рад. Не хочу пропустить с ней ни минуты сегодня.

Получается, Паула не так уж и плоха. Она может быть устрашающей — действительно устрашающей, — но это потому, что она защищает Данни, и я с ней согласен. Оказывается, все это время пока мы разговаривали, она стояла в коридоре, так что она слышала все. Паула вошла, когда мы целовались, давая мне знать, что она тоже меня простила.

Как благородно.

По крайней мере, я могу быть достаточно уверен, что она не отравит мои блинчики.

Паула уже уехала на работу, и теперь вся квартира предоставлена нам. У Данни сегодня редкий выходной ото всех ее обязанностей, и мы решили просто остаться здесь наедине. У нас было несколько дней, которые мы потеряли, и я хочу знать о ней все, чтобы наверстать упущенное.

Данни сидит на одном конце дивана, опираясь спиной на подлокотник и подогнув под себя ноги. На ней надета пара старых выцветших джинсов, которые подчеркивают ее правильные изгибы и демонстрируют дыру на коленке. Футболка удивительно обтягивает ее тело, я ничего не могу поделать и периодически поглядываю на принт, пересекающий верх ее груди со словами: «Поцелуй меня — я ирландка». Она босиком и пальцы на ее ногах окрашены в темно-фиолетовый цвет, который я нахожу невероятно сексуальным.

Я на другом конце дивана, а мои длинные ноги упираются по обе стороны от ее бедер.

— Ладно, обо всем по порядку... Данни — это сокращенно от чего?

Она смеется надо мной, и это музыка для моих ушей. Если бы я мог целый день слушать смех Данни, я бы это делал.

— Даниэлла. Но никто меня так не называет. Никогда, — говорит она с предупреждением.

— Почему нет? Это красивое имя.

Она пожимает плечами.

— Я не знаю. Оно всегда было Данни, это то, к чему я привыкла.

— Понятно. А что с фиолетовыми волосами и пирсингом?

Она берет прядь своих длинных волос, перебрасывает через плечо и задумчиво смотрит на нее.

— Тебе не нравится?

— Наоборот, я люблю это. Я имею в виду, я никогда не встречался с девушкой с крашеными волосами или кольцом в носу, но я должен признаться... это ужасно сексуально. Это то, что делает тебя уникальной. И я нашел новое пристрастие в уникальных вещах.

Она смеется надо мной.

— Это хорошо. Потому что я бы не изменила их ради тебя.

— А я бы не стал тебя просить.

Она ослепляет меня радостной улыбкой, которая настолько искренняя, что у меня

перехватывает дыхание. Ее зубы ровные и ослепительно белые. Ее ямочки идеально украшают щеки, а губам можно посвятить целый том стихотворений.

Охренеть! Я становлюсь долбаным придурком, думая так. Тем не менее, должен признать, что считаю ее красоту немного очаровательной. Ладно, очень пленительной.

— Как ты попал в хоккей? — спрашивает она, врываясь в мои мысли, прежде чем они стали более интимными фантазиями, которые я так хочу, чтобы она проделала своими выразительными губками.

— Боже... дай подумать. Я начал играть, когда мне было около шести лет. Мой дядя играл в НХЛ еще в 80-х, и именно он изначально втянул меня в это. Я играл в молодежной хоккейной лиге, перед тем, как поступить в Северо-Восточный.

— Ты хочешь играть профессионально?

Я наклоняюсь вперед и хватаю обе ее щиколотки, выпрямляя ноги. Ее ноги находятся чуть дальше моей промежности, что очень даже хорошо. Я выбираю одну изящную ножку и начинаю ее массировать, обводя подушечкой большого пальца по изгибу ее стопы. Она издает тихий стон и закрывает глаза, и, черт возьми, это так сексуально. Я качаю головой, чтобы очистить свои мысли.

— Да, это моя мечта. Она противоречит всему, чего мои родители ожидают от меня, но это то, чего хочу я.

— Ты всегда делаешь то, что ожидают от тебя твои родители?

— Не всегда, но большую часть времени.

Я не уточняю, но она не собирается отступать. И честно, я не хочу, чтобы она делала это. Я хочу, чтобы она сама захотела узнать обо мне. Она толкает меня.

— И почему же большую часть времени ты делаешь то, что они ожидают, а не то, что ты хочешь делать?

— Мой отец — Алекс Бёрнэм.

Я наблюдаю за ее лицом, когда говорю и вижу, как наступает осознание.

— Ты имеешь в виду конгрессмена Алекса Бёрнэма?

Я киваю ей головой.

— Единственный и неповторимый. Он так глубоко погрузился в свою партию, что я жду, когда он в ней полностью увязнет. — Я знаю, что в моем голосе присутствует горечь, и она это сразу замечает. Мой отец сейчас пользуется популярностью у Республиканской партии, и он планирует попасть в Белый дом. Это главная причина, почему мои родители контролируют каждую минуту моей жизни. Они хотят выглядеть идеальной семьей, которая сможет выдержать атаку со стороны СМИ во время выборов.

— Это сильно давит на тебя, да?

— Ты понятия не имеешь. Это всегда было тем, что лучше для нашей семьи в глазах общественности. Наставляя меня на правильный путь получить хорошее образование, жениться в нужное время на девушке из высшего общества. — Я останавливаю свой рассказ и спускаю одну ногу вниз, поднимая другую. — Мой отец хочет, чтобы я пошел в юридическую школу после окончания университета.

Она молчит с минуту, а затем спрашивает:

— У тебя есть шанс попасть в НХЛ?

Я понимаю, что она должна была задать мне этот вопрос, потому что понятия не имеет, есть ли у меня шанс или нет. Я не люблю трубить об этом во всеуслышание, но хочу, чтобы она знала.

— Да, есть. Я пропустил запись на отбор в прошлом году, потому что большую часть сезона отыграл с травмированным плечом, но в данный момент оно полностью восстановилось. Я стану «неограниченно свободным агентом», когда окончу университет (прим. пер. в профессиональном спорте статус командного игрока, который не связан ограничениями при поиске нового клуба и заключении нового контракта. Хоккеист с истекающим контрактом приобретает статус «Неограниченно свободный агент» в следующих случаях: если ему не исполнилось 28 лет, и он не получил до 1 мая квалификационного предложения от своего прежнего клуба; если он достиг возраста 28 лет). Есть несколько команд, которые проявили интерес.

Я могу сказать, что она впечатлена. Чувствую, что мне нужно уточнить.

— Я не могу попасть на любую ледовую арену, а, возможно, сначала мне даже придется играть в низшей лиге, но сейчас у меня отлично ладится игра, поэтому постоянно звонят агенты.

— Тогда все понятно. Если у тебя есть даже самый маленький шанс осуществить свою мечту о карьере хоккеиста, ты должен использовать его сейчас. Юридический никуда не денется, но не хоккей.

Когда она говорит — это звучит так просто, но ей никогда не приходилось сталкиваться с последствиями того, что происходит, когда я иду против даже простых желаний моих родителей. Все-таки это довольно в бунтарском духе продолжать встречаться с кем-то вроде Данни, так может мне просто продолжать в этом духе.

— Я приму это к сведению, мисс Кросс.

Она улыбается мне, и мы оба погружаемся в короткий миг комфортного молчания. Массируя ее ноги еще минуту, я спускаю их вниз. Она смотрит на меня с нежностью во взгляде, и я сдаюсь, пробираясь по дивану ближе к ней. Ее глаза темнеют, когда она наблюдает за моим приближением.

— Не возражаешь, если отвлечемся от разговора? — спрашиваю я.

Она слегка качает головой, что заставляет меня улыбнуться. Она хочет моих ласк так же, как я хочу их подарить ей.

Когда я нависаю над ней, она откидывается назад и спускается немного вниз так, что теперь она лежит на диване. Я располагаюсь над ней, перемещая вес тела на локти. Мы просто смотрим друг на друга и в ту минуту, когда она смотрит на мои губы, мы словно окунаемся в нашу страсть с головой.

Я прижимаюсь губами к ее губам, и она испускает удивленный стон, открывая рот, чтобы впустить меня. Господи... она чувствуете словно блаженство, когда я проскальзываю языком между ее губ, и я не могу подавить стон, который вырывается из меня. Чистое наслаждение пронзает мое тело, и между ног я мгновенно становлюсь твердым. И она это прекрасно понимает, потому что мои бедра находятся между ее ног. Я держу свою нижнюю половину тела неподвижно, потому что не хочу превратиться в пятнадцатилетнего мальчишку, который кончит себе в штаны.

Я медленно углубляю поцелуй и исследую ее горячую глубину рта неспешно. Это хорошо, потому что в то время как моя похоть никоим образом не остывает, я получаю обратно со мной контроль. Данни руками крепко держится за мои руки, впиваясь кончиками пальцев в мой бицепс, в тот момент, пока мы продолжаем сладко целовать друг друга. Я не могу дождаться того дня, когда эти пальцы будут сжиматься на моей заднице в то время, когда мы будем заниматься с ней любовью, но этот день не сегодня. Для нее я хочу сделать

это медленно. Я понятия не имею, насколько она опытна и, честно говоря, мне плевать. Я хочу сделать все идеально для нас обоих, когда придет время, но наши отношения совсем недавно начались, поэтому сегодня явно не тот день.

Я отстраняюсь от ее губ, и она издает всхлип, оборачивая руки вокруг моей головы и пытаюсь подтянуть меня обратно к своим соблазнительным губам.

— Данни, ты не облегчаешь мне задачу, — шепчу я.

Она отвечает мне хриплым смехом.

— Кто сказал, что я хочу.

Ох, Господи... я пропал, если не установлю дистанцию между нами. Я никогда еще не был так возбужден из-за девушки. Я оставляю быстрый поцелуй на ее губах и вскакиваю с дивана. На ее лице написано разочарование.

— Данни... я ничего не хочу больше, чем заняться с тобой сексом прямо сейчас...

— Но... — пытается она вставить хоть слово

— ...но я хочу, чтобы это было особенным. Я хочу, чтобы ты знала, что я готов ждать подходящего момента. Я хочу быть идеальным для тебя.

Она встает с дивана и дарит мне красивую улыбку, которая олицетворяет незабываемую красоту. Когда она смотрит на меня, на ее щеках образуются небольшие милые ямочки. Она приближается ко мне, оборачивает руки вокруг талии и прижимается щекой к моей твердой груди. Мои руки оборачиваются вокруг нее и сжимаются. Я целую ее в макушку и прижимаюсь к ней подбородком.

Осматривая вокруг ее гостиную, я вижу несколько фотографий на конце стола. На одной мужчина в форме офицера полиции, который, я предполагаю, мог бы быть ее отцом. Я выпускаю ее из объятий и подхожу к подборке из фотографий.

Данни подходит и встает рядом со мной. Наклоняясь, она берет фотографию, на которую я смотрел.

— Это мой папа, Клейтон Кросс. Этот снимок был сделан за несколько лет до того, как его уволили.

Я смотрю на фото. Понимаю, что она унаследовала его ямочки на щеках, когда вижу, как он улыбается на камеру.

Она никак не реагирует на фотографию и заменяет ее другой. На ней красивая женщина далеко за сорок и нет никаких сомнений, что она мать Данни. Они выглядят как сестры.

Я беру фото из ее рук, чтобы взглянуть на него повнимательнее. Сходство поразительное.

— Тут не ошибешься, ты ее копия.

Она издает легкий смешок и берет снимок, нежно проводя по нему кончиком пальца.

— Так все говорят. Ее имя было Розалин.

Я ошеломлен в неверии.

— Было?

Я просто предполагал, что мать Данни была жива. Почему, я не знаю. Может, потому, что она рассказала мне, что ее отец умер, но никогда не упоминала свою мать. Очевидно, я предположил неправильно.

— Она умерла почти два года назад. Мультиформная глиобластома. Это наиболее частая и наиболее агрессивная форма опухоли мозга, которая в большинстве своем имеет летальный исход.

Я не знаю, что сказать. Ее слова наполнены грустью, но она не выглядит крайне

опечаленной. Во всяком случае, она рассказывает с такой любовью о своей матери, что мне больно за нее, чтобы говорить об этом таким образом.

Она ставит фотографию своей мамы на стол и подхватывает другую, которую я не заметил. Это Данни. Она одета в длинное черное платье, которое облегает ее тело. У него короткие рукава и очень скромный вырез, который не дает никаких намеков. Волосы Данни немного короче, всего до плеч, и они с прожилками красного и черного цвета. У нее кольцо в носу и пирсинг в брови, а во всех других отношениях она выглядит так же.

Я вижу все, но не это самое интересное на данном снимке. Мне бросается в глаза и удерживает взгляд тот факт, что Данни держит скрипку в одной руке и смычок в другой.

Она играет на скрипке, и я поражен.

Я смотрю на нее, и она наслаждается шоком на моем лице.

— Фото было сделано, когда я училась на первом курсе в Джульярде^[4].

Мой рот раскрывается в изумлении, и я возвращаюсь к фото.

— Ты была красивой и тогда, но мне кажется, что я равнодушен к фиолетовым волосам, — бормочу я.

Ее смех заполняет мое сознание, она убирает снимок обратно, заканчивая обсуждение. Взяв меня за руку, она тянет меня на кухню.

— Позволь мне приготовить для нас обед, и ты сможешь задать мне любые вопросы, какие захочешь. Я вижу их на твоём счастливом лице.

Я сажусь за стойку и наблюдаю, как она вытаскивает из холодильника продукты, чтобы сделать бутерброды. Она поворачивается ко мне спиной, и я рассматриваю ее еще раз. Она такая красивая, неоднозначная и израненная в душе... и все же, с другой стороны, она самая радостная и щедрая как никто другой из тех, кого мне только доводилось встречать. Невероятно, но я понимаю, что мне есть чему поучиться у этой девушки. Присутствие Данни рядом, заставляет меня осознать, что моя жизнь была довольно унылой.

— Итак, расскажи мне больше о своей маме.

Она раскладывает все для приготовления сэндвичей, и улыбка озаряет ее лицо.

— Ох... давай я расскажу тебе... Розалин Кросс была нечто. Она была одной из самых забавных людей, каких я только знала. И она была красивая, добрая и умная.

Я наблюдаю, как Данни готовит наши бутерброды во время разговора. Она не пропускает ни одной детали, что подсказывает мне, что для нее вполне естественно и комфортно говорить о своей маме.

— Когда мой папа упал на самое дно, она поддерживала его как могла. Она неистово его любила. Но не собиралась позволять ему оказывать негативное влияние на мою жизнь, поэтому она заставила его уйти. — Она останавливается и смотрит мне в глаза. — Это был самый смелый поступок из всех, который я когда-либо видела в своей жизни.

Я даже не могу представить себе выбор, который пришлось сделать матери Данни, чтобы обеспечить своей дочери безопасность. Ума не приложу, что чувствовала Данни, любившая своего отца, который был на пути саморазрушения. Она и сейчас испытывает глубокую и неизменную любовь к ним обоим.

Пододвинув мне мой сэндвич, она разворачивается, чтобы вытащить из холодильника пиво и предлагает мне. Я киваю, она откручивает крышку и протягивает его мне.

— Не могу не заметить, как сильно вы двое похожи.

— Ага. Она всегда называла меня своей «мини-версией». — У нее на лице мечтательный взгляд, когда она погружена в счастливые воспоминания.

Данни откусывает от своего бутерброда, прожевывает и глотает.

— Я всегда буду очень сильно благодарна ей за то, что она признавала, что я — это я. Моя мама была спортивной, и я знаю, что она хотела, чтобы я занималась спортом. Но я любила музыку и, потому что мне это нравилось, она поддержала меня в моей страсти. Когда я захотела проколоть бровь, мне было шестнадцать, она позволила мне сделать это. Ведь она знала, что я жаждала индивидуальности. Я бы не была тем, кем являюсь сегодня, если бы не она.

— Тогда я в долгу перед твоей мамой, в неоплатном долгу, потому что нет ни одной частички тебя, которая не привлекала бы меня безумно.

Данни отвечает мне застенчивой улыбкой и продолжает есть.

— Итак, расскажи мне о Джульярде. И в частности, почему ты не там.

Данни кивает, пока продолжает жевать. После того, как она проглатывает, она берет свое пиво и делает глоток.

— Итак, я подала заявление и поступила туда. Я хотела получить высшее образование по своей специальности в музыке. И, ну... мне очень понравилось там, конечно. Музыка — это то, чем я хотела заниматься. Но когда мама заболела, мне пришлось все бросить и ухаживать за ней. Она сгорела на моих глазах всего за одиннадцать месяцев, после оглашения ее диагноза, но это было достаточно долго, так что я потеряла стипендию. И после... организация маминых похорон и всех ее медицинские расходы... возвращение для меня было нецелесообразно.

— Когда ты говоришь «нецелесообразно»... Ты имеешь в виду недоступно по цене?

— Да. Это просто не по карману сейчас. Я продала мамин дом и получила от его продажи немного денег, но я работаю, чтобы выплатить остальную часть долга за услуги врача. Я беру несколько классов и постараюсь вернуться в музыкальную школу, как только встану на ноги. Это не может быть Джульярда, но я найду что-нибудь другое.

Она отвечает мне кроткой улыбкой и снова... Я поражен ее позитивному настрою и мировоззрению. Кто в мире сотворил это неповторимое создание? Она пережила все лишения и преграды, которые встречались на ее пути. Потеряв обоих родителей, худшим из способов, а потом потерять свое музыкальное образование. Однако она улыбается и продолжает двигаться дальше в том же духе? Я имею в виду, кто так делает? Раньше я бы поразмыслил, разумно ли так жертвовать.

— Я могу помочь тебе, Данни. Оплатить расходы.

Она стреляет в меня глазами, и на мгновение я вижу в них страх. Когда он ускользает, она вызывает у меня искреннюю улыбку.

— Нет, ты не можешь. Это то, что я должна сделать. Но ты просто растопил мое сердце тем, что предложил.

Я стараюсь ответить ей улыбкой, но ничего не получается. Я не хочу, чтобы она делала это сама. Я хочу помочь... защитить ее... принести ей радость. И почему я чувствую себя таким образом? Я едва знаю эту девушку и все же... я чувствую себя ближе к ней, чем когда-либо чувствовал к Энджелин, хотя мы встречались два года.

Я встаю со своего стула и подхожу к ней. Ее глаза расширяются, когда я поднимаю руки и обхватываю ее затылок. Сегодня ее глаза больше зеленые, чем карие, и я смотрю в них, удерживая ее восхитительный взгляд.

— Я не просто так предлагаю это, Данни. В моем распоряжении есть баснословный целевой фонд, и если тебе нужна помощь, я отдам его. Даже если ты захочешь назвать его

займом. С учетом сказанного я пойму, если для тебя это чересчур и тебе нужно сделать это по-своему.

Данни поднимает свою руку и проводит кончиками пальцев по моей нижней губе. Это удивительно приятный жест, который все еще имеет власть, практически опрокидывает меня на колени перед ней.

— Спасибо за понимание, — говорит она.

И затем она заменяет пальцы своими губами.

Данни

Я не смогла устоять и влюбилась по уши. Сейчас я на работе считаю минуты до того, как увижу Райана. Он собирается приехать сюда, когда я закончу, чтобы после зависнуть в моей квартире, в которой мы будем обжиматься.

Это заставляет меня улыбаться. И краснеть. Мое притяжение к Райану ощущается невероятным и безумным. Ему стоит лишь посмотреть на меня определенным образом, и я готова сбросить всю свою одежду.

Вчера мы тусовались в моей квартире весь день, пока ему не пришлось уйти на вечернюю тренировку по хоккею. Некоторое время мы потратили на разговоры, а еще посмотрели фильм. Остальное время мы провели дурачась. Это было потрясающе и скорость, с которой я теряюсь в этом человеке, пугает.

Я хмурюсь, вспоминая наш разговор, когда он предложил помочь мне с мамиными медицинскими расходами. У меня был короткий момент паники.

На мгновение страх проходил через меня настолько интенсивно, что мой желудок скрутило в узел. Его предложение помочь мне, было сделано без оговорок, без ожидания чего-то взамен и исключительно потому, что он хотел помочь мне. Это была самая приятная, самая добрая, самая бескорыстная вещь, которую кто-либо сделал для меня за долгое время, и это само по себе страшно до чертиков.

Вот... Я признаю это... Я боюсь того, что Райан Бёрнэм может заставить меня почувствовать. Я боюсь, потому что едва пережила травму потери моей матери и моего музыкального образования одновременно. С того времени я намеренно избегаю вещей, которые снова могут причинить мне боль. И положила руку на сердце... влюбленность — это рискованное предприятие.

Но я не могу игнорировать тот факт, что чувствую себя живой, когда я рядом с Райаном. Прикосновение его пальца к моей обнаженной коже заставляет меня извиваться. Тембр его голоса может заставить мой пульс биться чаще. Он пришел в мою жизнь по какой-то причине, и я решила, что просто не могу отвернуться, если это сука Карма хочет нанести мне визит. Я думаю, что создана для счастья и просто надеюсь, что Райан им является.

— Привет, красавица.

Я оборачиваюсь, и мой рот мгновенно наполняется слюной. Райан стоит там, одетый в пару темных джинсов, которые сидят низко на его бедрах. На нем хлопковая водолазка темно-серого цвета с длинными рукавами. Его волосы небрежно растрепаны, что хочется запустить в них руки.

— И тебе привет.

— Ты готова?

Я киваю и снимаю фартук. Выхожу из-за прилавка и вдруг стесняюсь. Я смотрю вниз на пол, но он поднимает мой подбородок указательным пальцем. Когда я встречаюсь с ним взглядом, он наклоняется вниз и дарит мне сладкий поцелуй. Один из клиентов у прилавка свистит в одобрении, и я отступаю назад с широкой улыбкой на лице.

Мы проезжаем короткое расстояние до моей квартиры на «Рендж Ровере» Райана, всю дорогу держась за руки. Прежде чем съехать на обочину, чтобы припарковаться, он подносит мою руку ко рту и оставляет на ней поцелуй.

— Мое братство устраивает вечеринку завтра, и мне было интересно, пойдешь ли ты со мной? Если ты не хочешь, мы можем заняться чем-то еще. Но я бы очень хотел, чтобы ты приехала и встретила с некоторыми из моих друзей.

Я сжимаю его руку и улыбаюсь ему.

— Ты уверен? Это будет наш первый выход на публику.

Он одаривает меня ухмылкой.

— Конечно, я уверен. Я действительно хочу познакомить тебя с Майком и несколькими другими ребятами из команды. Они не мудаки. Но я не могу обещать, что все пройдет хорошо. Итак, ты готова к этому?

— Конечно, почему нет. И, кроме того... вспомнила, из достоверного источника мне известно, если кто-то скажет обо мне плохо, то мой парень выбьет из них дерьмо.

Райан смеется, останавливая машину на парковочном месте. Поставив машину на ручник, он наклоняется через консоль и дарит мне обжигающий поцелуй. Затем отстраняется, и я замираю.

— Что это было?

— Это был первый раз, когда ты назвала меня своим парнем, и это возбудило меня.

— Ох, — вздыхаю я, закусывая край нижней губы, которую все еще покалывает от его нападения. — Значит, позволь мне это исправить... парень, парень, парень!

Райан раздражается смехом и тянет мое лицо к своему. Он возобновляет наш поцелуй, и я нуждаюсь в этом, когда он снова отстраняется.

— Пойдем, — говорит он, открывая дверь машины. — Давай что-нибудь поедем.

Я приготавливаю на скорую руку легкий ужин из спагетти и чесночного хлеба. Это довольно сильно отличается от лапши рамен. Райан настаивает на мытье посуды, и я с радостью сажусь на стул, наблюдая за ним, пока он трудится.

Для такого большого парня он двигается с удивительной грацией. Я не могу дождаться, когда смогу увидеть его на льду. Я также не могу дождаться, чтобы увидеть, как он выглядит без одежды. Боже, я превращаюсь в озабоченную. Но даже сейчас, когда я думаю об этом, восхищаюсь тем, как водолазка обтягивает его тело. Воображению осталось немного, чтобы представить его рельефные грудь, руки и живот.

Мы знакомы всего несколько дней, но нет сомнения в том, что я собираюсь отдать свою девственность Райану. Я просто не знаю, когда это будет. Мне нравится, что Райан смакует предвкушение, и я думаю, мы оба знаем, что однажды просто не сможем остановиться. Когда это время наступит... я буду готова. Я уже давно выросла, и теперь я с тем, кто полностью захватил мой мир.

Райан домывает последнюю тарелку и кладет ее в шкаф. Поворачиваясь ко мне, он опирается спиной о стол, руками впиваясь в края рядом с его бедрами.

— Могу я попросить тебя об одолжении, Данни?

— Ты убираешься на моей кухне, а я ненавижу эту рутинную работу больше, чем все остальное, так что я у тебя в долгу. Выкладывай.

— Ты сыграешь для меня на скрипке?

Ох, почему он должен был попросить именно это?

Глаза автоматически наполняются слезами, подумать только, я вижу лихорадочную панику на лице Райана. Я разворачиваюсь и бегу в ванную, прежде чем мои рыдания заставят меня развалиться на части.

Я не успеваю закрыть дверь и броситься к полотенцу, когда Райан уже стучит в дверь.

— Данни... что не так? Пожалуйста, я сказал что-то не то? Мне так жаль... я не хотел тебя обидеть.

Ох, его нежный и добрый голос — это сложно, потому что мне действительно больно, и шлюзы открыты. Я начинаю рыдать, опустившись на пол спиной к двери. Я знаю, что Райан может слышать, как я плачу, но не могу остановиться.

— Данни... пожалуйста,пусти меня.

Я так долго скрывала свое горе от окружающих, что моим первым порывом было запретить ему видеть меня такой. Но сейчас у меня непреодолимое желание упасть в его объятия, чтобы хоть немного облегчить свою боль.

Я незамедлительно поднимаюсь и открываю дверь, падая в его объятия. Он обнимает меня и прижимает свои губы к моим волосам. Он шепчет слова утешения, успокаивая мою боль. «Это нормально» и «Я сожалею», и «Что я могу сделать, чтобы стало лучше?»

И все, что я могу делать — это плакать и плакать, и плакать.

В конце концов Райан подхватывает меня на руки и несет в гостиную. Он сидит на диване со мной на коленях и продолжает успокаивать. Я кладу голову ему на грудь и позволяю себе обернуться в кокон понимания, которое он дает мне.

Мои слезы, в конце концов, иссыкают, но Райан по-прежнему поглаживает мои волосы, мои руки, мое лицо. Он целует мой висок, щеку и уголок рта, сжимая меня в объятиях. Я никогда в своей жизни не чувствовала себя такой желанной.

— Я сожалею, — мямлю я в итоге.

— О чем? — спрашивает он мягко.

— О том, что веду себя, как ненормальная.

Он смеется.

— Ну, я как-то слышал о том, что женщины склонны быть эмоциональными иногда.

Я усмехаюсь ему в грудь и делаю глубокий вдох. Боже он так хорошо пахнет. Его одеколон пряный, едва различимый, но источает мужественность.

Я отклоняюсь назад и смотрю на него.

— Я не могу сыграть для тебя, потому что у меня больше нет скрипки. Мне пришлось продать ее, чтобы оплатить часть медицинских счетов.

Райан бросает на меня взгляд полный ужаса, понимая и сочувствия одновременно, и мои слезы грозятся политься снова. Он тянет меня обратно к своей груди и обнимает.

— Мне жаль, Данни. Могу я чем-нибудь помочь тебе?

Я знаю, о чем он спрашивает меня. Может ли он принести мне скрипку, но он не произносит это вслух. Я качаю головой.

Но затем отступаю назад, прижимая руку к его щеке.

— На самом деле ты можешь сделать кое-то.

— Что? Я сделаю что угодно.

Я отвечаю ему игривой улыбкой.

— Я хочу, чтобы ты отвел меня в мою спальню и заставил меня забыть о моей музыке этим вечером.

Райан резко вздыхает, и я клянусь, его глаза цвета меди, становятся янтарными. Сидя на его на коленях, я сразу ощущаю твердое доказательство того, как мои слова влияют на него, и это заставляет меня чувствовать себя невероятно могущественной. Он отыскивает мои глаза, чтобы понять, чего я действительно хочу, но я не даю ему и намека.

Райан берет мое лицо в ладони и тянет его ближе к себе.

— Я не займусь с тобой любовью сегодня вечером, Данни. Но если ты мне позволишь, я обещаю, что отвлеку твое внимание от музыки на некоторое время.

Я уступчиво вздыхаю и слегка киваю головой.

— Пожалуйста, — шепчу я.

Райан встает с дивана со мной на руках и идет по коридору. Я указываю на свою дверь, и он открывает ее ногой. У меня есть ночник с красным шарфом, накинутым сверху, и это обеспечивает невероятно романтическое освещение. Это, конечно было, непреднамеренно, когда я изначально положила там шарф несколько месяцев назад, но это отлично сработало.

Райан ставит одно колено на кровать и укладывает меня сверху. Я поддвигаюсь, чтобы освободить для него место, и он следует за мной.

Мы ложимся лицом друг к другу и просто некоторое время лежим так, смотря друг на друга с нежностью.

Наконец он поднимает руку к моему лицу и затем перемещает ладонь на мой затылок, слегка сжимая.

— Ты безусловно красива, Данни.

— Я могла бы сказать то же самое о тебе.

Он дарит мне намек на улыбку, а затем его взгляд превращается в испепеляющий, словно его взор наполнен жидким огнем... Он наклоняется и нежно меня целует. Я подстраиваюсь под его темп, наслаждаясь ощущениями. Я знаю, что не собираюсь терять свою девственность сегодня вечером, и также осознаю, что сегодня испытаю что-то новое, поэтому мое тело покалывает от предстоящих ощущений.

Вскоре наши поцелуи становятся более настойчивыми. Мне кажется, я падаю в пропасть, пока Райан жадно наслаждается моим ртом. Он отдает ему приказы, а тот словно по мановению волшебной палочки повинуется его словам. Наши языки сплетаются в чувственном поцелуе, затем они исследуют друг друга по отдельности, лишь слегка касаясь. Потребность быть вместе... потребность изучать тело друг друга.

Рука Райана обвивает мою талию словно лоза, и он подтягивает меня ближе к себе, его пальцы впиваются в мою нежную кожу, даря восхитительные ощущения от происходящего между нами. Его возбужденный ствол находится на одном уровне с моими бедрами, и когда мы тесно прижимаемся, он издает протяжный стон наслаждения.

Его рука плавно движется вверх по моей рубашке, он нежно гладит мою спину, когда его требовательные губы ласкают мою шею, оставляя на ней дорожку из поцелуев. Он сводит меня с ума, и каждая клеточка моего тела словно вспыхивает под прикосновением его пальцев, затем, когда он убирает их, кожу как будто обжигает ледяной ветер. Я испытываю мощнейшую эмоциональную перегрузку, когда его рука перемещается на мою грудь, прикасаясь и слегка стискивая, я почти испытываю стыд, за то, что от чувства всепоглощающего удовольствия гортанный стон срывается с моих истерзанных губ.

— Шшшш, — он успокаивает меня, но его рука ласкает меня настойчивее, и я хочу, чтобы он скользнул ладонью под нежную ткань бюстгалтера.

Внезапно Райан отступает назад, и я опустошена. Я тянусь к нему, он берет мою руку и подносит пальчики к губам, оставляя на них ласковый поцелуй.

— Я не собираюсь заниматься с тобой любовью, Данни. — Я не уверена, для кого он говорит это, пытается убедить себя или меня. — Впрочем, мне бы хотелось больше видеть и прикасаться к тебе. Ты позволишь мне?

«О, да, пожалуйста», — я хочу кричать от чувств, что преобладают во мне, но просто подтверждаю растерянным кивком головы. Я не думаю, что смогу сказать хоть слово в этот момент, кажется, что мой словарный запас всецело состоит из стонов и вздохов.

Прежде чем лечь обратно со мной на кровать, Райан садится на колени и тянется руками вверх, стягивая через голову водолазку. У меня отваливается челюсть от вида, что открывается передо мной... Его тело еще прекраснее, чем я представляла. Его грудь гладкая и рельефная с твердыми мышцами. Его пресс разделяет темная дорожка волос, которая начинается чуть ниже его пупка и соблазнительно спускается вниз под пояс джинсов. Я протягиваю руку и прохожусь по ней пальцами, поглаживая завитки. Райан издает шипящий звук, и я поспешно одергиваю руку, думая, что сделала что-то неправильное.

Он хватает мою руку и прижимает к своему животу.

— Не останавливайся. Это превосходно. Seriously, очень хорошо.

Проклятие. Тот факт, что я могу заставить этого великолепного мужчину издавать настолько сексуальные шипящие стоны удовольствия, приводит меня в дикий восторг.

Я нетерпеливо поднимаюсь на колени и придвигаюсь ближе к нему, протягиваю свои руки и понимаю, что мои пальцы дрожат. Я смотрю на Райана, а он пронзает меня взглядом своих янтарных глаз с нескрываемым желанием, что плещется в них. Я кладу правую руку на уровне его сердца и под моими ладонями его кожа ощущается, словно охваченная огнем. Чувствую бешеный стук, увеличивающий скорость и силу. Опускаю руку к низу живота, прижимаюсь, оставляю на его груди мягкий поцелуй, и Райан стонет. Когда моя рука достигает пояса его джинсов, я начинаю спускаться ниже, но Райан тянет мою руку обратно и заводит ее мне за спину, удерживая там.

Другой рукой он сжимает мою голову и почти поглощает меня своим ртом. Что-то неприлично роскошное начинает расползаться по моему телу, и я хочу больше.

Отпуская мои руки, Райан быстро стягивает мою рубашку через голову и затем толкает меня обратно на кровать. Мое дыхание становится рваным, и я надеюсь, что не задохнусь от возбуждения. Смотрю на почти одичавшее лицо Райана и завожусь еще больше.

Он обводит взглядом мою грудь, которая вздымается в чашечках второго размера, затем опускается к низу живота, где все изнывает от желания. Он замирает, когда взгляд достигает моего пупка и видит, что там пирсинг. Это простая штанга, но один конец имеет аквамаринный хрустальный шар, сверкающий в свете лампы.

Он легко обводит пальцем место над пирсингом, лаская кожу, а затем смотрит на меня.

— Еще один пирсинг?

Я качаю головой с застенчивой улыбкой.

— Хорошо. Я не знаю, может ли мое сердце вынести еще больше сексуальности.

Я широко улыбаюсь в восторге, что ему нравится смотреть на меня.

Он двигается до тех пор, пока не останавливается на коленях между моих ног, и его руки тянутся к пуговице на моих джинсах. Он смотрит на меня:

— Я могу?

— Я умру, если не сможешь.

Райан расстегивает пуговицу, и молния медленно ползет вниз. Он больше не смотрит на мои глаза, но смотрит, что открывается ниже. Я поднимаю бедра вверх так, что он может спустить мои джинсы дальше, и я чувствую себя развратной и свободной одновременно.

Когда на мне остаются простой белый бюстгальтер и трусики, Райан отклоняется к концу кровати и просто смотрит на меня. Я знаю, что должна чувствовать смущение, но это

не так. Выражение его лица совершенно прозрачно, и я знаю, что в этот момент я самая красивая девушка, которую он когда-либо видел.

Райан накрывает меня своим телом, и наши губы сливаются снова. Мне кажется, я опускаюсь все ниже и ниже ко дну в водовороте страсти, но не хочу останавливаться. Я бы с удовольствием позволила себе утонуть, это то, как я чувствую все, что происходит со мной. Мое дыхание становится поверхностным, когда Райан продолжает свой путь вниз по моему телу, лаская каждую частичку. Проходя губами и языком между моих грудей, он легко находит застежку посередине и стягивает материал. Сменяя язык, он ласкает меня руками, легонько проходя кончиками пальцев по моему телу, вознаграждая меня изысканной лаской. Однако вскоре, я с жаром издаю стон и не могу остановить себя. У меня такое чувство, что когда мы закончим, я буду кричать так, как никогда ранее мне доводилось.

В то время как его губы продолжают жадно наслаждаться моей грудью, Райан перемещает руку вниз к материалу нижнего белья, проводя пальцами по нему, создавая ладонью давление на мою кисть. Мои бедра приподнимаются под его лаской, отзываясь на легкое прикосновение к самой потаенной части меня, и Райан практически издает рык от моей страстной натуры. Оставляя дорожку из поцелуев на моем теле, он поднимается вверх до горла своими пленительными губами, я не могу остановиться и перевести дыхание, потому что в эту секунду он проскальзывает ладонью под кромку нижнего белья и начинает дарить мне ни с чем не сравнимые чувственные ласки, потирая бусинку клитора.

Я сейчас будто не в себе... Если бы губы Райана не облизывали, посасывали мои, то я бы металась из стороны в сторону, изнывая от ласк. Я чувствую нарастающее давление внутри себя, что не может не пугать и не возбуждать в одно и то же время. Удовольствие настолько велико, что приравнивается к боли, но я должна узнать, что будет дальше, поэтому подчиняюсь его пальцам и молчаливым приказам... Слезы собираются в уголках глаз, а потом я вдруг словно рассыпаюсь на мириады искр света, как будто яркая звездочка достигла своего апогея, взрываясь. В эту самую секунду рот Райана находит мой, и он поглощает крики, стоны и всхлипы.

Когда я обретаю возможность мыслить здраво, осознаю, что Райан по-прежнему целует меня. Он сжимает меня в объятиях и притягивает ближе к своему твердому телу. Я расслабляюсь, чувствуя себя в легкой эйфории, мой пульс начинает успокаиваться. Внезапно меня окутывает легкой пеленой состояние усталости, глаза непроизвольно закрываются вопреки моим усилиям. Прежде чем я проваливаюсь в сон, понимаю, что моя голова покоится на широкой груди человека, который познакомил меня с неземным удовольствием.

Райан

Я еду в квартиру Данни, чтобы забрать ее на студенческую вечеринку. Я взволнован и нервничаю. Не могу дождаться, когда увижу ее.

Прошлая ночь была удивительной. Это был один из лучших сексуальных опытов в моей жизни, а я даже не кончил. Смотреть на Данни, наблюдать, как она рассыпается под ласками моих рук — невероятно возбуждающе, и я знаю, что когда мы займемся сексом, это меня сокрушит.

Я волнуюсь о том, как мои друзья будут относиться к ней. Я знаю, что Майк и Картер будут уважительны, и даже Кэмерон, подружка Майка, будет милой, пока не появится Энджелин, чтобы высмеять ее.

Я нахожу Кэмерон на самом деле приятной. Майк встретил ее, когда мы были на первом курсе в Северо-Восточном и с тех пор они вместе. Он признался мне, что собирается сделать ей предложение на выпускном вечере и попросил меня помочь ему выбрать обручальные кольца несколько месяцев назад.

Кэмерон была той, кто познакомил меня с Энджелин. Она думала, что мы были бы идеальной парой, и мы были — теоретически. Да, было время, когда я был увлечен и взволнован Энджелин. А какой девятнадцатилетний парень не будет взволнован в компании красотки из колледжа? И в первые месяцы наших отношений мы действительно очень хорошо ладили. После того, как мои родители проверили ее родословную, они утопали в любви к ней, и моя мама постоянно говорила, какие красивые дети получились бы у нас.

Но со временем внешний лоск, который привлекал меня, померк. У меня есть теория, что, когда ты начинаешь встречаться с кем-то, ты всегда ведешь себя наилучшим образом. Как только тебе становится более комфортно с человеком, ты начинаешь расслабляться, опуская защиту, и открывается твоя истинная сущность. Единственная вещь, которая четко и ясно проявилась для меня в Энджелин, была ее глупость.

Энджелин происходит из самых богатых людей Нью-Йорка, и она привыкла к самому лучшему в жизни. И когда люди становятся на ее пути, те, кто не достоин, у нее не возникает никаких проблем в том, чтобы позволить им знать это. Думаю, если бы я должен был восхищаться чем-либо в ней, то, по крайней мере, она не врет людям в лицо, когда говорит что-то о них. Она не прячется за спинами, нашептывая сплетни.

Наши отношения закончились так же внезапно, как и начались, в один из вечеров, когда мы целовались на моей кровати, и я буквально не смог возбудиться от нее. Возможно, это было потому, что всего за две минуты до этого она хныкала из-за того, что ее папа не купил ей бриллиантовое кольцо, которое она хотела, или, может быть, это было потому, что она поиздевалась над сыном-инвалидом помощника нашего тренера. Но что-то во мне просто сломалось и притяжение, которое я испытывал к ней, пропало.

Мы расстались с Энджелин не очень хорошо. Она плакала и умоляла. Затем визжала и кидала в меня вещи. Потом она плакала еще раз, прежде чем, наконец, начать мне угрожать. Энджелин была жестокой, но как только она вышла из моей комнаты в ту ночь, я почувствовал полнейшее облегчение и знал, что принял правильное решение.

Вот кое-что о Данни. Она видела мои худшие стороны. Я обидел ее без всякой на то причины, когда защищал свое собственное сердце, и она простила меня. И я знаю, как она

уязвима, но это меня не пугает. Я хочу защищать ее. Все те месяцы, что я был с Энджелин, у меня никогда не было желания ставить ее интересы выше, чем мои собственные, но это все, о чем я могу думать, когда дело касается Данни.

Мы подъезжаем к моему общежитию и понимаем, что вечеринка в самом разгаре, потому что слышим ритмичную музыку даже в салоне моей машины. Я открываю Данни дверь, и она выходит. Она просто потрясающая, хотя на ней надеты простые джинсы, темно-зеленая блузка и черные сапоги. Ее волосы длинные, завитые волнами. На ней нет никакой косметики, кроме блестящего блеска для губ, и я хочу поцеловать их. Я притягиваю ее к себе и вместо этого целую в кончик носа.

— Ты заставишь любую женщину на свете испытывать досаду, мисс Кросс.

Данни хихикает.

— Я тоже хочу переспать с тобой, мистер Бёрнэм.

Я хохочу и притягиваю ее в объятия, покачивая нас назад и вперед, в то время как наш смех уносит ветер.

Целую кончики ее пальцев, переплетаю со своими, и мы входим. Сначала я веду ее в свою комнату, чтобы показать, что в ней. Мне потребовалось несколько минут, чтобы немного прибраться, что в принципе означает, что мне пришлось бросить всю грязную одежду Майка в шкаф. Парень полный неряха.

Данни ходит по маленькой комнате, осматривая все хоккейные фотографии и памятные вещи, что у меня есть. Она спрашивает, есть ли у меня фотографии моей семьи и к моему большому огорчению, их нет. У моих родителей не бывает случайных снимков, как у обычных людей.

Прежде чем мы выходим, Данни садится на край моей кровати и подпрыгивает вверх и вниз несколько раз. Я смотрю на нее насмешливо, и она дерзко подмигивает мне.

— Просто проверяю, как громко она скрипит.

— Ты испорченная девчонка, ты знаешь это? — спрашиваю я.

— Я это знаю.

Спускаясь по лестнице, я беру каждому из нас пиво, и мы пробираемся к Майку. Он и Кэмерон говорят с Картером.

По мере приближения я обнимаю Данни за талию, чтобы всем и каждому было понятно, что она со мной. Я сказал Майку, что привезу ее сегодня вечером, и он в свою очередь сказал Кэмерон, чтобы она держала себя в рамках приличия. Но Картера это наверняка удивило.

Я формально представляю их, и мы все ведем светскую беседу. Я говорю Майку, что Данни изучала музыку, что дает ему тему для разговора с ней, так как его мать является менеджером в музыкальной компании, работающей с «Сони». Я расслабляюсь и просто наслаждаюсь, всего лишь наблюдая за Данни, легко показывающей индивидуальность в общении с Майком и Картером. Когда Картер в нескольких шагах, чтобы взять другое пиво, он толкает меня в плечо и рычит в ухо:

— Ты, ублюдок, снял ее первым.

Я ухмыляюсь ему. Ему не нужно рассказывать мне, какой я счастливчик.

Кэмерон на самом деле вежлива и разговаривает с Данни, поддерживая светскую беседу о Джульярде. Затем, к моему удивлению, она спрашивает Данни о ее пирсинге, потому что подумывает проколоть свой пупок. Что приводит к пятнадцатиминутной дискуссии о

пирсинге, отчего меня на самом деле немного подташнивает. Признаю, что я — слабак.

Вечер был лучше, чем я ожидал. Все мои друзья и товарищи по команде были очарованы Данни, что было не слишком трудно, после того как они узнали ее. Напоминаю, что она может завоевать кого угодно.

В один прекрасный момент меня зовет Картер, который хочет, чтобы я помог ему довести одного из пьяных парней из нашего братства до кровати. Его видимо рвало, и он уснул в ванной комнате на первом этаже. Данни уверяет меня, что все нормально, и она справится самостоятельно.

Когда я возвращаюсь, мой желудок скручивается, потому что я вижу, что Риз Мэлоун, говорит с ней. И он вторгается в личное пространство Данни. По ее позе заметно, что ей не нравится, насколько близко он стоит и, к сожалению, я вижу, что он пьян. Я знаю, что мне придется обращаться с ним осторожно, чтобы он не устраивал сцену.

На днях тренер выступил «посредником» между мной и Ризом, в основном он требовал, чтобы мы помирились. Под зорким взглядом тренера нам пришлось принести друг другу извинения. Он не сделал ничего, чтобы охладить вражду между нами, но, по крайней мере, мы сможем нормально выступать.

Я иду туда, где они стоят, и боковым зрением замечаю, что Майк тоже продвигается туда. Я решаю не заострять внимания, чтобы не провоцировать Риза. Проходя мимо него, я хлопаю его по спине и говорю:

— Эй, мужик. Как дела? — я даже успеваю нацепить на лицо улыбку в надежде, что она не выглядит так же фальшиво, как ощущается.

Риз смотрит на меня скептически, но все же подает руку для рукопожатия. Я принимаю ее и отвечаю ему, сразу же подходя к Данни. Несмотря ни на что, мне приятно, что Мэлоун избегает конфронтации; я все еще хочу, чтобы всем было понятно, что Данни — моя. Глядя на нее, я вижу облегчение в ее глазах, и моя кровь мгновенно закипает, потому что я знаю, что он сказал что-то, чтобы она чувствовала себя неудобно. Я оставляю быстрый поцелуй на ее виске, а затем оборачиваюсь обратно к Мэлоуну. Он щурится на меня.

— Итак, ты готов открывать игру на следующей неделе? — боже, это так мучительно пытаться завязать разговор с этим парнем.

Он не отвечает, но его взгляд останавливается на Данни. Я вижу расцветающее понимание на его лице.

— Эй, ты та девушка, которая работает в закусочной, верно?

Я чувствую, как напрягается рядом Данни, и прежде, чем могу броситься на него, когда он скажет что-то обидное, Майк отводит Риза подальше. Я слышу, как Майк говорит ему:

— Эй, Мэлоун. Мне нужно, чтобы ты подошел и разрешил спор между Картером и мной, кто лучший бомбардир прошлого года в НХЛ.

Я делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. Мое кровяное давление начинает опускаться, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Данни, готовый извиниться.

— Этот парень, бл*дь, мудака, — говорит она, прежде чем я могу сказать хоть слово. Затем она мгновенно краснеет, и на ее лице появляется смущенная улыбка. — Упс. Прости. Я обычно не использую это слово.

— Он сказал тебе что-то обидное?

Она качает головой.

— Он был просто пьян. Не беспокойся.

Я качаю головой с улыбкой на лице. Данни не глупая. Она знает, что Мэлоун тот

парень, который обозвал ее шлюхой, и проявляет стойкость. Я не уверен, что эта девушка когда-нибудь позволит кому-либо задеть ее.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее.

— Ты невероятная... ты знаешь это?

Она издает небольшой стон признательности напротив моих губ.

— Ммммм... ты мой... парень, парень, парень.

— Да. По-прежнему возбужденный. — И я целую ее более страстно.

Она смеется напротив моих губ, и у меня появляется непреодолимое и внезапное желание крикнуть всему миру, что Данни Кросс — моя девушка. Все, что мне нужно сейчас — это ударить ее дубинкой и утащить в пещеру...

Приближается полночь и нам нужно уходить. Данни рано утром нужно на работу в «Салли». Мы целенаправленно не пили много вечером, так как ей на работу, а я за рулем. Мы прощаемся со всеми, и я рад, когда Майк и Картер наклоняются, чтобы заключить Данни в братские объятия. Она с радостью отвечает им тем же. В то время как Кэмерон не обнимает ее, она пожимает ее руку и говорит о том, что была рада встретиться с ней. По крайней мере, это начало.

Как только мы приближаемся к двери, чтобы выйти, то вынуждены остановиться из-за Энджелин, которая встает прямо передо мной и вешается на меня. Она оборачивает руки вокруг моей шеи и вцепляется как пиявка. Я вынужден отпустить руку Данни, чтобы мог отцепить от себя щупальца Энджелин.

Удерживая ее за запястья, я отталкиваю ее от себя, и мгновенно понимаю, что она пьяна. Когда я освобождаю ее руки, она начинает пошатываться назад и вперед.

— Ну же, Райан, так не обращаются со старыми друзьями. — Ее слова невняты, и я боюсь, что она вот-вот упадет. Может, так даже лучше. По крайней мере, мы сможем переступить через нее и уйти.

Я вздыхаю.

— Извини нас, мы уходим.

Несмотря на то, что она пьяна, она движется на удивление быстро и шагает в нашу сторону, когда мы пытаемся протиснуться мимо нее. Покачивая своим пивом, она фокусирует глаза на Данни, рассматривая ее.

— Эй, я тебя знаю. Ты та официантка из «Салли».

Данни протягивает руку Энджелин.

— Все верно. Я Данни Кросс. Приятно официально познакомиться с тобой.

Я поражен. Данни на самом деле пытается быть вежливой с ней. У нее больше самообладания, чем я думал. Энджелин просто смотрит на руку Данни и поджигает губы.

— Как будто я хочу пожать руку кому-то вроде тебя. И прежде чем ты подумаешь, что ты такая умница, я просто знаю, что Райан увлечен тобой временно, это пройдет.

Энджелин все еще покачивается взад и вперед, но выглядит чрезвычайно довольной тем, что сказала Данни, в ожидании увидеть, что ее яд достиг цели.

Я чувствую опасность и открываю рот, чтобы накинуться на Энджелин, хотя знаю, что это будет бесполезно, потому что она пьяна. Но Данни качает головой, и я держу язык за зубами. Вместо этого Данни просто берет мою руку и отвечает Энджелин вежливой улыбкой.

— Что же, приятно было познакомиться, но мне пора. Мне завтра на работу.

Данни обходит Энджелин вокруг, и я с нетерпением наблюдаю за этим. Энджелин

просто стоит, опешив, что не смогла превзойти Данни. И действительно, она должна понять — не нужно дважды испытывать терпение Данни. Данни может пережевать ее и выплюнуть, если она захочет сделать это.

Когда мы идем к моей машине, наши руки нежно переплетены и раскачиваются назад и вперед, я молчу.

— Что-то не так? — спрашивает Данни.

— Нет. На самом деле все просто замечательно. Ты потрясающая, ты знаешь. Ты совершенно очаровала моих друзей, и даже если имела полное право ударить Энджелин по лицу, ты была вежлива с ней. Ты неподражаемая, крошка.

— Сегодня мне было весело. Спасибо что пригласил. Мне очень понравились Майк и Картер. Я понимаю, почему ты дружишь с ними. Даже Кэмерон была действительно милой.

— Было весело сегодня. Но ты знаешь, что может быть еще лучше?

— Что? — спрашивает она.

— Мы с тобой можем выяснить это в моей машине, когда вернемся к тебе. Ты готова увидеть, как сильно могут запотеть окна?

— Это звучит не совсем весело. Но можешь на меня рассчитывать.

К тому времени, когда я проводил ее до двери, я уже больше ничего не видел за пределами окон машины.

Данни

Я думаю, что на грани того, чтобы полностью потерять голову от Райана. Время, проведенное наедине, было как в сказке, я удивлена, сколько удовольствия я получила вчера с Райаном и его друзьями. Все было очень мило... ну, за исключением Энджелин и того жуткого товарища Райана по команде. Я содрогаюсь, когда думаю о разговоре, который произошел у меня с Ризом Мэлоуном. Он был очень хитер в своих действиях. Я стояла одна, потягивая пиво, когда он приблизился.

— Должно быть, это моя счастливая ночь, чтобы найти здесь самую красивую девушку в одиночестве, — произнес он с сальным очарованием. Я могла сказать, что он был пьян или под кайфом, судя по туманному взгляду в его глазах и тому, как он пытался сфокусироваться.

Я вежливо улыбнулась ему и сделала еще глоток пива. В своей жизни я уже имела дело с пьяницами и знала, что лучше не заводить с ними разговора.

Слегка покачиваясь, впиваясь в меня взглядом, он подошел ближе, и я почувствовала запах ликера, которым от него разило. Он наклонился и прошептал, как он думал, очень сексуальным голосом:

— У меня есть около двадцати различных способов, которыми я могу заставить тебя кричать.

Ладно, дальше было совсем непристойно, и он проявил себя, как полный придурок.

— Эй, приятель, почему бы тебе не сделать шаг назад и не освободить мне здесь немного места.

Он сделал небольшой шаг назад, но был все еще слишком близко. Он смотрел на меня, как на конфету.

— Вот здорово, — пропел он. — Ты просто так чертовски хороша, и я не могу перестать представлять, как весело нам могло бы быть вместе.

К счастью, я была спасена от необходимости отвечать, когда Райан встрял в разговор, приходя мне на помощь. Я навечно благодарна, что Майк сразу же утянул Риза прочь.

Да, парень заставил меня покрыться мурашками, и я была бы счастлива никогда не видеть его снова. Райан спросил меня, была ли я расстроена чем-то, что сказал Риз, и я не проглотила наживку. Я не хотела, чтобы у Райана было основание пойти за ним.

Итак, прошла неделя, как мы с Райаном помирились, и она была феноменальной. Мы не могли видеть друг друга последние несколько дней между работой, учебой и хоккеем, но постоянно писали друг другу смс и каждый вечер болтали в течение нескольких часов, пока оба не уставали так, что практически засыпали с телефоном у уха.

А прошлой ночью... прошлой ночью Райан удивил меня, когда появился у «Организации помощи церкви» с огромным букетом лилий «Звездочет». Они мои любимые, и я мгновенно поняла, что он, должно быть, спросил Паулу, какие цветы купить для меня. Я наградила его поцелуем, слегка щипая и покусывая, который вызывал стон у нас обоих. Он был быстро остановлен, когда Мэверик зашел в кухню и застучал нас. После, крича на нас обоих, он заставил нас работать в противоположных местах, так что мы даже не видели друг друга, до тех пор, пока не закончили. Мы оба истерически смеялись при этом.

Было бы лучше, если бы я успела представить Райана Сержанту, моему единственному лучшему другу помимо Паулы, прежде чем нас остановили. Сержант — седой ветеран

морской пехоты, который служил во время первой войны в Персидском заливе. Он потерял левую ногу, которую оторвало от взрыва бомбы на обочине дороги, и был демобилизован по медицинским показаниям в 1992 году, отслужив тринадцать лет.

Не в состоянии найти работу и ощущая собственную никчемность, Сержант обратился к алкоголю, чтобы заглушить свою боль. У него не было семьи, чтобы потерять ее, как сделал мой папа, и как он сказал — это не стало сюрпризом, что он оказался на улице так быстро.

Я встретила Сержанта в первый день, когда пришла в «Организацию помощи церкви», чтобы навестить своего отца. У них быстро завязалась дружба, и они старались держаться друг за друга, проходя этот сложный путь. Мой отец проиграл, но Сержант выстоял. После успешного завершения реабилитационной программы «Организации помощи церкви», он продолжил оставаться трезвым последние пять лет и сейчас работает волонтером для помощи церкви.

После того, как умер мой отец, я продолжила дружбу с Сержантом помимо волонтерства в приюте. Он заменил мне отца, наряду с Паулой, они стали для меня всем в этом мире.

Райан и Сержант быстро поладили. То есть, после того, как Сержант предупредил Райана, что он все еще может убивать голыми руками, и если он причинит мне боль, то никогда не поймет, откуда придется смертельный удар. Райан сглотнул и только проговорил:

— Вам не придется беспокоиться об этом, сэр. — И тогда они быстро стали друзьями.

Я наблюдала за ними, пока они разговаривали. Я немного волновалась по поводу Сержанта. Возраст и годы злоупотребления алкоголем оставили на нем отпечаток. Его смуглое лицо было испещрено морщинами, и я заметила, что его волосы были почти полностью седыми.

Прежде, чем мы собрались уезжать, я позволила ему крепко себя обнять, а затем посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты в порядке, Сержант?

— Разумеется. Почему ты спрашиваешь?

— Просто ты выглядишь немного уставшим, и я хочу убедиться, что ты заботишься о себе.

Он смеется.

— Перестань волноваться своей симпатичной головкой обо мне. Я в порядке.

Я обнимаю его и снова шепчу:

— Я не могу потерять тебя, так что тебе лучше говорить мне правду.

Сержант поцеловал меня в лоб и сказал мне рвать когти. Он пожал Райану руку, и мы отправились дальше.

Я перебрала в памяти прошлую ночь и начала одеваться.

Сегодня мы с Паулой собираемся на открытие хоккейного сезона Райана. Я надеваю джинсы и футболку с длинным рукавом, одну из старых хоккейных маек Райана, которые он дал мне поносить. Она пахнет, как он, и это наполняет меня странной смесью похоти и комфорта.

Мой телефон издает короткий сигнал, и я смотрю на него. Это сообщение от Райана, и я не могу сдержать улыбку, которая растягивается на моем лице. Кажется, улыбаться — это все, на что я способна, когда нахожусь с Райаном, и для меня это нормально. Я читаю его сообщение.

«Сижу в раздевалке, переодеваюсь. Думаю о тебе».

Я быстро отвечаю.

«Забавно. Я одеваюсь и тоже думаю о тебе».

Он реагирует быстро.

«Ммммм. Сейчас я думаю о тебе одевающейся».

Господи, теперь я думаю о нем, думающем о том, как я одеваюсь, и нечто странное происходит с моим желудком.

«ЛОЛ! Перестань думать о таких непристойностях и играй. Увидимся позже. Удачи».

Он не отвечает, так что я откладываю телефон и заканчиваю приготовления.

Мы на «Мэтьюс Арене» и ищем наши места, когда «Хаски» выходят на лед для разминки. Райан дал мне билеты, так что он точно знает, где наши места, которые находятся всего в двух рядах от стекла за скамейками команды «Хаски».

Я с жадностью наблюдаю за ним, как он катается на коньках по кругу. Он шикарно выглядит в своей форме и примерно в десять раз больше, чем в жизни. Он в шлеме, но, когда катится на коньках, ветер сдувает его длинные пряди назад, бросая их на его идеальное лицо. Он не побрился сегодня, и щетина заставляет его выглядеть диким и опасным.

Команда покидает лед после десяти минут разминки и упражнений, когда я слежу за Райаном, шагающим в туннель, Паула толкает меня в плечо.

— Девочка, да ты влипла.

— Что? Что значит, я влипла?

— Не придуривайся, Даниэлла Кросс. Ты влюблена в этого парня.

Я смеюсь. Я могла бы влюбиться в него, но еще нет. Я знаю его чуть больше недели. И просто не может быть, чтобы я влюбилась. И я говорю это Пауле.

Она просто говорит:

— Мммм. Хмммм. — И сохраняет на своем лице самодовольный взгляд.

Вскоре свет становится тусклым, и арена сотрясается громкой рок-музыкой. Объявляют основной состав «Хаски». Когда я слышу:

— И в начале, приветствуем центрального нападающего и капитана команды, Райана Бёрнэма. — Я поднимаюсь со своего кресла и кричу, наверное, громче всех на арене.

После начала игры, я прикована к разворачивающемуся действию. Я вздохнул наблюдаю за Райаном, как он смотрит на льду. Он полностью сосредоточен на игре. До конца первого периода он помогает забить гол. В то время как катится обратно к судье, который отсчитывает минуты для замены звена до окончания периода, он смотрит туда, где сижу я, и улыбается мне. Просто небольшое подтверждение... что он думает обо мне во время игры... заставляет мое сердце сильно биться. Я смотрю на Паулу и все, что она говорит, это:

— Мммм. Хмммм.

В конце первого периода Паула выбегает покурить, а я иду в туалет и затем покупаю для нас попкорн и напитки. Я возвращаюсь обратно на свое место раньше Паулы и с радостью сажусь и начинаю жевать свой попкорн, когда кто-то садится рядом со мной. Думая, что это Паула, я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться ей, но Энджелин застаёт меня врасплох, когда я вижу, что там сидит она.

Она ничего не говорит, а просто холодно оценивает меня.

Наконец я говорю:

— Привет, Энджелин.

Она не обращает внимания на мое приветствие, вместо этого говорит:

— Ты знаешь... я сначала не поверила, когда Кэмерон сказала мне, что Райан трахает тебя, впрочем, я понимаю, почему он связался с тобой. Ты другая. Иными словами, ты беднота.

Я делаю глубокий вдох и считаю до десяти, чтобы попытаться успокоиться перед тем, как ответить ей. Я хорошо осознаю, что мы находимся в общественном месте, и я не хочу обострять ситуацию, но и не собираюсь сидеть сложа руки, когда она оскорбляет меня.

— Слушай, Энджелин. Ваши отношения с Райаном были закончены задолго до того, как появилась я, так что тебе не следует ссориться со мной. Делай это с ним. И для твоего сведения, я с ним не трахаюсь... пока.

Я вижу, ее глаза сверкают злостью, и она наваливается на меня, шепча при этом:

— Ты погрязла в фантазиях, где хочешь прожить долго и счастливо с Райаном, но просто помни... ты никогда не вступишь в его мир. Он относится к такому престижному уровню жизни, о котором ты можешь только читать, в нем нет места для таких людей, как ты. Поверь мне... он не захочет связать с тобой жизнь.

Эти слова вызывают во мне глубокий протест, но прежде чем я могу даже подумать о том, чтобы ответить, слышу звук, и мы обе поворачиваемся, чтобы увидеть Райана, стучащего своей клюшкой по стеклу. Остальные игроки вернулись на лед разминаться. Он смотрит на Энджелин убийственным взглядом. Она просто поворачивается ко мне и говорит:

— Подумай об этом. Ты знаешь, что я права.

Я возвращаю взгляд к Райану, и мне кажется, что он может пройти сквозь стекло, так сильно он зол. Затем я слышу:

— Убирайся с моего места, ты, уродливая сука.

Это Паула, и она выглядит довольно устрашающе, одетая в свои потертые и изрезанные впереди джинсы, футболку Мотли Крю и зеленую военную куртку. Она подводит глаза черным карандашом и красит губы черной помадой и, хотя она миниатюрная, смотрит жестко, будто забивает гвозди. Я получаю небольшое удовлетворение, когда Энджелин бледнеет, а затем скрывается.

Я выдыхаю, и затем Райан спрашивает одними губами:

— Ты в порядке? — я киваю с улыбкой на лице. Он сосредоточенно смотрит на меня несколько секунд, а затем встает на коньки.

Паула садится.

— Что она тебе сказала? Ты белая, как привидение.

Я затихаю на минуту, а потом смотрю на нее.

— В основном она сказала, что я недостаточно хороша для Райана. Что наши миры слишком разные, чтобы это сработало.

— Что, бл*дь, происходит, Данни? И я отдам тебе свои сигареты после игры. Почему ты позволяешь ей добраться до тебя?

— Я не знаю. Она кажется такой... искренней, говоря о наших различиях, что заставляет меня думать об этом дважды.

— Так, ты должна попытаться выкинуть это из головы прямо сейчас. Этот мальчик без ума от тебя и у вас обоих все получится, если ты этого захочешь. Теперь выбрось эти сомнения из головы.

Я испускаю судорожный вздох и привожу в порядок свои мысли.

— Ты права. Почему я вообще слушаю ее?

— Вот это моя девочка.

Я снова обращаю все внимание на лед, и пусть мои мысли будут снова сосредоточены на Райане. Я так горжусь им, в конце игры он подходит к стеклу с широкой улыбкой на лице. Они выиграли 3:2, и он ответственен за гол и две голевые передачи. Он стягивает с себя шлем, и его волосы мокрые. Удивительно, как он может выглядеть совершенно великолепно, будучи весь в поту. Райан стучит клюшкой по стеклу и подмигивает мне. Я улыбаюсь для него, в моем сердце еще глубже укореняется все, что касается Райана Бёрнэма. Он кивает головой вправо, и я вижу, что он хочет встретиться со мной у перил в тоннель, что ведет на лед.

Паула быстро обнимает меня на прощание и говорит, что увидится со мной позже, дома. Я забираю наш мусор и выбрасываю его, а затем держу свой путь к перилам. Быстро перелезаю через них и спрыгиваю на бетон.

Райан ждет меня, и когда я приближаюсь к нему, замечаю, какой он чрезвычайно высокий, особенно, когда стоит на коньках. Я очень надеюсь, что он стоит на них устойчиво, ведь всего в нескольких сантиметрах от него обвиваю руками и его шею и оборачиваю ноги вокруг его талии. На нем надето слишком много формы для того, чтобы обернуть полностью мои ноги вокруг него, но его руки крепко сжимают мою задницу, чтобы удержать меня на месте. Я прикасаюсь своими губами к его, затем он сладко целует меня, а когда отстраняется, то бормочет под нос ругательства, насколько он возбужден, сжимая меня крепче.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я перемещаю рот к его шее и покусываю там.

— Я так горжусь тобой, Райан.

Он стонет, но говорит:

— Данни... я весь грязный и потный.

— Мне плевать, — говорю я, прокладывая путь обратно к его рту. Потом, слегка целуя его там, я шепчу напротив его губ:

— В будущем я планирую заставить тебя много потеть.

Райан оглядывается вокруг и прижимает меня к стене своим телом, и тщательно соединяет свои губы с моими. В конце концов, он тянется обратно, и я благодарна, что никто не обратил на нас внимание.

— Ты знаешь, это заставляет меня сходить с ума от похоти к тебе, когда ты говоришь такие вещи.

Я кокетливо ему улыбаюсь и глажу его лицо.

— Райан... чего же мы ждем? — я знаю, мои глаза полны тоски, и я надеюсь, что он понимает всю глубину.

Он страстно смотрит на меня и затем прижимается лбом к моему.

— Бл*дь, если бы я знал. Могу я остаться с тобой сегодня вечером?

— Господи, да. — Шепчу я и целую его снова.

Райан

Очевидно, это случится сегодня ночью. Надеюсь, что для Данни это происходит не слишком стремительно. Чувствую себя словно подросток готовый к сексу в первый раз. Я встревожен и взволнован одновременно. И я не имею в виду сексуальное возбуждение, хотя уверен, что буду испытывать волнение. Я взволнован возможностью быть с Данни таким образом, потому что тогда она станет по-настоящему моей.

Данни открывает дверь в свою квартиру, и мы заходим. Она включает свет и кладет свою сумку на пол. Я стою на месте, засунув руки в карманы, наблюдая за ней. Она поворачивается, и я пристально смотрю на ее лицо — там заметно выражение волнения, и это заставляет меня сомневаться в том, что мы собираемся сделать сегодня вечером.

Я подхожу к ней и ласково провожу по щеке. Она судорожно вздыхает и робко улыбается мне.

— Райан... — шепчет она.

— Шшшш... мы не обязаны делать это сегодня вечером, — уверяю ее я.

Она слегка качает головой, прикрывая ненадолго глаза. Когда она открывает их снова, тревога исчезает и сменяется желанием. Это заставляет мое сердце пропустить удар, мое тело словно наливается сталью, становится твердым.

— Я собираюсь сказать, что хочу тебя, поэтому это пугает меня, — бормочет она, когда встает на носочки и запечатляет мягкий поцелуй на моих губах. Мои глаза закрываются, и я глубоко вздыхаю. Я сжимаю руки в кулаки, которые находятся на уровне бедер, в противном случае я схватил бы ее и перебросил через плечо, как пещерный человек. Дыхание вырывается из моей груди толчками...

Данни

Все мое тело дрожит от того, как Райан смотрит на меня прямо сейчас. Ни с чем несравнимое мягкое прикосновение к моему лицу, и уже смятение заполняет мои чувства. Я хочу этого так сильно, что меня пугает глубина моей нужды. Если бы я могла как можно ближе прижаться к его коже, я просто бы... мне просто нужно быть ближе к нему.

Райан кладет руки на мои бедра и притягивает меня ближе к себе. Мои руки поглаживают его широкую и твердую грудь, затем я сжимаю руками его рубашку. Он одет в светло-голубую рубашку спортивного типа, которая застегивается на кнопках и брюки, поскольку игроки должны носить строгую одежду в день игры. Его пиджак и галстук в его машине, брошенные как попало на заднем сиденье. Его тело опьяняет меня запахом пряного мыла, поэтому я прижимаюсь к его твердой груди и тяжело вдыхаю.

— Данни?

— Ммммм? — мои губы прижаты к его груди так, что я не могу выдавить из себя больше ни слова.

— Это твой первый раз?

Мои щеки становятся пунцовыми, когда я киваю.

— Неужели это так заметно?

Райан дотрагивается до моего подбородка и приподнимает его, чтобы я посмотрела на него.

— Конечно, нет. Я просто надеялся, что буду первым.

Мои губы растягиваются в улыбке, потому что взгляд, который он дарит мне, наполнен чувством собственности и вожделения.

— Это подходящее время, Райан. Я хочу, чтобы ты был моим первым... моим единственным.

Райан издает гортанный стон и прикивает к моим губам. Это требовательно и сладко одновременно. Выпрямившись, он смотрит на меня жадным взглядом, поглаживая пальцами мои губы.

— Я немного нервничаю. Мы будем двигаться медленно, потому что я не хочу сделать тебе больно.

Я качаю головой и хихикаю.

— Я двадцатиднолетняя девственница, которая занималась спортом большую часть своей жизни, гибкость мое второе я, так что сомневаюсь, что ты причинишь мне боль тем, что разорвешь немного моей девственной плевы.

Райан смеется, потом склоняется и дарит мимолетный поцелуй, прежде чем он отходит.

— Оставайся здесь, а затем приходи в свою комнату примерно через пять минут, ладно?

Я киваю головой. Он двигается через коридор, но потом оборачивается и смотрит на меня.

— А где Паула?

Я пожимаю плечами.

— Она сказала, что мы встретимся сегодня дома, но она решила быть деликатной, как мне кажется. Я думаю, она знает, что я планирую совратить тебя сегодня вечером.

— Это так?

— Да, так. Теперь поторопись... твои пять минут тикают.

Райан

Данни девственница, и она решила отдать этот священный дар мне. Это честь, и сейчас мне до смешного страшно. Я не хочу причинять ей боль и хочу убедиться, что к чертям собачьим, я доставлю ей удовольствие. Большая ответственность, но я справлюсь с этой задачей. Без преувеличений.

Я занят обстановкой ее комнаты. Включаю ее лампу с красным шарфом на ней и включаю остальное освещение. Я достаю свой Айфон и подключаю его к стерео. Пролистываю плейлист, наконец-то выбрав Джилл Скотт, и устанавливаю громкость достаточно тихо, чтобы мы могли просто слышать ритм. Размещая презервативы на тумбочке, я сажусь на край кровати и обхватываю голову руками. Я хочу, чтобы это так охрененно подходило для нее.

Данни

Я медленно открываю дверь, и мое дыхание перехватывает. Райан сидит на кровати, обхватив голову руками. Я боюсь, что он сожалеет об этом, но затем он смотрит на меня, и мои колени практически подкашиваются от тепла в его глазах. Они кажутся настолько лучезарными, словно новые блестящие монетки в мягком красном полусвете моей лампы.

Он протягивает ко мне руку, и я иду к нему. Райан обхватывает крепкими пальцами мое запястье и тянет меня вперед, пока я не останавливаюсь между его ног. Оставляя мягкий поцелуй на моей ладони, он убирает от меня руку и оборачивает ее вокруг талии, затем

кладет свою голову мне на грудь. Мои руки автоматически поднимаются вверх и оборачиваются вокруг его головы, крепко притягивая его ко мне.

Я не знаю, как долго мы будем так стоять, но настраиваюсь на наше общее дыхание, оно глубокое. Наконец, Райан отводит свою голову назад и смотрит на меня. Его волосы по-мальчишески ниспадают на лоб и лезут ему в глаза. Я пальцами убираю их так, чтобы я могла видеть его.

— Данни, я полностью и бесповоротно погряз в любви к тебе. Я просто... хочу, чтобы ты это знала.

Я улыбаюсь ему и чувствую, как на мои глаза набегают слезы.

— Я тоже, хорошо, что ты тоже осознал это.

Я произношу эти слова без колебаний, потому что осознание добивает меня окончательно — я безнадежно и полностью влюблена в Райана. И мне не важно, что мы знаем друг друга только неделю. Для меня нет сомнений. Возможно, позже я буду сожалеть, что это произошло так быстро, но я не жалею об этом сейчас.

Райан

Мою грудь буквально переполняют чувства, которые достигли своего апогея, сейчас я ощущаю, будто могу взорваться, и нас захлестнет лавина чувств. Данни любит меня? Данни любит меня! И осознание этого делает меня счастливее, чем в любой другой момент, который я могу вспомнить в своей жизни. Оу, я только могу сравнить это с теми чувствами, когда я стал частью команды Северо-Восточного, и даже это чувство меркнет по сравнению со словами Данни.

Стоя у кровати, я приподнимаю Данни так, что ее стройные ножки оборачиваются вокруг моей талии. Я поворачиваюсь и забираюсь на кровать на коленях, держа ее все еще в своих руках. Затем бережно опускаю ее на кровать, накрывая полностью тело Данни своим, покрывая ее тело беспорядочными поцелуями. Мои поцелуи становятся более настойчивыми, я прижимаю к ее коже, немного покусывая, а затем проводя языком сверху по месту укуса. Она тихо стонет, и ее пальцы впиваются в мои плечи. Мое желание находится на пределе, поэтому я немного спешно опускаюсь к ее нежному горлу, осыпая поцелуями ее кожу на ключице.

Данни поворачивает голову в сторону так, что ее губы слегка касаются моего уха, и шепчет с придыханием:

— Еще... — Ее пальцы сдавливают мою кожу сильнее.

Я придавливаю ее тело своим, прижимаюсь, чтобы ощутить ее горячее тепло, затем встаю на коленях. Обхватывая ее за затылок, я принуждаю ее приподняться и принять сидячее положение, затем рывком стягиваю ее футболку «Джерси» через голову. Ее тело и дерзкие грудки украшает кружевной лиф, который смотрится невероятно соблазнительно.

Пока я сжимаю ее затылок, не в силах оторвать взгляд от ее груди, Данни протягивает руку к моему телу и начинает неспешно расстегивать кнопки на моей рубашке.

Данни

Мои руки нервно трясутся от нестерпимого желания прикоснуться к твердой груди Райана. Я медленно расстегиваю кнопки в попытке стянуть как можно быстрее гребанную рубашку с его тела. Под ней его тело обтягивает обычная футболка... Я наклоняюсь вперед и оставляю поцелуй в центре его груди, мои губы пылают, объятые жаром, который словно

обжигает их через тонкий хлопок футболки.

Райан отстраняется и встает с кровати. Он ведет плечами, скидывая рубашку, и стаскивает футболку через голову. Затем он выпрямляется и спешно расстегивает пряжку ремня. Мое сердце замирает на долю секунды, перед тем как помчаться с бешеной скоростью. Райан практически обнажен передо мной. Я чувствую всепоглощающее желание и нестерпимый сексуальный голод. Смею ли я смотреть? Должна ли я отвести взгляд?

Я предпочитаю смотреть.

Райан смотрит в мои глаза, когда вытаскивает одним движением свой ремень. Он стягивает ботинки, носки. Прежде чем присоединиться ко мне, он аккуратно стягивает с меня туфли и носочки, проводя пальцем по ступням, лаская таким интимным прикосновением кожу. Мое тело покрывается мурашками, и я стараюсь сдержать легкий смешок. Он лукаво улыбается и выпрямляется.

И когда он начинает расстегивать свои брюки, его взгляд становится серьезным. Я тяжело сглатываю, но мой рот снова наполняется слюной. Мои глаза не могут насладиться его красотой, мой взор продолжает скользить все ниже и ниже, рассматривая прекрасное тело Райана. Это словно сон, он медленно обнажается для меня, и полагаю, что он самый красивый парень, которого я когда-либо видела. Его внутренний мир и внешняя красота находятся в гармонии. Он одновременно жесткий и ласковый, нежный и грубый. Твердые рельефы его тела идеально гармонируют с нежными изгибами его бицепсов, упругой задницей, мощными ногами, стройными бедрами и его линией плеч. Я хочу покрывать поцелуями каждую часть его тела, хочу дарить ему нежные прикосновения губ.

Я поднимаю взгляд на его лицо и вижу, как мышцы его челюсти немного подергиваются от огромного напряжения, когда он замечает, как я его рассматриваю, при этом он еще успеваает строить мне глазки... На моих губах появляется сексуальная ухмылочка, он дарит мне в ответ дерзкую улыбку и склоняется, расстегивая пуговицу на моих джинсах. Я не могу сдержаться, и мой взгляд впивается в его жесткий напряженный ствол, который в скором времени окажется во мне, чего я настолько бесстыдно желаю.

Райан

Моя кровь, словно бурный поток, проносится по моим венам, разжигая сильный пожар желаний, надеюсь, меня не хватит удар от настолько сильных чувств, когда взгляд Данни опускается от моих глаз, осматривая мои твердые мышцы груди, рельефный пресс, и затем она пристально смотрит на ту часть тела, что уже давно готова для нее и стоит по стойке «смирно». Я удивлен, что не кончаю только от того, как она смотрит на меня, поглощая взглядом каждую черточку моего тела. Я чувствую, как сбивается мое дыхание, будто от силы чувств Земля уходит из-под ног, прерывая привычный ход времени.

Я наклоняюсь к Данни и пытаюсь стянуть ее джинсы. Ее пирсинг в пупке отливает мягким мерцающим светом, и я аккуратно провожу вокруг него кончиком языка. Она выгибает спину от удовольствия, и я чувствую, как ее пальчики запутываются в моих волосах.

Стягивая ее обтягивающие джинсы по изящным ножкам, я замечаю потрясающие шелковые кружевные трусики, клянусь, в этот момент вся кровь устремляется к моему члену, и я становлюсь чертовски твердым. Когда ее джинсы наконец оказываются на полу, присоединяясь к остальной одежде, я неспешно поднимаюсь, оставляя нежные дорожки из поцелуев на ее теле. Она вновь проскальзывает пальчиками в мои волосы, и мы сливаемся в

страстном поцелуе снова и снова, стараясь насладиться моментом неспешной страсти. Но через долю секунды наш поцелуй становится яростнее, языки переплетаются, даря страсть и продлевая наслаждение. Я издаю стон, когда она приподнимает бедра и прижимается к моему члену, слегка потираясь ими о мою промежность.

Ее пальцы усиливают хватку в моих волосах, оттягивая их, и ногтями она впивается в кожу головы. Я даже думаю, что она вдавливая ногти настолько сильно, что может пойти кровь, но это не имеет значения. Я обожаю нежную и ласковую Данни, но сейчас я страстно желаю, чтобы та чертовка, что скрывается за маской ее нежности, наконец вырвалась наружу. Подстраиваясь под ритм, она двигает и потирается бедрами о мою плоть, затем издает стон, который я поглощаю страстным и ненасытным поцелуем.

— Ааахх... вот так — звучит ее нежный стон.

Я отклоняюсь назад и нежно прошу ее снять кружевной лиф. Она быстро исполняет мою просьбу без лишних вопросов, прожигая меня взглядом, наполненным водоворотом страсти и желания. Я поддеваю кромку ее кружевного нижнего белья и неспешно стягиваю его по ее бедрам, затем отбрасываю шелковый кусочек материи в сторону. Стоя на коленях между ее ног, я ничего не делаю, лишь с жадностью и нескрываемым желанием смотрю на ее тело. Я позволяю своему взгляду поглощать каждую черточку и мягкие изгибы ее стройного тела, пытаюсь запечатлеть в памяти красоту, которую я хочу покрыть поцелуями.

Я смотрю на ее пупок.

Да, думаю, я начну отсюда.

Данни

Райан наклоняется ко мне и у меня перехватывает дыхание, когда он целует мой живот. Он проводит своим языком вокруг моего пирсинга, и его пряди немного щекочут кожу. Я прохожусь пальцами по его волосам и делаю глубокий вдох.

Его язык начинает свою неспешную ласку от моего живота, устремляясь к бедрам. Он втягивает нежную кожу и слегка посасывает ее, отчего я вздрагиваю всем телом и задыхаюсь от переполняющих меня чувств. Движение его губ становится мягче, он плавно проводит языком по животу, словно пытается насладиться сливками, которые неспешно стекают по моей коже.

Райан спускается к самой чувственной части меня. Осыпая поцелуями внутреннюю часть моих бедер, впиваясь пальцами в мою попку, он приближается к самой сокровенной части моего тела, и я издаю хриплый вскрик, когда его язык касается моего клитора. В эту секунду мой самоконтроль разбивается на миллион осколков, обнажая истинное наслаждение.

Мое тело напоминает упругую спираль, которая в один момент может резким движением распрямиться, меня переполняет чувственное удовольствие, от которого я готова разрыдаться. Я уже близка к пику удовольствия, готовая распасться на яркие искорки. Я настолько погрязла в водовороте удовольствия, что не могу распознать, где касается его язык, а где ласкают его губы. Райан шепчет мне:

— Данни, кончи для меня. — И я, словно под гипнозом от его действий, делаю, как он говорит; ощущения сродни смелому шагу с высокого обрыва. Я больше не контролирую свое тело, отдаленно слышу звук своего голоса и, кажется, я выкрикиваю имя Райана, но толком не уверена. Мое тело трепещет от потрясающего удовольствия, которое невидимыми волнами исходит от меня. Все, что я могу понять на данный момент, так это то, что я только

что пережила самый удивительный опыт в своей жизни и убеждена, что я действительно кричала.

Райан

На вкус Данни слаще, чем я когда-либо мог мечтать, и я не могу представить ничего сексуальней, чем вид, когда она кончает. Я покрываю нежными поцелуями ее живот, а затем поднимаюсь вверх. Ее взгляд мягкий, мерцающий. Я протягиваю руку и хватаю презерватив, открывая обертку и отбрасывая ее в сторону. Перед тем как начать надевать его, Данни протягивает руку и тихо говорит:

— Позволь мне.

Она берет презерватив и отводит мои руки в сторону. Она впервые делает это, поэтому ее действия немного неловкие и неуклюжие, но мое сердце трепещет от осознания того, что она хочет сделать это. Когда Данни впервые прикасается ко мне, низкий гортанный звук вырывается из моей груди, и мой член немного дергается в ее нежных руках. Наконец она раскатывает презерватив по всей твердой длине, испещренной венами. Она ласкает меня рукой, поглаживая и немного сжимая, я погружаюсь в чистое удовольствие и прикрываю глаза.

Убирая ее руки, я удерживаю их одной рукой у нее над головой. Я располагаюсь между ее ног и прижимаю головку к сердцевине ее киски. Склоняюсь к ее истерзанным губам и шепчу:

— Я люблю тебя, — перед тем, как скользнуть языком в ее сладкий ротик. Она принимает мою страсть и шире разводит свои ножки в стороны. Я медленно и осторожно проскальзываю в нее, немного останавливаясь, чтобы дать ей время привыкнуть к моей длине, не разрывая поцелуя.

Ее дыхание выходит толчками из ее груди, и я опускаюсь губами к ее шее, прикикая в поцелуе. Ощущения настолько сильные, что я стискиваю зубы, затем отстраняю бедра и медленно толкаюсь снова, неспешно растягивая ее узкую киску. Я замираю, чтобы взглянуть на нее, и на ее лице читается выражение удовольствия.

— Ты в порядке?

Она кивает, ее белые зубки впиваются в нижнюю губу, и она прикрывает глаза.

И тогда мы неспешно начинаем двигаться в унисон.

Наши руки касаются кожи друг друга, как будто мы торопимся прикоснуться к каждой черточке тела. Моя голова движется на уровне ее груди, ее пальцы до боли стискивают мои плечи. Я двигаюсь быстрее, впечатываюсь более жесткими толчками, чувствуя жар, который зарождается у основания позвоночника; он будто пронзает тело. Я понимаю, что не продержусь долго.

— Данни, я хочу, чтобы ты кончила снова, — я задыхаюсь, продолжая жесткие толчки.

Она отвечает мне негромким всхлипом, а затем ее пальцы впиваются в мои плечи, и в этот момент я чувствую, как моя девочка кончает еще раз. В эту же секунду удовольствие сметает все преграды, и я взрываюсь внутри нее. На некоторое время взор затуманивается, я не могу ничего видеть. Чуть позже, когда все проясняется, я вижу красивое лицо Данни.

Моя похоть полностью испарилась, но мое сердце переполнено иными чувствами. Данни удовлетворенно и лениво проводит пальцами по губам и говорит:

— Это было восхитительно. — Я мягко смеюсь и прижимаю ее к своей груди, упиваясь ощущением ее нежной и бархатистой кожи на своей.

Данни

На следующее утро я выхожу из душа, наполненная блаженством после нашего секса. Заниматься сексом с Райаном это намного лучше, чем я себе представляла, и сейчас я, определенно, думаю, что есть около миллиона различных грязных штук, что я желаю сделать с ним. Черт возьми, только что я заставила покраснеть себя от своих же развратных мыслей и еще захихикать про себя.

После того, как натягиваю эластичные легинсы для йоги и футболку, я практически бегу на кухню.

Паула там и пьет кофе, прислонившись к столешнице. Она восхитительно выглядит в своих очках, с посвежевшим лицом и в розовой фланелевой пижаме с маленькими желтыми уточками.

Я начинаю прыгать вокруг нее и оставляю звонкий поцелуй на ее щеке.

— Доброе утро, моя любимая соседка.

Паула стонет.

— Ты трахалась прошлой ночью, не так ли?

Я ничего не говорю, пока наливаю себе чашку кофе и прислоняюсь к столу напротив нее. После того, как делаю небольшой глоток, произношу:

— Больше одного раза.

На лице Паулы медленно расплывается ухмылка.

— Тебе было хорошо?

— Оу. Ээ. Хмм. Это было чертовски удивительно. Я даже не догадывалась. Если бы я знала, я бы делала это все время.

Паула фыркает на меня.

— Нет, это не так, потому что, во-первых, ты не тот тип девушек, а во-вторых, это настолько удивительно, потому что вы до умопомрачения влюблены друг в друга.

— Серьезно?

— Серьезно. Поверь мне.

Я делаю еще глоток, а затем посылаю ей серьезный взгляд. Я хочу, чтобы она поняла, я не шучу сейчас.

— Он создан для меня, Паула. Он мой единственный.

Делая последний глоток, Паула ставит свою чашку в раковину. Она оборачивается и смотрит на меня, скрещивая руки на груди.

— Ты знаешь, я достаточно скептически, так что хочу сказать тебе, что это слишком молодой и идеалистический взгляд на эти отношения. Но... я на самом деле верю, что он может быть твоим единственным. Я рада за тебя, малыш. Ты заслуживаешь такой любви.

Я ставлю чашку вниз и заключаю Паулу в крепкие объятия.

— Я готова к этому, — шепчу я. — Я готова.

Мы обнимаем друг друга в течение нескольких секунд, затем отстраняемся. Паула начинает идти по коридору. Она спрашивает меня.

— Какие у тебя планы на сегодня? Вы с Райаном будете заниматься диким животным сексом?

— Нет. Ты в безопасности. Райан сказал, что вернется через несколько часов, чтобы

забрать меня на пикник.

Паула кашляет, но я вижу ее улыбку.

— Вот бл*дь, так сладко, что зубы сводит.

— Ну вот, ты должна мне две сигареты, — напоминаю я ей. — Одну за прошлый вечер и одну за сейчас.

Паула уходит на работу к тому времени, когда должен появиться Райан, чтобы забрать меня. Я уже вся подрагиваю от нетерпения и, должно быть, каждые тридцать секунд нетерпеливо смотрю на часы.

Сегодня не по сезону теплый для первой недели октября день, и я решаю надеть длинное макси-платье с легким кардиганом поверх. Я надеваю пару белых сандалий и заплетаю волосы в две длинные косички, которые спускаются по линии моей шеи и легко ложатся на спину.

Я открываю дверь, и Райан скользит своим взглядом вниз по моему телу. Я вижу, что он, определенно, доволен глубоким вырезом, в котором можно рассмотреть соблазнительную грудь. Он поднимает взгляд к моим глазам, и говорит:

— Эти косички выглядят горячо.

Он делает шаг вперед, притягивает меня к себе и крепко целует, вышибая воздух из моих легких. Его бедра прижимаются ко мне и его желание очевидно.

У меня есть два варианта. Первый, уверена, что смогу уговорить Райана, увести меня обратно в мою комнату и заняться со мной любовью, или я могу мечтать об этом весь день. Я решаю выбрать второй вариант.

Я разрываю поцелуй с Райаном и кружу пальчиком по кнопке на его джинсах.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, издавая сексуальное рычание.

— То, о чем я мечтала весь день.

Я слышу его резкий вдох и знаю, что он понимает, что я собираюсь сделать. Я заканчиваю расстегивать его джинсы и тяну их вниз по его бедрам, одновременно опускаясь на колени.

Райан слегка сжимает левой рукой мою шею, но я чувствую, его сомнение, когда он спрашивает:

— Данни... ты уверена?

Я не отвечаю, но показываю ему, что планирую сделать. Дыхание Райана со свистом вырывается сквозь стиснутые зубы, и его мощный член легко вздрагивает у моих губ. Райан крепко удерживает меня на месте и хрипло произносит голосом, искаженным от желания:

— Черт, Данни... пожалуйста, не останавливайся.

Я и не собираюсь останавливаться, особенно когда понимаю, что он подчиняется моему желанию и расслабляется. Мне кажется, что я делаю все верно, доставляя ему удовольствие, потому что Райан не может продержаться дольше ни секунды и кончает, громко выкрикивая мое имя.

Хмм... это может занять некоторое время, чтобы привыкнуть, но все до этого момента было сногшибательно. Я уже подумываю, когда могу сделать с ним это снова.

Райан тянет меня за плечи, принуждая встать, и дарит мне жаркий поцелуй. Я знаю, что он может почувствовать свой вкус на моих губах, и я в шоке, это выходит за рамки разумного, когда он это делает. Впрочем, его действия безумно возбуждают меня.

Наконец отстраняясь от моего поцелуя, Райан говорит:

— Поехали, пока ты не разрушила мои планы на пикник, ведь мне хочется увести тебя в твою спальню и оттрахать тебя до беспамятства

Я фыркаю и спешу по коридору, чтобы почистить зубы, прежде чем мы уедем.

В парке, в который привез меня Райан, достаточно многолюдно. Аккуратные зеленые газоны усеяны людьми, которые, как и мы, решили воспользоваться теплым бостонским днем. Наконец, мы находим свободное местечко, которое находится вдали от шума и суеты, а также многочисленных игроков в Американский футбол и Фрисби.

Райан и я ложимся рядом друг с другом на одеяло. Мы соприкасаемся только кончиками мизинцев, нежно переплетая их. Солнышко согревает нас теплыми и яркими лучами. У меня состояние близкое к эйфории, потому что в данный момент я чувствую себя влюбленной и сытой от прекрасного обеда на природе. И могу с уверенностью сказать, что это просто крышесносное ощущение.

Я опускаю голову на руку и смотрю на Райана, переворачивающегося в мою сторону. Пробегаю кончиками пальцев вдоль его челюсти, его губы растягиваются в улыбке, и он открывает глаза. Поворачивая голову на бок, он устраивает ее поудобнее на своем мощном бицепсе и пристально наблюдает за мной.

— Расскажи мне больше о своей семье. Ты непривычно молчалив о них, — говорю я.

Райан перехватывает мои пальцы, скользящие по его лицу, и целует кончики.

— Что ты хочешь узнать?

— Просто... все. Скажи мне то, что ты можешь сказать мне.

Он смотрит на меня искренне.

— Я хочу, чтобы ты знала обо мне все.

Я наклоняюсь и целую его в челюсть.

— Значит выкладывай.

Райан смеется.

— Ну, у меня не тот тип отношений с родителями, что был у тебя с твоими. Они холодны в плане проявления эмоций... почти, если можно так сказать, стерильны, ни тени чувств. В моей семье не принято проявлять слабости в виде чувств, дарить объятия. — Он замолкает на секунду. — Я думаю, именно поэтому я люблю прикасаться к тебе как можно чаще.

Мое сердце сжимается от боли, представляя мальчика, у которого не было объятий. Я клянусь себе, что буду обнимать его каждый день всю оставшуюся жизнь.

— У тебя есть братья или сестры?

Райан кивает.

— Моя младшая сестра, Эмили. Она ходит в старшую школу здесь, в Бостоне.

— Какая она? — мне кажется, мы сможем стать подружками, ходить по магазинам и иногда обедать.

— Она очень похожа на Энджелин. Избалованная, своевольная, наглая. Мы не очень близки. Моя мать имеет больше влияния на нее, чем кто-либо.

Ладно. Я исключу из списка обеда и встречи с такой несостоявшейся подружкой и его сестрой.

Я двигаюсь ближе к Райану и кладу голову на его грудь, оборачивая руку вокруг его талии.

— Мне жаль, что ты не знаешь, каково иметь любящую семью. Наверное, было трудно.

Он пожимает плечами.

— Пожалуй. Рядом со мной был мой дядя... я говорил тебе, он играл в НХЛ. Он единственный, кто приходит на все мои игры. Он тот, кто уговорил меня, поступить сюда.

— Я бы хотела когда-нибудь встретиться с ним, — бормочу я.

Райан сжимает меня.

— Я не могу дождаться, когда ты познакомишься с ним. Он будет восхищен тобой.

— Думаешь, я познакомлюсь с твоими родителями в ближайшее время. Я имею в виду, с моими ты уже знаком... это Паула и Сержант.

Райан отпускает меня и немного подталкивает назад так, что я могу видеть его лицо. Он проводит большим пальцем по моей скуле и у него грустное выражение лица.

— Данни... мои родители не захотят принять тебя. Мне так стыдно признать, что они будут судить тебя, потому что ты выглядишь не так, как они, и ты не имеешь столько же денег. Они даже не потрудятся сделать попытку увидеть все удивительные черты, которые я вижу в тебе. И мне так жаль, ведь они никогда не узнают, какая ты фантастически удивительная женщина.

Слова Райана причиняют мне боль, но не оттого, что они подумают обо мне, а потому, что они не в состоянии быть теми родителями, которыми должны были быть. Мне ненавистно, что его родители настолько черствы и идеалистичны, что готовы выбрать девушку для своего сына, принося в жертву его счастье.

— Ты заслуживаешь лучшего, чем это, Ри.

— Ри? Мне нравится. — Он нежно целует меня, потом садится на одеяло. Он нервничает, и я сажусь напротив него, слегка склоняя голову.

— Окажи мне услугу. Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

Я снисходительно улыбаюсь ему.

— Для тебя, что угодно.

Райан поворачивается спиной ко мне, запуская руку в сумку, которую он принес. Там был наш обед, упакованный вместе с бутылкой вина, которое мы пили несколько часов назад. Я не могу видеть, что он делает, но, когда он отстраняется от сумки и поворачивается ко мне, мое дыхание словно застывает в легких.

В его руках футляр для скрипки.

— Ты сыграешь для меня?

Я смотрю на него и его взгляд насторожен, потому что он знает, что я не хочу, чтобы он покупал что-либо для меня. Я складываю руки на коленях и смотрю на них вниз. Слезы застилают мои глаза, и все же мои пальцы зудят от желания взять инструмент.

— Прежде чем ты скажешь: «нет», Данни, пожалуйста, я знаю, что мне нужно отдать это тебе. Я хочу, чтобы ты была цельной, а ты не можешь стать такой до тех пор, пока не вернешь в свою жизнь музыку.

Ох, как же эти слова много значат для меня. Райан пытается сделать мою жизнь насыщенной эмоциями. Что я сделала, чтобы заслужить его? Я смотрю на него, и одинокая слезинка срывается с уголка глаза, скатываясь по щеке. Он вскидывает руку и легким касанием смахивает ее подушечкой пальца.

— Пожалуйста, позволь мне сделать это для тебя, — умоляет он.

Я протягиваю руку, и мои пальцы дрожат, когда я забираю у него чехол. Я аккуратно кладу его на одеяло и щелкаю застежками, чтобы открыть его. Внутри сверкающая скрипка «Баццини». Я слегка пробегаюсь пальцами по дереву и смотрю на него.

— Спасибо тебе, — шепчу я. — Она прекрасна.

— Сыграй мне, — мягко требует он.

Вынимая скрипку из футляра, я оцениваю соотношение ее размера и веса. Она странно ощущается в моих руках, и я чувствую непреодолимую грусть по скрипке, которую продала несколько месяцев назад, чтобы помочь оплатить медицинские расходы своей мамы. Она была моей с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет, и это было, словно потерять старого друга.

Я заглядываю внутрь и вижу небольшой камертон-дудку. Я беру скрипку и слегка дую на Ля первой октавы. Затем касаюсь соответствующей струны скрипки, и она звучит так же. Я повторяю это для каждой последующей струны, чтобы проверить, правильно ли настроен инструмент.

Смотря на Райана, я вижу, что он внимательно следит за мной. Он посылает мне подбадривающую улыбку.

Я беру инструмент и укладываю его под подбородком. Сжимаю смычок и провожу им по канифоли, затем быстро оцениваю тональность. Я многое забыла и мне неловко, но так и быть. Простые ноты выходят прекрасно, но только большой ценитель музыки сможет услышать разницу.

Сделав глубокий вдох, я закрываю глаза и начинаю играть концерт Моцарта для скрипки с оркестром № 5. Музыка въелась в меня, и ноты выходят ровнее и чище с каждой секундой. Я погружаюсь в звуки; в вибрацию, проходящую через мои руки; в струны, врезающиеся в мои пальцы, поскольку от отсутствия игры мои мозоли исчезли. Мое сердце наполняется музыкой, и я чувствую, как слезы текут из моих глаз, но я продолжаю играть. Я не хочу когда-нибудь снова останавливаться.

После того, как прошли минуты или часы, осознание внешнего мира врывается обратно в тот момент, когда я исполняю последние длинные ноты произведения. Я прерывисто выдыхаю и не спеша останавливаюсь. И тут слышу громкие аплодисменты, а мои глаза открываются. Несколько человек остановились поблизости и слушали, как я играю. Я посылаю им небольшую улыбку, а затем оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Райана.

В его глазах наблюдается легкий блеск и ясно, что он сильно взволнован. Я просто смотрю на этого невероятного мужчину, который дал мне то, чего я, честно говоря, уже и не думала, что когда-либо захочу снова. И тогда я бросаюсь к нему в объятия и целую его лицо, шепча:

— Я люблю тебя! — с каждым прикосновением своих губ. Он забирает скрипку из моих рук и отставляет ее в сторону. Толкая меня обратно вниз на одеяло, он прижимает меня своим сильным телом, ласково берет мое лицо в ладони...

— Спасибо тебе, — шепчу я.

— Не за что, — отвечает он и снова целует меня. Когда он отступает, ухмыляется мне. — Ты знаешь, это было действительно горячо. Как думаешь, я смогу заставить тебя сыграть для меня голой, пока ты будешь меня объезжать?

Я хохочу.

— Я думаю, что смогу это устроить.

Райан

Солнце проникает сквозь окно в мою комнату и мягко касается головы Данни, создавая впечатление, словно она носит нимб. Она так мило лежит там... на животе... делая задания по учебе. Она держит зубками карандаш и мило морщит лобик. Я сижу за столом, пытаюсь заставить себя заниматься, но это не работает. Продолжаю смотреть на нее, и понимаю, что полностью погряз в любви к ней.

Я улыбаюсь, потому что Данни вникает в изложенный материал. Ее хмурое выражение исчезает, и появляется милая ямочка на щеке. Она стирает что-то, написанное карандашом, и записывает другое вместо этого. Она выглядит чрезвычайно довольной собой.

Ох, да к черту эту учебу.

Я встаю со стула и подхожу к кровати. Данни глубоко задумалась и не обращает на меня никакого внимания.

Я это исправлю.

Быстро накрываю ее тело своим и слышу ее вздох перед тем, как она начинает хихикать.

Убирая ее длинные волосы назад, подальше от шеи, я слегка щекочу губами ее нежную кожу чуть ниже уха. Она вздрагивает в ответ и извивается подо мной.

— Тебе это нравится? — я тихо шепчу ей на ухо перед тем, как провести языком по ее ушку.

Данни издает низкий стон, и я в ответ прижимаюсь бедрами к ее попке так, что она может почувствовать всю силу моего желания.

— Райан... закрой дверь...

Я спрыгиваю с кровати, чтобы сделать, как она сказала, но как только я добираюсь до двери, она распахивается. Майк стоит там с дерьмовой улыбкой на лице. Я сердито смотрю на него.

— Надеюсь, я не помешал?

Данни смеется себе под нос, и я оглядываюсь на нее. Она перевернулась и отползла обратно, опираясь на спинку кровати и разместив голову на своих коленях, выглядя совершенно невинно. Я вздыхаю и шагаю назад, позволяя Майку войти, зная, что мне придется ждать, чтобы получить возможность взять Данни.

— Как дела, чувак? — спрашиваю я.

— Я с плохими новостями, приятель! Твоя мама находится внизу и хочет тебя видеть.

— Дерьмо!

Я провожу рукой по волосам, пребывая в крайнем расстройстве. Моя мама пыталась позвонить до меня в течение нескольких дней, но я сознательно игнорировал ее телефонные звонки. Я надеялся, что ей просто надоест, и она оставит меня в покое. Она возложила на себя миссию вернуть в мою жизнь Энджелин, что произойдет, могу вам с уверенностью сказать, не раньше, чем рак на горе свистнет, то есть — никогда!

Я подхожу к Данни, целую ее волосы и выдыхаю:

— Я скоро вернусь.

Майк говорит:

— Я составлю ей компанию, пока ты будешь противостоять в схватке коварному медведю гризли.

— Спасибо, чувак.

Я медленно тащусь вниз по лестнице, чувствуя, будто спускаюсь на встречу к своей смерти. У моей мамы есть способы заставлять меня чувствовать себя никчемным, один ее взгляд, и я чувствую себя ничтожеством. Мне придется набраться смелости, чтобы недвусмысленно объяснить ей, что я никогда не вернусь к Энджелин. На самом деле сейчас это столь же хорошее время, как и любое другое, чтобы сказать ей о Данни.

Когда я вхожу в фойе, мой гнев пылает. Энджелин стоит рядом с моей матерью. Они обе одеты в свои лучшие наряды. Шерсть, кашемир и жемчуг за тысячи долларов. Мы с Данни ходим в поношенных футболках и трениках каждый день.

— Мама, — произношу я, когда подхожу к ней, наклоняюсь и целую ее в щеку. — Что ты здесь делаешь?

Моя мама внимательно меня осматривает, а затем практически смеется.

— Если бы ты потрудился ответить на звонки или перезвонить мне, ты бы знал.

— Прости. Я был занят учебой и хоккеем.

Она не юлит, когда произносит:

— Это не все, чем ты был занят, насколько я слышала.

Я вижу наигранную вежливую улыбку Энджелин. Нет сомнения, что она забила голову матери всевозможной ерундой.

— Я взрослый человек, мама. То, чем я занят, не твое дело.

Похоже, что она собирается разнести меня в пух и прах за долю секунды, но потом что-то заставляет ее передумать и сменить намеченный план действий. Вместо этого она улыбается беззаботной улыбкой и отвечает:

— Я не собираюсь воевать с тобой, дорогой. Я пришла пригласить тебя на обед и предложила Энджелин присоединиться. Ну, разве не замечательно?

Моя ярость снова набирает обороты и грозит выплеснуться наружу. Что я должен сделать для этих двоих, чтобы они увидели, что я не хочу иметь ничего общего с Энджелин?

— Могу я поговорить с тобой наедине, мама? — я говорю сквозь зубы в попытке не разразиться на нее криком.

Она наклоняет свою голову ко мне, чтобы сообщить, что согласна, и я поворачиваюсь, чтобы пойти назад вверх по лестнице. Она следует беспрекословно.

Я открываю дверь в свою комнату, и Майк поднимает голову. Он играет на своей PSP приставке.

— Оставишь нас на минутку, Майк?

Он вскакивает с кровати и выходит из комнаты, пробормотав слова прощания моей матери. Я смотрю на Данни, и она выглядит, как олень, попавший в свет фар. Она начинает подниматься с кровати, но я выставляю перед собой ладонь, чтобы остановить ее.

— Пожалуйста, останься.

Я поворачиваюсь и отхожу в сторону так, чтобы моя мать могла войти. Она делает это, и я слышу ее резкий вздох, когда она видит, что Данни сидит на моей кровати. Данни встает, нервно обтирая руки о джинсы. Я ненавижу ставить ее в такое положение, но мне нужно, чтобы моя мать поняла, что Данни значит для меня.

Я иду туда, где стоит Данни, и обнимаю ее за талию. Нагибаясь, я оставляю легкий поцелуй на ее виске и чувствую, как она расслабляется.

— Мама. Это Даниэлла Кросс, но она предпочитает Данни. Данни, это моя мама, Силия Бёрнэм.

Данни протягивает свою руку моей матери, чтобы пожать ее, и правила хорошего тона диктуют, что моя мать должна ответить взаимностью.

— Очень приятно, миссис Бёрнэм.

Моя мать не отвечает, и Данни опускает свою руку. Вместо этого она смотрит на меня.

— Я думала, ты сказал, что мы собираемся поговорить наедине, Райан?

— Я сожалею, но то, что я хочу сказать, должно быть сказано при Данни, и я хочу, чтобы ты услышала меня, чтобы не возникло никаких недоразумений. Я с Данни. Она со мной. Мы любим друг друга... сильно, и нет ничего, что ты можешь сказать или сделать, чтобы изменить это. Я прошу тебя... — Я замолкаю и делаю глубокий вдох. — Нет... я умоляю тебя: Пожалуйста, прими это и на этот раз позволь мне быть счастливым с кем-то по собственному выбору.

Всего на долю секунды, мне кажется, будто я вижу что-то вроде понимания появляющееся на ее лице, но затем оно исчезает. Ее маска надменности и холодности возвращается на место.

И тогда она на самом деле смеется.

— Райан... не глупи. Ты же не думаешь, что у тебя есть что-то, что оправдывает долгосрочные отношения с этой девушкой.

Я чувствую, как напрягается рядом со мной Данни, и сжимаю ее талию для подстраховки.

— Мама, я не просто думаю, я знаю это. Сейчас, ты можешь либо порадоваться за меня, либо нет, но я с Данни и ничто не изменит этого.

Мамины губы сжимаются в тонкую линию, и дальнейшие ее слова заставляют кровь в жилах застыть, словно превращая ее в лед.

— Райан Бёрнэм... у тебя есть обязательства перед своей семьей, и я не собираюсь стоять в стороне, когда ты выкидываешь то, что может стать очень перспективным будущим, из-за какой-то второсортной официантки. Теперь скажи мне, что ты понимаешь, о чем я говорю, чтобы мы смогли покончить с этой глупостью.

Я делаю глубокий вдох и молюсь, чтобы у меня хватило терпения на этот глупый разговор. Я смотрю на маму. Ее прекрасное лицо искажается в неприятном выражении, плюс то, как она надменно разговаривает с нами сейчас, во сто крат ухудшает ситуацию. Я выдыхаю и тщательно подбираю слова, чтобы до нее наконец дошло то, что я пытаюсь ей сказать.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. — Я наблюдаю, как она заметно расслабляется. — Но не принимаю то, что ты говоришь. Мы явно в тупике до тех пор, пока ты не сможешь принять, что Данни со мной, нам нечего больше обсуждать. Я бы хотел, чтобы ты сейчас ушла.

Данни судорожно выдыхает рядом со мной, и я сжимаю ее снова, чтобы она почувствовала мою поддержку.

Моя мама поворачивается, чтобы уйти, но перед этим ее холодные глаза останавливаются на Данни.

— Я надеюсь, что ты довольна собой, ты, маленькая шлюха-золотоискательница. Тебе удалось оттолкнуть Райана от всей его семьи.

Данни почти оседает напротив меня, но я крепко ее держу.

— Прощай, мама. — Я настроен решительно.

Она оборачивается ко мне, бросая прощальный взгляд и захлопывая за собой дверь.

Я сразу возвращаю внимание к Данни и сильнее прижимаю ее к себе. Она дрожит, я поглаживаю ее по спине, чтобы успокоить. Я слышу, как открывается дверь в мою комнату и думаю, что входит Майк. Я поворачиваюсь, чтобы попросить его дать мне еще несколько минут, но возмущен увидев Энджелин, находящуюся здесь.

— Какого хрена тебе нужно? — рычу я, и Данни поворачивает голову, чтобы увидеть Энджелин, стоящую в дверях. Она вырывается из моих рук и подходит к окну, отворачиваясь от нас. Я думаю, она видела все, что хотела.

Я поворачиваюсь спиной к Энджелин, этим жестом я даю ей недвусмысленно понять, чтобы она оставила нас, но она просто смотрит на меня.

— Как ты мог так поступить со своей мамой, Райан? Выбирая, что-...

Я не позволяю ей закончить предложение, бросаюсь к ней и хватаю ее за руку, вероятно, немного более грубо, чем намеревался, но я хочу прекратить это, пока эти ужасные слова не произнесены. Я толкаю ее за дверь и захлопываю перед ее лицом. Привалившись к косяку, я слышу, как Энджелин топает вниз по лестнице. Я потираю переносицу, чувствуя огромное напряжение, от которого начинает болеть голова.

И тут я ощущаю мягкие руки Данни на своем лице. Она смотрит на меня с таким состраданием, что на долю секунды я хочу просто сломаться и плакать как ребенок. Вместо этого я хватаю ее за голову и целую, пусть все катится к черту. Притягиваю ее ближе к себе, резко разворачиваю и впечатываю в дверь. Мы прижимаемся друг к другу, я резким движением вскидываю ее руки вверх и прислоняю к двери. Я тщательно вкладываю в поцелуй весь пыл, чтобы убедиться, что она действительно моя. Я в ужасе, что она может покинуть меня, лишь бы избавиться от моей долбанутой семейки.

Утыкаясь лицом в ее шею, я прошу ее:

— Мне нужно трахнуть тебя, Данни... пожалуйста... позволь мне...

Она не стесняется, когда поглаживает мой твердый член под материалом штанов.

— Я тоже нуждаюсь в тебе, Райан. Теперь запри дверь.

Мы с Данни лежим на кровати, наша кожа скользкая от пота. Мы лежим на боку, и я прижимаюсь к ее спине. Мой пульс наконец-то нормализовался, после, должно быть, самого дикого и жесткого секса в моей жизни, и теперь я полон сожаления.

— Я сожалею, что был таким грубым, — говорю я, поглаживая ее руку.

Данни быстро переворачивается и прикладывает пальцы к моим губам.

— Ну уж нет, не надо, мистер. Это был невероятно потрясающий секс, и ты не должен чувствовать себя плохо из-за этого. На самом деле, я настаиваю, чтобы мы делали это чаще.

Я выпускаю огромный вздох облегчения и улыбаюсь ей.

— Слава Богу! Я посчитал, что это слишком жестко для тебя, но рад, что тебе понравилось. Я не уверен, что действительно знал, что делаю.

Она издает низкий хриплый смешок, который проходит волной похоти через мое тело.

— Оу, ты определенно знал, что делаешь. И это было чертовски фантастическим.

Я обнимаю ее, сжимая в собственнических объятиях.

— Я так люблю тебя, Данни. Пожалуйста, никогда не оставляй меня.

Она молчит с минуту, но потом произносит тихим голосом:

— Мне всегда страшно, что ты бросишь меня. Что в один прекрасный день я не буду достаточно хороша для тебя.

В необходимости заглушить ее сомнения, я наклоняюсь над ней и глубоко ее целую.

Она отвечает, и наши руки изучают тела друг друга, претендуя... ставя клеймо. Я снова занимаюсь с ней любовью, на этот раз медленно, шепча обо всех своих чувствах к ней все это время, убеждаясь, что она понимает, что мои мечты о будущем могут осуществиться, только если она на моей стороне.

Когда Данни наконец почти проваливается в сон, она шепчет мне, что тоже меня любит.

Данни

Сегодня суббота, и я отпахала две смены в «Салли». Я так устала, и мои ноги, буквально говоря, убивают меня. Сегодня вечером я должна была пойти на вечеринку с Райаном, но отказалась, сказав ему провести время в мужской компании со своими друзьями. Вечер релакса с хорошей книгой — это то, что мне нужно.

Уже почти 11:00 часов вечера, когда я заканчиваю свою смену. Я уже готова выйти за дверь, когда получаю смс. Это от Райана.

«На вечеринку не пойду. Болею. Только что проснулся. Думаю, пищевое отравление. Можешь приехать ко мне?»

Я не колеблюсь, отправляя ответ достаточно быстро.

«Конечно. Буду через тридцать минут с легким бульоном».

Я возвращаюсь на кухню и заказываю куриный суп с лапшой и сухариками, чтобы взять с собой. Я записываю покупку на свой счет и выхожу за дверь, направляясь в общагу Райана.

Когда я примерно в квартале от его дома, вспоминаю, что Райан должен был встретить Майка на вечеринке. Подумав, что Райан, возможно, был слишком болен, чтобы предупредить Майка что происходит, я молниеносно быстро пишу Майку, чтобы тот знал, почему Райан не пришел.

«Райан написал мне, что болен. Он не пойдет на вечеринку. Я сейчас на пути к нему. Я позабочусь о нем.:)»

Я нажимаю «отправить» и поднимаюсь вверх по ступенькам. Входная дверь открыта, как обычно бывает. Осматриваясь, я не вижу никого вокруг. Они все, наверное, на вечеринке. Я поднимаюсь по ступенькам в комнату Райана и открываю дверь.

Комната пуста, и я смотрю по сторонам в растерянности. Его кровать идеально застелена, что не имеет никакого смысла. Я подхожу к ней и вижу его Айфон на тумбочке. Ставлю суп, беру его телефон и включаю. Там его смс для меня и мои ответы. Может быть, он в ванной.

Мой телефон звонит, и я вижу смс от Майка.

«Райан рядом со мной. Ты в порядке?»

Мерзкое чувство скручивается в желудке, и прежде чем я могу ответить, что-то твердое обрушивается на мой затылок. Я падаю на кровать Райана, и мое зрение затуманивается. Кто-то хватает меня сзади за волосы, наматывая их на кулак, и толкает меня лицом вниз на матрас, затем накидывает наволочку на мою голову, крепко стягивая ее на шее, и вот теперь я точно начинаю не по-детски паниковать. Я пытаюсь кричать, но из меня выходят лишь приглушенные хрипы. Я делаю глубокий вдох и попробую еще раз, и из горла вырывается довольно громкий вскрик.

Я получаю еще один удар в голову, на этот раз он попадает по моему лицу и задевает край глаза и скулы. Боль и страх за мою жизнь проходят сквозь меня мощной волной. Я дрожу от ударов, сыплющихся на мою голову, задыхаюсь от наволочки, плотно натянутой на мое лицо, и веса незнакомого мудака, что придавливает меня своим телом.

И тогда мои худшие кошмары сбываются. Тот, кто сидит на моей спине достигает промежности и расстегивает мои джинсы быстрее, чем я успеваю закричать. Я начинаю бороться с ним всеми своими силами, но мой насильник ладонью сдавливает мою шею,

вдавливая мое лицо в матрас. Я не могу дышать и понимаю, что скоро потеряю сознание.

Я ощущаю, что мои джинсы и нижнее белье грубо сдергивают вниз по ногам, и холодный воздух опаляет мою промежность. Я начинаю бороться снова, пытаюсь освободиться, и атакующий меня сильнее толкает мое лицо в матрас и произносит:

— Не крутись, сука, и я сделаю это быстро.

В ужасе я начинаю плакать, я устаю от борьбы. Слабо размахиваю своими ногами, но он только смеется над моими тщетными усилиями. Я чувствую его руки, достигающие промежутка между моими бедрами, и начинаю безудержно рыдать.

А потом он просто исчезает, его нет на мне... как будто его мощным толчком отбросили с моего тела. Я слышу смех, и кричащего в ярости Райана:

— Слезь с нее на хрен. — Что-то врезается в противоположную стену.

Я карабкаюсь, чтобы подтянуть свои джинсы и рывком стягиваю наволочку со своей головы. Райан сидит верхом на парне... я не могу сказать кто это. Райан сильно бьет его по лицу снова и снова. Капли крови, слюни от силы удара летят брызгами в разные стороны, замечаю, что лицо похоже на кровавое месиво. Я застываю на месте, наблюдая, как Райан бьет человека снова и снова.

Слышится топот ног, поднимающихся по лестнице, и Майк возникает в проеме. Он смотрит на меня, оценивая ситуацию и бормочет:

— Черт. — Он смотрит на Райана и просто наблюдает за тем, как он все сильнее избивает насильника. Я слышу треск костей, и когда Райан вскидывает руку для нового удара, я замечаю отвратительное зрелище — нос на лице гребаного подонка сломан, а все лицо в крови, глаза заплыли, губы разбиты.

Наконец, Майк выходит из ступора и кидается вперед в попытке оттащить Райана. Райан оборачивается на Майка, ярость превращает его красивое лицо в бесчувственную и непроницаемую маску ненависти и гнева, ярость застигает его рассудок. Он выплевывает в ответ:

— Пошел, бл*дь, на хрен от меня, — и продолжает избивать парня, который сейчас без сознания.

— Райан, ты убьешь парня, если не остановишься.

Он не слушает, и его ярость не уменьшается. Я начинаю плакать, чувствуя странное удовлетворение от разворачивающейся предо мной сцены. В глубине души мне приятно, что Райан отомстил за меня — за то, что этот гребанный ублюдок попытался сделать мне больно.

Майк кричит и пытается оттащить Райана снова.

— Райан... ты хочешь сесть в тюрьму? Слезь с него. Он без сознания.

Слова Майка не делают ничего, чтобы повлиять на Райана, но когда он произносит слово «тюрьма» это заставляет меня очнуться. Я не могу позволить Райану сесть в тюрьму из-за меня.

Я спрыгиваю с кровати и пересекаю комнату в два шага, оказываясь в поле его зрения.

— Райан, — говорю я тихо. — Пожалуйста, остановись.

Мне нравится, что Райан останавливается и встает с парня. Он резко выдыхает, его руки покрыты кровью. Больше всего кровь забрызгала его рубашку. Он прекращает свои действия, и его взгляд останавливается на мне. Он вглядывается в мое лицо и дрожащей рукой нежно прикасается там, где начинает опухать моя щека. Но когда он видит кровь, стекающую по всей его руке, он отводит ее обратно в свою сторону.

Он выглядит потерянным, и мое сердце разрывается. Я подхожу к нему и кладу голову на его грудь, оборачиваю свои руки вокруг его талии и крепко его сжимаю. Сначала он не реагирует, и я начинаю паниковать. Но затем его руки оборачиваются вокруг меня, и он утыкается лицом мне в шею. Я чувствую, как он начинает вздрагивать, но потом он резко отстраняется назад.

— Ты в порядке?

Я киваю на грани потери сознания.

— Он сделал...?

— Нет! Он не успел. Он только дотронулся до меня.

О Господи, он прикоснулся ко мне. Чувствуя, как желчь поднимается вверх по моему горлу, я бросаюсь к мусорной корзине. Я успеваю, и меня рвет до тех пор, пока больше ничего не остается. Я смутно ощущаю Райана, укачивающего меня на коленях, глядящего мои волосы, повторяющего мне, что все будет хорошо.

Здесь полиция и служба спасения. Они забрали нападавшего. Оказалось, это был товарищ по команде Райана, Риз Мэлоун. Он оказался без сознания и сильно избит. Я в ужасе, что он мог умереть и у Райана могли бы быть серьезные неприятности.

Райан и я, мы оба сидим в задней части машины скорой помощи. Фельдшер скорой помощи делает перевязку руки Райана, а другой проверяет повреждения. Через задние дверцы я вижу огромное скопление людей. Райан тянет руку через пространство и переплетает свои пальцы с моими. Я сжимаю его в ответ.

Медсестра задает мне вопросы, и я стараюсь сосредоточиться. Она спрашивает, не нужно ли мне сдать анализы на изнасилование, и я чувствую, как дрожит моя нижняя губа, когда качаю головой.

— Нет. — Она спрашивает о моих травмах, и я говорю ей о том, что чувствую головокружение и тошноту. Она опасается, что, возможно, у меня черепно-мозговая травма и хочет, чтобы я поехала в больницу провериться. Она говорит, что им необходимо зафиксировать мои физические повреждения для возбуждения уголовного дела.

Я в панике смотрю на Райана, и он ласково гладит своим пальцем мою руку.

— Все будет хорошо, Данни. Мы должны отвезти тебя в больницу, чтобы сделали необходимые анализы и осмотр

Я киваю, доверяя Райану.

В больнице меня принимают довольно быстро и отправляют на компьютерную томографию головного мозга. Потом меня размещают в комнате, где ожидает Райан, и я заползаю к нему на колени, чтобы он смог поддерживать меня. Чертовски удручающая атмосфера. Стены грязно-серого цвета и покрыты старыми плакатами с изображением различных видов травм. От запаха антисептика у меня кружится голова.

Пока нас ждет врач, приходит полицейский, чтобы забрать мое заявление, и он фотографирует мои повреждения. Видимо есть длинная царапина по всей нижней части моей спины, о которой я не помню, — когда он добирается до нее, то делает несколько фотографий. Я чувствую, что оказалась в неловком положении — ощущение унижения заполняет меня.

Перед отъездом он говорит нам, что должен изъять сотовый телефон Райана, чтобы получить доказательства, что Риз использовал его, чтобы заманить меня в общагу, выдавая себя за Райана, который писал мне, что был болен.

— Я забыл взять свой телефон с собой на вечеринку, — бормочет Райан. — Слава Богу, ты написала Майку. Иначе... я бы не знал, что ты попала в беду. — Я с содроганием думаю о том, что случилось бы, если бы я не отправила смс, и Райан обнимает меня крепче.

Как только один полицейский уходит, приходит другой.

— Она уже дала показания, — рычит Райан. — Вы можете оставить ее в покое?

Офицер смотрит на меня с сочувствием, но затем обращает тяжелый взгляд на Райана.

— Я здесь не для того, чтобы принять ее заявление. Я здесь, чтобы поместить вас под арест за нападение и нанесение побоев.

— Что?! — я визжу слишком громко и спрыгиваю с коленей Райана. — Он защищал меня. Вы должны арестовать то животное, которое напало на меня.

— Мэм. Вам нужно успокоиться. Мы собираемся выдвинуть обвинение против мистера Мэлоуна, но он требует, чтобы мы выдвинули обвинение против мистера Бёрнэма.

— Это несправедливо, — шепчу я, и слезы начинают течь снова. Райан сгребает меня в охапку и целует в лоб. Он спрашивает офицера:

— Можете ли вы подождать, пока она хотя бы увидится с врачом, чтобы я мог быть там с ней?

Коп смотрит на нас, а потом вздыхает.

— Конечно. Я подожду вас снаружи.

Прежде чем уйти, он оборачивается и смотрит на нас.

— Чего бы это ни стоило, если бы это были моя жена или моя дочь, я бы сделал именно то, что сделали вы, мистер Бёрнэм.

Райан кивает полицейскому, который уходит и тихо закрывает за собой дверь. Потом он поднимает меня и усаживает обратно, укачивая на своих коленях.

— Все будет хорошо, Данни. Пожалуйста, не волнуйся.

Я вцепляюсь в его рубашку и лежу головой на сгибе его шеи.

— Как я могу не волноваться? Ты арестован.

— Шшшш, — говорит он. — Просто закрой глаза, пока не пришел доктор.

Я делаю, как он просит и таю, когда Райан начинает напевать песню для меня. Я не узнаю ее сначала, но потом понимаю, что это песня Джона Леннона «Imagine...», которая является одной из моих самых любимых песен. Я совершенно теряюсь в Райане, и пусть он поет для меня, чтобы убрать все мои страхи.

В конце концов прибывает Сержант. Я позвонила Пауле на работу, и она попыталась найти кого-то, кто сможет взять ее смену, чтобы она могла приехать ко мне. Сержант был моим следующим звонком сразу после Паулы. Он обнимает меня, а затем переходит на Райана, сжимая его в медвежьих объятиях, благодаря его за мое спасение.

Наконец-то приходит доктор и отпускает меня. Он говорит, что моя компьютерная томография отрицательна, и что я отделалась легким испугом.

После того как он уходит, я поворачиваюсь к Райану. Слова, что я хочу сказать, застревают в пересохшем горле. Он просит мой телефон, и я передаю его ему. Он вводит что-то в мои контакты и вручает его мне обратно.

— Пожалуйста, позвони моему дяде сегодня вечером, — говорит он. — Я подписал его как Джим Торн. Он знает кто ты. Расскажи ему что случилось и спроси, сможет ли он нанять для меня адвоката. Попроси его не звонить моим родителям. Мне не хочется иметь с ними дело.

Я киваю, потом крепко его обнимаю.

— Я люблю тебя. Больше всего на свете.

— Я тоже тебя люблю. — Он отстраняется и целует меня в висок. — Не волнуйся. Я обещаю, все будет хорошо.

Я начинаю идти с ним к двери, но он отрицательно качает головой.

— Я не хочу, чтобы ты видела, как меня арестуют.

Я киваю, слезы струятся по моему лицу, и дверь закрывается за его спиной. Сержант берет меня в охапку и снова обнимает меня.

Райан

Слушание моего дела назначено на следующий день после моего ареста. Дядя Джим принес мне один из моих костюмов, чтобы я переоделся, они с Данни сидят позади меня. Я оборачиваюсь к ней и посылаю ей ободряющую улыбку. Она улыбается в ответ, и я шепчу губами:

— Я люблю тебя.

Дядя Джим нанял мне хорошего адвоката, и он подготовил меня к тому, что судья, вероятно, не предъявит мне обвинение прямо сейчас, но я должен быть в состоянии без проблем внести залог. Это устраивает меня.

Я знаю, что должен бояться перспективы получить обвинительный приговор, но не боюсь. И не жалею, что избил это дерьмо так, как я это сделал. Я сделаю это снова, если он только посмотрит на Данни. Единственное утешение, что у меня сейчас есть, заключается в том, что он находится в тюрьме за попытку изнасилования и, скорее всего, его не выпустят под залог.

Слушание проходит быстро. Я стою, когда судья зачитывает обвинение против меня и спрашивает, раскаиваюсь ли я. Я хочу сказать: «Я сделал бы все это снова, Ваша честь», но вместо этого говорю:

— Мне жаль, — как мой адвокат велел мне сказать.

Устанавливается залог в десять тысяч долларов, который легко оплачивается, и тогда слушание заканчивается.

Мой адвокат говорит дяде Джиму и Данни, что он пройдет со мной через процесс внесения залога и меня выпустят, и что мы встретим их на крыльце здания суда.

Я выхожу из здания суда и тут же ослабляю галстук вокруг своего горла. Мне всегда было тесно в них. Я оглядываюсь вокруг в поисках Данни и дяди Джима и когда нахожу их, моя кровь начинает кипеть. Моя мать стоит там, она и дядя Джим спорят. Данни выглядит мертвенно-бледной

Я останавливаюсь за ними и как только подхожу к своей матери, слышу, как она говорит:

— Ну, он бы так не вляпался, если бы не она. Девочки, как она, притягивают на себя всю мерзость.

— Силия! — мой дядя произносит с предупреждением. — Достаточно.

Я протискиваюсь мимо своей матери, собираюсь обнять Данни. Я обнимаю ее и целую в лоб. Отступаю назад и осматриваю ее. Она отвечает мне неуверенной улыбкой.

Обращаясь к своей матери, я говорю слова, которые должен был сказать.

— Мама, то, что ты сказала сейчас... ты произнесла последние обидные слова о Данни, которые я еще могу вытерпеть. Я заканчиваю эти тупые разговоры, которые не приносят никакого толку. Поэтому теперь не пытайся связаться со мной и не ищи встреч. На самом деле, как насчет того, чтобы просто притвориться, будто я никогда не существовал.

Данни и моя мать, обе, ахают вслух.

— Райан, — моя мать умоляет. — Ты же не имел в виду то, что ты сейчас сказал. Ты не можешь выбрать ее, вместо своей семьи.

Я чувствую, как вздрагивает в моих руках Данни от этих слов. Я равнодушно смотрю на свою мать.

— Слушай внимательно, мама, потому что я имел в виду именно то, что сказал. Я выбираю любовь. Я выбираю кого-то, кто любит меня безоговорочно, несмотря ни на что. Это все просто, как дважды два, прими это мама.

Я поворачиваюсь и ухожу, утягивая Данни вместе с собой. Я слышу, как плачет моя мать, и слышу, как говорит дядя Джим:

— Ты сама во всем виновата, Силия.

Мы подходим к моему «Рендж Роверу», который Данни пригнала сюда сегодня. Она вручает мне ключи, и я открываю дверь, чтобы впустить ее внутрь. Прежде чем она садится, я останавливаю ее, и она смотрит на меня. У нее фиолетовый синяк на правой скуле. Я нежно прохожусь пальцами по нему. Она закрывает глаза от удовольствия.

Я глажу пальцами ее волосы и немного отодвигаю их назад. Она нужна мне так сильно. Мне нужно знать, что ничего из этого не пугает ее, не отстраняет от меня. Притягивая ее лицо к своему, я прикасаюсь своими губами к ее. Она вздыхает около меня и позволяет себе пойти дальше, сплетаясь своим языком с моим. Я понимаю, что не потерял ее.

Мы лежим с Данни на кровати, обнаженные и полностью пресыщенные. Я лежу на спине, а она на мне сверху, ее голова на моей груди. Я поглаживаю ее волосы и спину, ощущая их шелковистость под моей ладонью.

Наше занятие любовью было медленным и нежным. Когда мы добрались до ее квартиры, первыми словами Данни были:

— Прикоснись ко мне, пожалуйста. Заставь меня забыть.

И я это сделал.

— О чем ты думаешь? — спрашивает меня Данни.

— На самом деле я думаю о музыке. Ты можешь вернуться в Джульярд?

Данни молчит, но затем мягко отвечает:

— Думаю да. Мое прослушивание прошло действительно хорошо. И я отказалась от стипендии по серьезным причинам, поэтому у меня не должны возникнуть проблемы.

— Я думаю, ты должна восстановиться.

Ее тело в моих руках напрягается, и она продолжает рисовать пальцами на моей груди ленивые круги.

— Я не могу себе это позволить прямо сейчас.

Я сажусь и стягиваю ее с себя. Удерживая ее за плечи, я произношу:

— Тогда позволь мне помочь тебе.

Данни в несогласии качает головой.

— Почему нет? — требую я.

Мой тон суров, и я никогда не говорил с ней так раньше. Она теряется всего на мгновение, прежде чем ее глаза вспыхивают ярким оттенком изумруда, смотря на меня с гневом.

— Потому что я не какая-нибудь шлюха, которая принимает подарки в обмен на секс. Мне уже хватило твоих друзей, которые меня так называют... я не нуждаюсь в большем.

Мой рот открывается в изумлении.

— Это то, что ты думаешь, я делаю? Плачу тебе за секс?

Она ничего не говорит, но не поднимает глаз. Я мягко беру ее за подбородок и

заставляю встретиться со мной взглядом.

— Данни... я люблю тебя. Я хочу помочь тебе осуществить свою мечту. Это то, что любящие люди делают друг для друга.

Данни сдувается прямо передо мной и ползет ко мне на коленях.

— Я знаю, и мне жаль, что я веду себя как стерва, говоря так. Это так странно для меня. И я помню, что обо мне думают другие. Твоя мама считает меня шлюхой-золотоискательницей, помнишь?

Я замолкаю на минуту, пока неторопливо и успокаивающе поглаживаю ее волосы. Тогда я иду на риск.

— Ты бы чувствовала себя иначе, если бы мы были женаты?

Она откидывает голову назад так сильно, что ударяется затылком о мой подбородок.

— Ой, — выдавливает она неловко.

Я начинаю хохотать и потираю подбородок, хотя по ощущениям это похоже не удар металлической трубой.

Прижимаясь спиной к моей груди, она тихо говорит:

— Не шути о таких вещах. Это не смешно.

— Кто сказал, что я шучу?

Она отклоняется назад, чтобы посмотреть на меня еще раз, более внимательно, чтобы убедиться, что я не повредился головой, что не сошел с ума от того, что с ней произошло ранее. Ее глаза широко открыты и в них плещется недоверчивость.

— Райан, мы знаем друг друга, можно сказать, пару секунд. Как ты можешь даже думать о браке?

Притягивая руку Данни к себе, я смотрю ей прямо в глаза.

— Я думаю так, потому что я знаю, Данни. Ты моя единственная и только ты. Как и я твой. Ты знаешь, что это правда.

Она улыбается, а затем целует меня. Она пытается отвлечь меня, но я не собираюсь позволить этому произойти. Я буду просто продолжать работать над ней, пока она либо согласится на мое предложение помочь ей с учебой, либо согласится выйти за меня замуж, и тогда все деньги будут также принадлежать ей.

Сейчас Данни толкает меня обратно на кровать и седлает меня. Когда она возвышается, я теряюсь в совершенстве, что нависает надо мной. Мы будем обсуждать учебу и брак позже.

На следующее утро я встаю пораньше и готовлю завтрак Данни, пока она спит. Сегодня у нас большой день, потому что Мэлоуну предъявят обвинение, и она хочет присутствовать. И нет никакого варианта, что я отпущу ее одну в зал суда.

Мне нужно сходить к тренеру и объяснить все. Учитывая обвинение уголовного кодекса, выдвинутое против меня, я полностью готов потерять свое место капитана. Черт возьми, возможно, меня вышвырнут из команды. Но опять же, я до сих пор не испытываю ни единого сожаления о том, что сделал.

Я поджариваю блинчики, когда входит Паула. Ее волосы торчат во все стороны, и она потирает глаза.

— Доброе утро, — бормочет она. — Данни все еще спит?

— Доброе утро, солнышко. Сколько блинов ты хочешь? И да, «Спящая красавица» все еще... ну... спит.

Паула показывает два пальца, чтобы отобразить свое желание о блинах и наливает себе

чашку кофе.

— Как она себя чувствует? — спрашивает она тихо.

— С ней все в порядке. Ее лицо немного болит, но она держится молодцом.

Я складываю блины для Паулы на тарелку и выключаю плиту.

— Могу я спросить кое-что?

Паула смотрит на меня, затем набивает вилкой полный рот блинами и кивает.

— Я предложил помочь Данни вернуться в Джульярд, но она мне отказала. Поэтому я предложил ей пожениться, и она посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Какого черта я делаю не так?

Паула смотрит на меня так, будто я самый большой тупица на земле. Она проглатывает свою еду и отхлебывает кофе.

— Серьезно, Райан. Ты такой дурак!

Видишь, что я тебе говорил?

— Что не так в моем желании помочь осуществить ее мечту? — я несущу вздор, но ничего не могу поделать. Я не понимаю, как могу быть не прав.

— Слушай сюда и вникай. Я собираюсь дать тебе самый лучший совет, который ты когда-либо слышал. — Она делает паузу для драматического эффекта, а потом говорит: — Подожди.

Я ожидаю получить одну из жемчужин мудрости, но ее нет.

— Что это значит? Просто «подожди»?

Паула кивает.

— И это действительно лучший совет, который я когда-либо получал?

— Сможешь поблагодарить меня в любое время. — Она смотрит на меня с улыбкой.

Я вздыхаю.

— Пожалуйста, просто скажи мне чуть больше. Мой мозг, по-видимому, не может понять тебя прямо сейчас.

Паула толкает свою тарелку обратно и берет в руки кружку с кофе. Сидя в своем кресле, она смотрит на меня с улыбкой.

— Ты хороший человек, Райан. Все, что тебе нужно сделать, это дать вашим отношениям с Данни какое-то время, и она придет в себя. Она многое пережила в последнее время. Я говорю тебе, просто дай ей время и твои предложения будут услышаны. Моя девочка не пустышка. Она поддержит твои желания, я это тебе гарантирую.

Давление в груди пропадает, и я широко улыбаюсь Пауле.

— Спасибо. Это заставляет меня чувствовать себя намного лучше.

— Что заставляет тебя чувствовать себя намного лучше? — спрашивает Данни, когда входит в кухню, потирая сонные глаза.

Ее волосы стянуты в небрежный пучок, наверное, из-за наших игр прошлой ночью ее волосы всклокочены, и она попыталась скрыть это милым пучком. Она подходит ко мне и садится на мои колени. Я ласково провожу носом по ее линии челюсти,

— Ох, ничего. Паула рассказывала мне, как приготовить лекарство от моей изжоги в домашних условиях.

Данни зеваает и обнимает меня.

— Очень мило, — говорит она сонно.

Я смотрю поверх ее головы на Паулу, которая заговорщически мне подмигивает.

Я подмигиваю ей в ответ и обнимаю свою девочку.

Данни

Слушание по обвинению закончилось, и оно не могло пройти лучше. Риз не признал свою вину, но ему было отказано в залоге. Было больно сидеть с ним в одной комнате. Я не могу не думать о том, как близко он подобрался к тому, чтобы уничтожить меня. Я с содроганием представляю это, и Райан сжимает мою руку.

Райан хорошо отметелил его. Его нос забинтован, и окружной прокурор говорит, что ему теперь нужна операция. Остальное его лицо покрыто порезами и синяками. Я смотрю на Райана, его взгляд настолько яростный, будто он метает глазами кинжалы в Риза.

После суда Райан подвозит Паулу и меня обратно к моей квартире. Он должен пойти на урок, а потом на тренировку по хоккею. У меня смена в закусочной. Мы договариваемся, что встретимся сегодня вечером после того, как я закончу работать.

Наконец беготня, которая всегда происходит во время ужина в кафе, немного успокаивается, сейчас где-то 7:30 вечера, я устало наливаю себе стакан воды со льдом. Потягивая его, я вижу, как дверь в кафе открывается и входит мама Райана. С ней заходит молодая девушка, у нее такие же темные волосы и глаза цвета виски как у Райана. Это, должно быть, его сестра, Эмили. У нее такое же хмурое выражение лица, как и у ее матери.

Мое сердце начинает бешено стучать в груди. Она смотрит прямо на меня, и нет никаких сомнений, что она пришла сюда, чтобы поговорить со мной. Я с волнением наблюдаю, как она подходит к стойке и наклоняет ко мне голову.

— Данни, мы могли бы поговорить?

Я киваю головой, с ужасом ожидая, что она скажет. Я не хочу иметь ничего общего с этой женщиной, но не могу быть уверена, что она здесь не за тем, чтобы попробовать помириться с Райаном. Я бы хотела, чтобы они помирились.

Я веду их к кабинке в задней части закусочной. Силия даже не удосужилась познакомиться меня с его сестрой.

Мы садимся в кабинку, семья Райана с одной стороны, а я с другой. Как кстати.

Я смотрю на Силию в ожидании, когда она заговорит. Она не стесняется в выборе слов.

— Ни для кого не секрет, что я не хочу видеть тебя рядом с Райаном. Он не хочет слушать меня и не понимает причину. Поэтому ты должна порвать с ним.

Я поражена, все, что я могу делать — это смотреть на нее. Она думает, что я собираюсь, начать торговаться с ней?

— Простите, миссис Бёрнэм, но вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я собираюсь уйти от Райана.

Я вижу, как она наклоняется к своей сумочке и достает чековую книжку. Она смотрит мне прямо в глаза и спрашивает:

— Сколько это будет мне стоить?

Смех вырывается из моего рта, я попросту не могу сдержать его в себе. Я знаю, что это невежливо, но ничего не могу с собой поделать. Эта женщина пытается от меня откупиться и абсурдность ее действий меня смешит. Она же не видит ничего смешного и просто ждет, когда я успокоюсь, чтобы продолжить.

Наконец, я убираю со своего лица улыбку и смотрю на нее торжественно.

— Нет такой суммы, миссис Бёрнэм. Я не нуждаюсь в ваших деньгах.

Она насмехается.

— Бред. Деньги нужны всем.

Я качаю головой.

— Нет. Теперь, извините меня...

— Разве не очевидно, мама? — медленно произносит Эмили.

Мой взгляд возвращается к ней, и я жду, чтобы услышать, что она скажет дальше.

— Ей не нужны твои деньги, поскольку она думает, что Райан — это большая кормушка. Она вцепилась в него надолго.

Если бы я могла дотянуться через стол до сестры Райана, я бы не раздумывая ударила ее. Я по-прежнему спокойна внешне, хотя внутри во мне бушует гнев. Я смотрю на них.

— Мне жаль, что ваша поездка сюда прошла впустую. Теперь я должна вернуться к работе.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но миссис Бёрнэм тихо спрашивает:

— Райан будет разбит, его карьера полетит к чертям, ты понимаешь?

Я не уверена, является ли это уловкой, но я в свою очередь сосредотачиваю свое внимание на ней. Она лишь указывает мне пальцем на сиденье, которое я только что освободила, и я вздыхаю, когда сажусь, складывая руки вниз.

— Я могу заставить снять с Райана обвинения. Мой адвокат связался с адвокатом мистера Мэлоуна, и мы можем предложить ему очень хороший вариант урегулирования проблемы в обмен на снятие его обвинений против Райана.

Мои брови взлетают вверх, и теперь я полностью сосредоточена на ней.

— Это замечательно, — говорю я с волнением.

— Да, я тоже так думаю, — говорит она сухо. — Но я не собираюсь тратить свои деньги на эту сделку, если Райан все еще с тобой. Если ты хочешь, чтобы я внесла залог за Райана, и он выбрался из этой заварухи, тебе придется расстаться с ним и навсегда исчезнуть из его жизни.

Мое сердце сжимается и опадает в желудок свинцовым грузом. Эта женщина может решить проблему Райана и прекратить уголовное преследование, но цена слишком высока. Она хочет, чтобы я отказалась от единственной вещи в моей жизни, которая олицетворяет собой жизнь, любовь и счастье.

Я пытаюсь блефовать, уповая на то, чтобы она купилась на мои слова.

— Вы не оставите Райана в такой ситуации.

Она поднимает на меня дуги идеально выщипанных бровей.

— Разве? Он уже отвернулся от нашей семьи, почему бы мне не сделать то же самое?

Я задерживаю дыхание. Как может женщина, которая родила такого замечательного человека как Райан, так поступить с ним? Имея самую любящую и замечательную маму в мире, это просто выше моего понимания.

Я закусываю губу и смотрю в окно на потемневшую улицу. Это было десять коротких дней назад, когда Райан появился в моей жизни... здесь, в этой самой закуской. И сейчас меня просят принять решение отказаться от него. К сожалению, все возвращается на круги своя.

Миссис Бёрнэм наклоняется и тянется через стол ко мне.

— Послушай... я вижу, ты хорошая девушка. Но ты можешь стать его погибелью. Если его приговорят, он может попроситься со своей хоккейной карьерой. Без моей поддержки в снятии этих обвинений, Райан может оказаться в тюрьме. Хочешь, взять на себя такую

ответственность?

Я понуро опускаю плечи. То, что она предлагает — это единственно верный способ держать Райана подальше от бед. Он бы никогда не попал в неприятности, если бы не встретил меня.

Силия наклоняется вперед, и ее глаза пылают решительной холодностью,

— Позволь мне внести ясность. Если ты увидишься с Райаном или заговоришь с ним после снятия обвинений, я лично прослежу за тем, чтобы он не попал в НХЛ. Мой муж имеет достаточно контактов, которые могут убить за его спиной любые шансы на хоккейную карьеру, которую он так сильно жаждет.

Эта женщина — монстр, но я не отвечаю ничего, только кивком подтверждаю, что поняла ее требования.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты порвала с ним немедленно.

Она выходит из кабинки, и Эмили медленно следует за ней. Я решила, что буду сверлить взглядом дешевый стол, пока они не скроются из виду. Тогда я смогу заплакать.

Райан вот-вот должен прийти в мою квартиру, а я пытаюсь прийти в себя таким образом, чтобы сделать это расставание правдоподобным. Я попросила Паулу, чтобы она не встревала сегодня вечером. Она хочет узнать, что происходит, и я говорю ей, что расскажу позже. Я уверена, что буду рыдать на ее плече к тому времени, как все выйдет из-под контроля.

Раздается стук в дверь, и мое сердце уже чувствуется как будто расколотое на части, возрастает саднящая боль в груди. Наверное, осталось меньше пяти минут, прежде чем я потеряю Райана. Эту же боль я испытала, когда потеряла мать, и я никогда не думала, что буду чувствовать это снова.

Я открываю дверь, и Райан входит. Он обнимает меня и зарывается носом в мои волосы. Я плотно прижимаюсь к нему на мгновение, а затем отхожу. Оставаться в его объятиях дольше, может привести к срыву плана, который я собираюсь воплотить в жизнь

Райан начинает нести всякий вздор о тренировке, но я слышу только каждое четвертое слово из его рассказа. Я слишком озабочена тем, как начать свое выступление.

— Ты в порядке, Данни? Ты слышала, что я сказал?

Он смотрит на меня с мягкой улыбкой на лице, и его голова заинтересованно наклонена.

— Прости меня. Что ты сказал?

— Я сказал, что университет разрешил мне остаться в команде до тех пор, пока нам не вынесут приговор. Даже лучше, весь коллектив проголосовал за то, чтобы я остался на должности капитана. Они действительно сплотились вокруг нас.

Он обвивает меня руками и снова целует. Его энтузиазм заразителен, и я на несколько минут позволяю себя отвлечь. Я хочу, чтобы у меня было больше воспоминаний о нем, поэтому я принимаю эти поцелуи в качестве оплаты за то зло, которое я собираюсь причинить.

Мое тело жадно отвечает Райану, и я знаю, что если не остановлюсь, в конечном счете мы окажемся в постели вместе. И я, безусловно, не могу позволить этому случиться. Я ни за что не переживу прощальный секс с человеком, которого я до безумия люблю.

Я делаю шаг назад от Райана и подхожу к дивану.

— Ри... мы можем поговорить пару минут?

Я заламываю руки, когда сажусь и смотрю на настороженное лицо Райана. Он садится рядом со мной и откидывается назад, положив одну руку на спинку дивана. Я поворачиваюсь боком, чтобы видеть его лицо.

Я перед ним в долгу и должна смотреть ему в лицо, когда буду разбивать его сердце.

Райан нежно убирает пальцами мои волосы и заправляет их за ухо. Я трепещу от его прикосновений.

— Что случилось, детка? Я начинаю беспокоиться за тебя.

Я тянусь и хватаю его руку, крепко сжимая своими ладонями. Слезы наполняют мои глаза, и я вздыхаю.

— Райан... я не могу тебя больше видеть. — Я смотрю на него и могу сказать, что он не понимает. — Я не могу быть с тобой. Я хочу расстаться.

Райан двигается вперед по дивану и обхватывает мое лицо руками так, что я сосредоточена на нем.

— Скажи мне, что это шутка.

Я качаю головой, опуская глаза. Я не могу избавиться от печали на своем лице.

— Это не так.

— Почему? — требует он.

Я начинаю плакать по-настоящему. Как мне сказать слова, которые не соответствуют действительности, но гарантированно глубоко ранят его сердце?

— Я не выдержу этого... — говорю я неопределенно.

— Тебе придется быть более конкретной, Данни, — он не понимает.

Лицо Райана искажено гневом и недоверием. Мой желудок проваливается, и голова становится свинцовой. Он собирается позволить мне безвозвратно его разрушить.

Я встаю и распрямляю спину. Смахиваю слезы и смотрю на него с отвращением, насколько могу изобразить.

— Ты принес слишком много страданий и хаоса в мою жизнь, Райан. Твои родители меня ненавидят. Твои друзья думают, что я — шлюха.

— Мы уже говорили об этом. Мы пройдем это вместе. Я не верю, что это те вещи, которые оттолкнули тебя от меня.

Я должна сделать последний рывок так, чтобы он мне поверил. Моя душа умирает из-за моих следующих слов.

— Ради Бога, Райан... меня чуть не изнасиловали из-за каких-то заморочек между тобой и твоим товарищем по команде. Это твоя вина.

Лицо Райана бледнеет, и столько боли отражается в его глазах, что мне кажется, что меня может вывернуть от нервного перенапряжения. Он выглядит таким раздавленным сейчас, и я именно та, кто виноват в этом. Мое сердце сжимается и словно прекращает биться. Я никогда не смогу простить себя. Вот она настоящая скорбь по утраченным и потерянными счастьем и любви.

Райан смотрит вниз на ковер, растерянность написана на его лице. Затем он снова смотрит на меня.

— Прости, — говорит он тихо. — Я не хотел причинить тебе боль.

Ох, боже мой. Я готова плюнуть на все, поэтому мне нужно расстаться с ним, прежде чем я сломаюсь и признаюсь в злобном заговоре его матери. Я тянусь к другому краю дивана и достаю свой футляр для скрипки. Иду к двери и открываю ее.

— Пожалуйста, уходи, Райан и не звони мне больше.

Я смотрю в пол, пытаюсь остановить поток слез, ощущаю, как он приближается. Райан подходит ко мне, и я знаю, что он смотрит на меня. Я держу футляр.

— Возьми скрипку. Мне она не нужна.

Он ничего не говорит в течение минуты, и я отказываюсь взглянуть на него. Наконец, он произносит:

— Это подарок для тебя, Данни. Выброси, если она тебе не нужна.

Затем он выходит за дверь, медленно удаляясь от меня и из моей жизни.

Я тихо закрываю за ним дверь, а затем опускаюсь на пол, плача от боли, которую я причинила ему.

Райан

Я еду к родителям домой в Бикон-Хилл. Мой отец все еще находится в Вашингтоне, округ Колумбия, но моя мать пригласила меня на обед. Я очень зол на нее. Я не могу этого доказать, но знаю, что она виновата в том, что Данни внезапно порвала со мной.

Сначала, когда оставил Данни в квартире, я был шокирован. Все, что делало меня счастливым, внезапно было отнято у меня. Я был зол на Данни примерно около двух минут, но когда ехал обратно домой, меня осенило. В планы Данни не входил разрыв со мной. Кроме того, я совершенно уверен, что Данни любит меня. Должно было произойти что-то действительно зловещее, чтобы она решилась сделать это. И наиболее зловещая вещь, которую я знаю, является моей матерью.

Я несколько раз пытался связаться с Данни. Она не отвечает на мои звонки и сообщения. Я позвонил Пауле, но она отвечает расплывчато или уклончиво. Говорит, что передает мои сообщения, но я понятия не имею, действительно ли она делает это. Я даже был у «Организации помощи церкви» и «Салли», в надежде поймать Данни, чтобы мы могли поговорить. Она избегает и отшатывается от меня, как от чумы.

Сейчас прошло уже две недели с тех пор, как Данни выкинула меня из своей жизни, и мне нужны ответы. Формально обвинения против меня уже сняты. Мой адвокат заключил сделку с адвокатом Мэлоуна. Он сможет получить символическую часть моего трастового фонда, но оно того стоит, чтобы это дерьмо не висело над моей головой. Эта новость должна заставить меня чувствовать себя безумно счастливым, но на вкус она горькая и холодная. Это не так важно, если Данни нет в моей жизни.

Я подъезжаю к дому и делаю несколько успокаивающих вдохов. Мне нужна любая помощь, чтобы я мог поговорить со своей матерью.

Входя в дом, слышу голоса, доносящиеся с заднего двора. Я приближаюсь и сразу вижу Энджелин, сидящую рядом с мамой. Они перестают говорить, когда замечают меня, и в следующий миг Энджелин бежит ко мне, цепляясь за меня.

— Я скучала по тебе, Райан.

Мои руки словно плети висят в бездействии, я сжимаю и разжимаю кулаки в попытке сохранить спокойствие. Когда Энджелин не понимает намека, что я не отвечаю на ее объятия, я отпихиваю ее от своего тела и отхожу от нее.

— Что ты здесь делаешь, Энджелин? — мой голос холодный и безэмоциональный.

Улыбка спадает с ее лица, и она смотрит на мою маму заискивающим взглядом, словно ища поддержки.

— Я просто думала, ты будешь рад меня видеть сейчас, когда расстался с этой... — Энджелин затихает, когда видит убийственный взгляд на моем лице.

— Я пригласила ее пообедать с нами, Райан, — прерывает моя мать. — А теперь перестань быть таким грубым.

Я обращаюсь к Энджелин.

— Ты должна остановиться. Услышь мои слова, когда я говорю, что больше не заинтересован в тебе и никогда снова не буду.

— Райан! — верещит моя мать.

Энджелин не двигается и переводит взгляд назад и вперед между нами двумя.

— Уйди, Энджелин. Сейчас! — мой голос холодный и яростный, и она знает, сейчас лучше не проверять мое терпение. Она скрывается, как маленький испуганный зверек, и спустя несколько мгновений я слышу, как хлопает входная дверь.

Моя мать смотрит на меня пристально. Я занимаю место, с которого только что вскочила Энджелин.

— Нам нужно поговорить, мама.

Обхватывая жемчуга вокруг своей шеи, моя мать откидывается на спинку стула и скрещивает ноги. Она не помогает себе, когда говорит:

— Честное слово, Райан. Я понятия не имею, что на тебя нашло. Ты будешь сожалеть и долго умолять, чтобы заполучить Энджелин обратно.

Я наклоняюсь вперед в кресле и складываю локти на колени, сплетая пальцы вместе. Я смотрю прямо в глаза своей матери и спрашиваю:

— Ты когда-нибудь действительно слушаешь, что я говорю?

Она выглядит ошеломленной.

— Что? Конечно, я это делаю.

— Тогда повторяю еще раз... я не собираюсь быть с Энджелин... когда-либо снова. Прекрати, ради всего святого, насильно пихать мне ее!! Ты ничего не делаешь, кроме как причиняешь ей боль, потому что оправдываешь ее ожидания, а я отказываю ей. Просто прекрати это.

Моя мать тяжело дышит, но ее голос тверд.

— Отлично. Я услышала тебя и прекращу навязывать тебе Энджелин. Неважно. Есть много других подходящих тебе женщин.

Я чувствую, как мой контроль ускользает от меня по крупице, и медленно делаю еще один глубокий вдох и выдох.

— Забудь на минуту о других женщинах. Я хочу, чтобы ты рассказала мне, как и чем, ты убедила Данни порвать со мной.

Внимательно наблюдая за ее реакцией, я оказываюсь вознагражден. Это было видно всего мгновение, но я заметил вспышку, промелькнувшую на ее лице. Сначала я подумал, что это было чувство вины, но потом понял, что мы говорим о моей матери, и она никогда не будет чувствовать себя виноватой за то, что разрушила мои отношения с Данни. Нет, то, что я увидел, было чистой воды причастность. Она запаниковала на долю секунды, думая, что я что-то знаю, прежде чем смогла восстановить свое привычное беспристрастие.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, Райан. — Она звучит оскорбленной, но меня больше не обмануть.

— Не лги мне, мама.

— Я не лгу тебе и не тебе обвинять меня в этом. Это неуважительно, и я не буду терпеть такое поведение от собственных детей.

— Скажи мне правду! — кричу я.

Я чрезмерно разочарован и мне нужно, чтобы она доказала мне, что мои подозрения верны. Потому что если она подтвердит, то это значит, что у меня есть шанс вернуть Данни.

Моя мама встает.

— Мы закончили этот разговор. Я предлагаю тебе уйти и не возвращаться, пока ты не сможешь показать мне свое уважение.

Разворачиваясь на каблуках, она спешно направляется к двери.

Я применяю последнюю тактику.

— Если у тебя когда-нибудь была хоть малая толика любви ко мне, я прошу тебя мама... пожалуйста, скажи мне правду. — Мои слова звучат мягко и умоляюще.

Она останавливается на секунду и мне кажется, что может развернуться и сказать мне то, что я хочу знать, но потом она продолжает идти к двери и не оглядывается назад.

Потерпев поражение, я покидаю дом, где провел детство и сделал первые шаги, только сейчас начиная понимать, что он никогда не являлся мне домом, а родные люди были лишь фальшивкой. Я сомневаюсь, что когда-либо вернусь сюда. Болезненные фантазии, что моя мать заботится обо мне и желает мне счастья, испаряются. Удивительно, как это больно, учитывая тот факт, что я никогда не был очень близок со своими родителями. Я думаю, есть часть меня, которая считает, что воспитывая меня, у Силии Бёрнэм появился материнский инстинкт. К сожалению, тот факт, что я был воспитан своей няней, охлаждает и отрезвляет мои воспоминания.

Я возвращаюсь в общагу и лежу на своей кровати. Руки сложены за головой, мне нужно решить каким будет мой следующий шаг с Данни. Моя основная проблема заключается в установлении контакта с ней, поскольку она не отвечает на мои звонки. Я полагаю, что могу преследовать ее у «Салли» или в ее квартире, но это выглядит неразумно, пока я не буду знать наверняка, что собираюсь сказать ей. Я думаю, у меня есть всего один шанс с Данни и не хочу облажаться.

Я должен признать, что немного разочарован, что она не отвечает на мои звонки. Понимаю, что моя мать, по всей вероятности, сделала что-то чудовищное, чтобы напугать Данни. Но одна маленькая часть меня хочет, чтобы Данни заботилась обо мне достаточно, чтобы мы могли сохранить, по крайней мере, дружеские отношения.

Мои мысли пробегают по списку вещей, которые я хочу сказать Данни, и я вздрагиваю, когда кто-то стучит в мою дверь.

— Войдите.

Скрипит открывающаяся дверь и появляется голова моей сестры Эмили. Я ошеломлен, что она здесь. Мы не очень близки, точнее мы терпеть друг друга не можем. Насколько могу помнить, я не думал, что она когда-нибудь навестит меня здесь, в кампусе.

— Эй, — говорю я. — Что ты здесь делаешь?

Она пожимает плечами и ничего не говорит, но входит и закрывает дверь. Она одета в дизайнерские джинсы и легкий свитер. Ее темные волосы убраны в конский хвост, и я вдруг понимаю, какая она красивая. Однажды она разобьет чье-то сердце.

Осмотрев комнату, она наконец садится на кровать Майка со сцепленными на коленях руками.

— Могу я спросить кое-что? — начинает она.

Я сажусь на кровать и поворачиваюсь к ней лицом. Понятия не имею, почему это происходит, но это немного сюрреалистично. Я бы поставил деньги, что мать послала ее сюда на разведку.

— Конечно, — отвечаю я ей.

— Ты действительно любишь эту девушку, Данни? — она говорит имя Данни с долей отвращения, но я также слышу неподдельное любопытство. Словно любовь — это чуждое для нее понятие и, может быть, это действительно так. Я понятия не имею, была ли Эмили когда-нибудь влюблена или, может, она даже встречается с кем-то. Это заставляет меня осознать, что я ничего не знаю о ней.

— Я люблю Данни очень сильно. — Я не говорю больше, потому что, опять же, понятия не имею, почему она здесь, а я предполагаю, что из-за поручения нашей матери.

Эмили смотрит на свои руки и нервно вертит красивое сапфировое кольцо, которое носит. Она снова смотрит на меня.

— Ты можешь сказать мне почему?

На этот раз в ее тоне что-то другое, она здесь чтобы понять что-то, что выходит за рамки ее понимания. Может быть, Эмили здесь, потому что она имеет еще какие-то чувства за пределами холодности и черствости, что ей годами прививали мои родители.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю ей задумчивой улыбкой.

— Ладно. Посмотрим. Ты хочешь список по номерам или по алфавиту?

Эмили издает весьма неженственное фырканье и тут же шлепает своей рукой по рту, зажимая его, потому что она не может поверить, что только что сделала это. Она хихикает про себя, что заставляет мои брови подняться. Я не думаю, что когда-нибудь раньше слышал, как Эмили хихикает.

Убирая свою руку ото рта, она говорит с усмешкой:

— В любом порядке.

— Ладно, когда я впервые встретился с Данни, то это было ее остроумие, что привлекло мое внимание. На самом деле, я услышал ее прежде, чем увидел... и я был покорен ее умом. Но когда поднял голову, то сразу же обратил на нее внимание. Я подумал, что она такая красивая.

— Но у нее же фиолетовые волосы и на лице есть пирсинг?

В ее тоне снова есть осуждение, но я проявляю к ней терпеливость.

— Какое это имеет значение, Эмили? По большому счету... кому какая разница?

Эмили пожимает плечами.

— Наверное, потому что это выглядит странно. Не понимаю, как это может нравиться.

— Возможно, я бы сказал, что тебе нужно расширить свой кругозор.

Я вижу, как крутятся шестеренки в ее голове, когда она обдумывает мои слова.

— Что еще? — требует она.

— Она очень умная и талантливая. Она изучала музыку в Джульярде, но ей пришлось бросить, когда ее мама заболела раком. Она играет на скрипке и поразительно хороша. Я пытался заставить ее вернуться.

— Еще что? — шепчет она.

— Она добрая и щедрая. Она работает волонтером несколько раз в неделю в приюте для бездомных. Я несколько раз ходил с ней, чтобы помочь и познакомиться с очень интересными людьми.

Эмили смотрит на меня в ужасе от перспективы работать в приюте для бездомных. Ладно, наверное, я никогда не увижу Эмили, которая пробует быть более гуманной, но попытка не пытка.

Она молчит некоторое время, снова покручивая кольцо на пальце, выглядя встревоженной.

— Это очень веские причины, чтобы любить кого-то, — шепчет она.

— Эмили, это лучшие причины, чтобы любить кого-то. Не потому, что у нас есть какие-то глупые понятия о классовом различии или представления о жизни.

Эмили встает и садится рядом со мной на моей кровати. Она оборачивается ко мне, и ее лицо утопает в горе.

— Данни рассталась с тобой не по своей воле, — шепчет она. — Мама угрожала тебе, чтобы заставить ее сделать это.

— Сучка, — восклицаю я громко. Я подозревал, что дело было в этом, но признание этого вслух бесит меня еще больше. Эмили вздрагивает от гнева в моем голосе, но не пугается его, чему я очень рад. Она ждет.

— Мама поехала, чтобы увидеться с ней несколько недель назад и предложила мне поехать вместе с ней. Признаюсь... мне было любопытно увидеть эту девушку, что смогла принести столько проблем в нашу семью. И мне жаль. Я смотрела на нее и просто не понимала, что ты в ней нашел. Но теперь понимаю.

Я глубоко вдыхаю, подтверждая то, что, наконец, узнал правду. Но мне нужна более подробная информация, а моя мать не собирается делиться ей со мной.

Слезы набегают на глаза Эмили, пока я злюсь на нее, но я должен быть благодарен, что она все рассказала мне. Я резко притягиваю ее в объятия.

— Спасибо, Эм. Это вернет мой мир, благодаря тому, что ты рассказала мне правду.

Она кивает головой и обнимает меня в ответ.

— Что еще я могу сделать, чтобы помочь тебе?

— Просто расскажи мне все, что мать сказала Данни, чтобы я мог попробовать поговорить с ней и попросить прощение за глупость моей семьи.

— За очень много глупостей, — язвит Эмили, и я киваю соглашаясь.

Данни

Прошло две недели с тех пор, как я видела Райана, и я несчастна. Я отвечаю себе пощечину, по меньшей мере, двадцать раз за день, благодаря этому я еще не бегу сломя голову к нему. Депрессия стала единственным моим настроением, я вижу, что Паула до смерти за меня боится. Она думает, что я должна во всем признаться Райану, чтобы смогла умолять его, принять меня обратно.

Боже, я так хочу сделать это, но не могу рисковать, вдруг мать Райана отомстит ему. Все, черт побери, так запутано.

Лежа на своей кровати, я смотрю на скрипку Райана, которую он подарил мне. Я положила ее на своем столе в тот день, когда мы расстались, и не брала ее с тех пор. У меня нет желания, и я беспокоюсь, что моя любовь к музыке была безвозвратно разрушена.

В воспоминаниях последний раз я играла для Райана — это горько, мне больно. В памяти всплывает его задумчивое лицо, с восхищением смотрящее на меня, когда я играла для него, это были одни из лучших моментов в моей жизни, и я зла как черт, что они прошли. Эти воспоминания теперь запятнаны горем о том, что я потеряла.

Без Райана в моей жизни желание заниматься музыкой пропало. Просто мне трудно представить, что я снова играю на скрипке.

Я предполагаю, что сделала что-то не так, что обидела все злые силы природы, которые нацелились на меня своими жестокими играми. За прошедшую неделю Энджелин и ее подруги приходили в «Салли» с одной единственной целью — мучить меня.

Пока я жду их заказ, то слышу фрагменты разговора, нацеленные обидеть или унижить меня. Я стараюсь, чтобы это все проходило мимо меня, но это не так просто.

Например, вчера вечером, когда я долила всем воды в бокалы за ее столом, Энджелин «случайно» сбила тарелку супа на пол. Я говорю «случайно», вкладывая столько сарказма, сколько могу изобразить, потому что в действительности, я наблюдала за ее действиями, как она сдвигает тарелку к краю стола, а затем дожидается, пока я буду рядом со столом, прежде чем она сталкивает ее.

Когда я наклоняюсь, чтобы вытереть суп и собрать осколки, я слышу, как одна из ее подруг говорит:

— Я слышал, что она была в кровати Райана с Ризом Мэлоуном, когда Райан их застукал.

Я поднимаюсь и смотрю на стол, мое лицо пылает от гнева, потому что они стараются унижить меня тем, что я была почти изнасилована. И они пытаются выставить это так, словно я добровольно собиралась сделать это с Ризом. Я смотрю на их лица, и все они невинно улыбаются глядя на меня. Все, кроме Кэмерон. Я замечаю, что она смотрит на меня с сочувствием.

Я подхожу и нависаю над Энджелин.

— Это ложь, Энджелин, и ты это знаешь. Риз Мэлоун пытался меня изнасиловать. — Я закипаю от злости, что клопочет изнутри.

— Ох, брось, Данни. Каждый здесь знает, что ты трахалась с Ризом за спиной у Райана. Именно поэтому Райан расстался с тобой. Все на кампусе говорят об этом.

— Не нужно, я уверена, что это ты распространяешь эти грязные слухи.

Энджелин нисколько не встревожена. Она заливисто хохочет, а затем пристально смотрит на меня.

— Кому по-твоему все верят... тебе или мне?

Я обращаю свое внимание обратно на всех за столом.

— Я предлагаю всем проверить свои источники. Риз Мэлоун в тюрьме за попытку изнасилования.

— Ну, конечно, он же глуп, — говорит Энджелин. — Мы все знаем, что ты утверждала, что это было изнасилование, чтобы Райан не узнал, что ты его дурачила.

Слезы наворачиваются на мои глаза, и Энджелин выглядит торжествующей, что ей удалось меня сломить. Я слышу громкий скрежещущий звук и смотрю через стол. Кэмерон резко встает. Хватая сумочку, она с отвращением смотрит на Энджелин и выходит из закуской.

Я отворачиваюсь от стола и убегаю на кухню, где договариваюсь с другой официанткой поменяться графиками и ухожу вечером.

И вот я, видимо, на еще одной жестокой смене. Энджелин и ее друзья — за исключением Кэмерон — сидят все вместе. Они заняли два стола. Нет сомнений, что это повторяющееся усилие с ее стороны, чтобы помучить меня, потому что она никогда не тусовалась здесь до того, как Райан встретил меня.

К сожалению, я работаю одна, потому что сегодня среда и это самое унылое время на неделе. Я хватаю семь стаканов воды со льдом и несусь к столикам, устанавливая их перед каждой девушкой.

— Уже знаете, что хотите, девушки, — говорю я.

— Хммм... — бормочет Энджелин, просматривая меню. — Я не уверена. Конечно, я не очень голодна после замечательного обеда, на котором я была с Райаном сегодня. Мы даже заглянули за десертом в его комнату.

«Я не стану бить эту девушку, я не стану бить эту девушку», — как мантру повторяю я.

На лице Энджелин нет сожаления, когда она извиняется.

— Ой, прости, Данни. Я думаю, что была слишком бесчувственна, упоминая интимные подробности о Райане при тебе. — Она давится от смеха, и остальные девочки хихикают над ее насмешкой.

— Что ты хочешь сказать, Энджелин? Сделай это быстро.

Она игнорирует меня, но склоняется ко мне заговорщически.

— Между нами, Данни, я не уверена, что ты была достаточно хороша, чтобы удержать Райана заинтересованным в постели. Он зверь, ты же знаешь. Мы потратили на это весь день.

Прежде чем успеваю ответить, я слышу:

— Это наглая ложь, Энджелин.

Мое сердце ускоряется, когда я слышу его голос. Медленно поворачиваясь, я наблюдаю за Райаном, его руки сжаты, и он выглядит так, будто хочет убить Энджелин.

Он одет в выцветшие джинсы и футболку с длинным рукавом. На нем его старые, изношенные полосатые конверсы, которые я обожаю. Он нацепил бейсболку, и концы его длинных волос очаровательно торчат из-под ее краев. Я чуть не разрыдалась, смотря на него.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Энджелин, и ее лицо выглядит позеленевшим от

злости. Я гарантирую, что она не ожидала, что Райан услышит ее гнусную ложь...

Райан преодолевает расстояние до стола и смотрит вниз на Энджелин.

— Это единственный раз, когда я собираюсь это сказать. И это касается всех вас, сидящих за этим столом. — Райан останавливается и смотрит на каждого человека. — Если я услышу от кого-нибудь, что вы говорите плохо о Данни, я лично сделаю так, что вы будете в черном списке каждой организации в этом университете. Кроме того, я использую связи моей семьи и наши обширные ресурсы, чтобы разрушить жизнь каждого из вас. Нет места, где можно будет спрятаться от меня. И если всем все совершенно ясно, я не трахал Энджелин сегодня днем, и я не прикоснусь к ней и даже не приближусь на десять футов. Пожалуйста, убедитесь, чтобы все вокруг это знают. Есть только одна женщина, к которой я хочу прикасаться. Потому что она единственная, кого я люблю.

Райан отворачивается от стола и тянется ко мне. Мой рот приоткрыт от удивления, когда он приближается и накрывает своим ртом мои губы. Я знаю, что должна отстраниться, но не могу. Я люблю его слишком сильно. Буду беспокоиться о последствиях позже и надеюсь, что мать Райана не узнает об этом.

Райан оборачивает свои руки вокруг меня словно змеиными кольцами, притягивая и прижимая мое тело к своему, подавляя мою волю. Мои руки обнимают его за шею, и я держу его, как самое драгоценное богатство в моей жизни, пока он целует меня, ведь завтра этого не будет. Затем он резко отстраняется. Он смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Я люблю тебя, Данни. И могу сказать, твой поцелуй сказал мне, ты все еще любишь меня. Мы поговорим после того, как ты закончишь работу.

Я пораженно смотрю, как Райан идет к стойке и садится. Он, видимо, собирается ждать здесь, пока не закончится моя смена. Я знаю, что должна быть в панике, что он хочет устроить противостояние сегодня вечером, но я онемела от всего, что произошло в последние тридцать секунд.

Повернувшись спиной к Энджелин и компании, я становлюсь по другую сторону стойки и вытаскиваю чашку для кофе. Я наполняю ее и ставлю перед Райаном. Он ничего не говорит. Я смотрю снова и вижу, что Энджелин, и ее друзья уходят, заметно тише, чем, когда они пришли.

Снимая свой передник, я подхожу к Райану.

— Я закончила.

— Могу ли я отвезти тебя домой и там поговорить?

Я инстинктивно хочу отказаться, потому что боюсь, что узнает его мать, но я задолжала ему время и разговор. Мне нужно было сделать это раньше, но я так боялась, что его мать сможет выяснить это. Я не удивлюсь, если она наняла частного детектива, чтобы следить за нами.

— Конечно.

Поездка ко мне проходит напряженно и молчаливо. Поскольку мы идем в мою квартиру, я тихо говорю через плечо:

— Спасибо тебе, что заставил Энджелин отвалить от меня. Становилось все труднее вести себя хладнокровно.

— Это не проблема. Кэмерон пришла ко мне вчера вечером и рассказала, что делает Энджелин. Это удача, что я столкнулся с ней, чтобы положить этому конец.

Мы сидим в гостиной на противоположных концах дивана. Райан наклоняется вперед,

видно, что он чувствует себя тут чрезвычайно уютно. Я же напряжена и готова сбежать подальше от него.

— Я скучаю по тебе, — говорит мне он.

Я могу чувствовать жжение и подавляю слезы, сглатывая горечь грусти.

— Райан... пожалуйста, не надо...

— И ты тоже скучаешь по мне.

Он говорит это так спокойно, как будто нет места для противоречий и ссор. Он знает меня слишком хорошо, но я решаю действовать с яростью.

— Я полагаю, что у тебя слишком раздуто эго, думая, что я скучаю по тебе.

Он смеется надо мной. Он смеется во всю силу, звонким смехом. Я скрепчиваю руки на груди и просто жду, когда он закончит. После того, как он наконец-то затихает, он смотрит на меня с изумлением.

— Мы покончим с этим фарсом сегодня, Данни. Я не уйду, пока мы не будем вместе, и ты не признаешь, что любишь меня. На самом деле я обещаю, прежде чем этот вечер закончится, я буду заниматься с тобой любовью.

Я начинаю злиться. Я наполовину раздражена, а наполовину возбуждена.

— Ты ненормальный, Райан Бёрнэм. Если ты думаешь, что можешь просто заявиться сюда и...

Райан прерывает мой поток лживых и пустых слов, придавливая своим телом меня к дивану. Он берет в ладони мое лицо и целует. Его язык, проскальзывая между моих губ, сразу же разжигает во мне огонь, и я борюсь всего лишь мгновение, а затем целую его в ответ. О боже, я скучала по этому. По его прикосновениям, его голосу, его запаху.

Райан только слегка отстраняется от меня, но все еще касается меня нежно губами.

— Я знал, что это будет единственный способ заставить тебя заткнуться.

Я ошарашена от вереницы чувств, проносащихся во мне.

— Данни, я знаю, что сделала моя мать, — говорит Райан.

Я сажусь прямо и отталкиваю его назад.

— Ты знаешь?

— Да. Ко мне пришла Эмили и рассказала.

Я смотрю на фото, которые стоят на моем столе, и не смею отвести от них взгляд. Я не уверена, что это значит. Хотя я знаю, что это значит. Это ничего не меняет. Мать Райана имеет стойкие намерения разлучить нас. Я не могу быть с ним, она увидит и разрушит все.

— Это ничего не значит, Райан. Мы не можем быть вместе.

Райан глубоко вдыхает и выдыхает, словно он готовится говорить с маленьким четырехлетним ребенком.

— Данни... я немного разочарован, что ты позволила чему-то, сказанному моей матерью, разлучить нас.

Это застаёт меня врасплох. Это своего рода атака на меня, и я сразу ошарашиваюсь.

— У меня не было выбора, — шиплю я. — Она пообещала, что сможет помочь прекратить уголовное преследование, но сделает это только, если я буду держаться подальше. Она была готова рискнуть, позволить тебе получить обвинительный приговор и, возможно, тебя бы посадили, просто назло, потому что ты остаешься со мной.

Райан качает головой.

— Она играла с тобой, Данни. Она не имеет ничего общего со снятием обвинения. Я сделал все это сам.

Я шокирована.

— Ты сделал?

— Ага.

— Но... но твоя мама говорила, что она уничтожит тебя, если я останусь с тобой. Говорила, что убедится, чтобы ты не попал в НХЛ.

Теперь на лице Райана ухмылка.

— Снова играет.

Похоже, что его забавляет моя глупость.

— Ты не должен быть настолько довольным тем, что я идиотка, — огрызаюсь я.

Ухмылка Райана сменяется пониманием. Он хватает меня за руку и притягивает мои пальцы к своим губам. Я пытаюсь вырваться, но он держит их крепко.

— Данни, я смеюсь не над тобой, а над рухнувшими планами моей матери. Улыбаюсь, потому что теперь, когда все тайны открыты, мы можем быть вместе снова. Я безумно счастлив.

Я качаю головой.

— Твоя мать не сможет изолировать тебя? Или разрушить твою хоккейную карьеру?

— Изолировать от общения с родными? Семейные узы, которые являются хрупкими и основываются на долге и обязанности, а не на любви. Скажи мне, что конкретно я потеряю? И поверь мне, моя мать не имеет никакой власти над моей хоккейной карьерой. Она пускает пыль в глаза.

Я думаю, мне нечего сказать. Он продолжает:

— Есть вещи важнее, посмотри, что мы потеряем, если прогнемся под очередной каприз моей мамы.

Надежда начинает подниматься внутри меня, и я смотрю на него. Его красивые глаза притягивают меня. Он тянет меня к себе, оборачивая руки вокруг моей талии.

— Ты для меня важнее, чем все остальное в этом мире. Пока у меня есть ты, мне больше ничего не нужно. Это ты, Данни. Это всегда будешь только ты.

Ох, Райан. Мой Райан. Мои руки дрожат, когда я прикасаюсь к его лицу. Я глажу его по челюсти и щеке. Он закрывает глаза от моего прикосновения, и я чувствую, как поднимается мое настроение, словно гелий, который заполняет воздушный шарик. Моя голова кружится от возможного будущего с моим единственным.

Я опускаюсь на его колени, прижимаюсь к груди и утыкаюсь в нее лбом.

— Это правда? — шепчу я.

— Да, — подтверждает он, сжимая мои бедра, восхитительно зарываясь в них пальцами.

— Ох, Райан. Мне очень-очень жаль, что я заставила нас пройти через все это. Я в первую очередь должна была прийти к тебе. — Я начинаю плакать, обремененная тяжестью обиды и боли, которую я необдуманно вывалила на этого человека. Моего любимого. — Я никогда не думала те ужасные вещи, которые наговорила тебе.

— Шшшш, — шепчет он, пока вытирает мои слезы. — Больше никаких извинений. Сегодня первый день начала нашей жизни вместе.

Я киваю, принося своими губами к его. Я пользуюсь моментом и мягко целую его в губы. Он слегка приоткрывает их, и я пробегаюсь языком по краю его губ. Прокладывая свой путь, целуя от щеки к уху, я шепчу ему, как сильно я его люблю. Покусывая его шею, я обещаю никогда не покидать его снова. Его руки творят чудеса с моим телом, его поцелуи

привязывают меня к себе навсегда. Когда наше дыхание становится тяжелым, а наш шепот хриплым от желания, я прошу его заняться со мной любовью.

И прежде, чем наступает ночь, он выполняет свое обещание.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Американский сериал 1984 года.

Марка шампанского премиум-класса крупного французского производителя Moët et Chandon.

Друг, который помогает произвести впечатление на девушку, к тому же фильм «Лучший стрелок» о пилотах.

Престижная консерватория в Нью-Йорке.